

СПЕЦПРОЕКТ:
АНАЛІЗ НАУКОВИХ ДОСЛІДЖЕНЬ

Матеріали VII Міжнародної науково-практичної конференції

Київ • 14–15 червня 2012 р.

У семи томах

Том 4

Мистецтвознавство та культурологія. Філологічні науки

Дніпропетровськ
Видавець Біла К. О.
2012

УДК 336
ББК 65.01
С 71

ОРГАНІЗАЦІЙНИЙ КОМІТЕТ:

Голова оргкомітету:

Корецький М. Х. – д.держ.упр., професор, Заслужений діяч науки і техніки України, проректор з науково-педагогічної роботи Академії муніципального управління, м. Київ.

Члени оргкомітету:

- Бакуменко В. Д. – д.держ.упр., професор, Заслужений діяч науки і техніки України, проректор з наукової роботи Академії муніципального управління, м. Київ;
- Дачій О. І. – д.е.н., професор, Заслужений працівник освіти України, Директор Науково-навчального інституту регіонального управління та місцевого самоврядування Академії муніципального управління, м. Київ;
- Бутко М. П. – д.е.н., професор, завідувач кафедри менеджменту організацій та державного управління Чернігівського державного технологічного університету.

С 71 Спецпроект: аналіз наукових досліджень : матеріали VII Міжнар. наук.-практ. конф., 14–15 черв. 2012 р. : у 7 т. – Дніпропетровськ : Біла К. О., 2012.

ISBN 978-617-645-060-3

Т. 4 : Мистецтвознавство та культурологія. Філологічні науки. – 2012. – 108 с.

ISBN 978-617-645-064-1

У збірнику надруковано матеріали VII Міжнародної науково-практичної конференції «Спецпроект: аналіз наукових досліджень».

Для студентів, аспірантів, викладачів ВНЗів та наукових закладів.

УДК 336
ББК 65.01

ISBN 978-617-645-060-3

ISBN 978-617-645-064-1 (Т. 4)

© Авторський колектив, 2012

К.иск. Авдеева В.В.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

НАИВНОЕ ИСКУССТВО УРАЛА: ОСОБЕННОСТИ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Интерес к наивному искусству Урала выражается, на сегодняшний день, в коллекционировании работ наивных художников в среде любителей и профессионалов. Хотя данное художественное явление перестало быть редкостью в современной художественной среде, оно встречается в равной степени и на Западе, и в России. Для хранения, изучения и публичного представления коллекций в Уральском регионе организуются государственные музеи, частные галереи, основой которых становятся образцы наивного направления.

В начале XX века проявился интерес к формированию отдельных коллекций наивного искусства, стали создавать государственные музеи, открывать частные галереи. На сегодняшний день, насчитывается определенное количество музеев и галерей подобного профиля. К ним можно отнести музейные институции Европы: Музей ар-брют (Лозанна, Швейцария), Музей аутсайдеров Шарлотты Цандер (Бёнинхайм, Германия), Музей наивного искусства Анатоля Яковского (Ницца, Франция); Центральной России: Муниципальный музей наивного искусства (Москва), Музей творчества аутсайдеров (Москва, на данный момент, переехавший в Черногорию), Владимиро-Суздальский музей-заповедник с экспозицией "Музей наивного искусства России" (Суздаль). Опыт с некоторыми коллекциями позволяет автору дать наиболее точную и достоверную оценку деятельности региональных музеев и их создателей.

Проблема изучения собирательской деятельности наивного искусства Урала в отечественном искусствознании остается открытой. Важной составляющей проблемы становится аспект консолидации художественного потенциала данного региона, что позволяет в большей или меньшей степени об активной собирательской деятельности.

Задачей исследования становится описание и систематизацию коллекций наивного искусства в Уральском регионе, выявление основных музеев и галерей, обнародование имен мастеров-самоучек, хранящихся в данных собраниях, как следствие описание специфики художественной ситуации Урала в XX веке, связанной с изучением регионального наивного искусства.

В Уральском регионе позиции муниципальных музеев уступают инициативам частных собирателей – музей «Невьянская икона» (Екатеринбург), «Му-

зей советского наива» (Пермь), коллекция Е. Христофиди (Екатеринбург), Музей простого искусства Урала и Сибири Олега Елового (Заречный). Муниципальными структурами в изучении наивного искусства стали некоторые непрофильные региональные музеи и центры: Екатеринбургский центр народного творчества «Гамаюн» (Екатеринбург), Музей деревянного зодчества и народного искусства им. И.Д. Самойлова (Нижняя Синячиха), краеведческий музей им. И.Я. Стяжкина (Каменск-Уральский), Челябинская картинная галерея и др.

Автору предстоит обратиться к анализу ряда региональных музеев, в собраниях которых возникли коллекции наивного искусства. В частности, Музей деревянного зодчества и народного искусства им. И.Д.Самойлова (Нижняя Синячиха, Алапаевский район). Под руководством директора музея Ивана Даниловича Самойлова с 1950-х годов XX века была собрана не только уникальная коллекция уральской росписи, также и работы наивных художников – Х. Д. Чупраковой (1922–1984) и А. И. Трофимовой (1905–1988).

Также Муниципальный центр народного творчества «Гамаюн» (Екатеринбург), открытый в середине 1990-х годов, занимается популяризацией самодельного и наивного искусства. Среди основных имен наивистов выступают художники различных региональных направлений: к примеру представители «алапаевской» ветви – В.С. Белов (1933–1996), П.В. Устюгов (1922–2009); «асбестовской» – Н.И. Варфоломеева (1919–1998); «екатеринбургской» – А.И. Уткина, Э.А. Барцев, А.Н. Коровкин, В.С. Винокуров, М.Ф. Лазарев (1920–2002), «каменск-уральской» – А.Г. Занадворов (1919–1998) и др.

В круг исследования входит и коллекция «простого» искусства из фондов краеведческого музея им. И.Я. Стяжкина, которая стала пополняться с 1972 года работами интересующих нас наивных и самодельных художников. Когда в 1978 закончилось строительство городского выставочного зала, художественный отдел переехал в новое здание. В начале 1980-х годов в Краеведческом музее имени И.Я. Стяжкина, где на тот момент собралась внушительная коллекция работ каменских художников, потекла крыша. Работы нужно было спасать. Тогда Художественный отдел взял на временное хранение большую часть работ, в 1993 году он был переименован в Городской выставочный зал, который работает и сейчас. Среди них известные мастера «каменск-уральской» линии: Н. Н. Булкин (1928–1992), Н.М.Коршунов (1925–2003), А.А. Протасов (1925–1997), А.Г. Занадворов (1919–1998), И.И. Папуловский (1925–1995), а также И.С. Грибов (1913–1982), А.И. Мясников (1924–?), Н.А. Рудницкий (1902–?), Н.Н. Ромашов (1928–2003). Покаательно, что работы А. Занадворова хранятся и в музейном центре «Гамаюн».

Помимо муниципальных музеев основу коллекций наивных и примитивных художников на Урале составляют и частные галереи и коллекционеры. Кроме известного краеведа И.Д. Самойлова, создателя музея уральского народного прикладного искусства, известна деятельность коллекционера Е.В. Ройзмана, директора музея «Невьянской иконы» (Екатеринбург). Известно из

материалов вышедших каталогов, что частный коллекционер имеет значительное собрание наивного направления – произведения екатеринбургского художника-наивиста Альберта Коровкина, алапаевской самобытной художницы А.И. Трофимовой, В. Языкова, асбестовской наивистки Н.И. Варфоломеевой. Также образцом частной собирательской деятельности наивного творчества А.И. Трофимовой становится екатеринбургский педагог-керамист Е.В. Христофиди, тесно общавшейся с художницей в 1980-е годы. Также известна деятельность Музея простого искусства Урала и Сибири, ставшей частной институцией. В ее основу легла коллекция наивного и примитивного искусства Олега Елового (1967–2001), хранящейся временно в мастерской В. Давыдова (Заречный).

Хотя уральские собиратели и коллекционеры не являются первооткрывателями в этом направлении, тем не менее, в их деятельности прослеживается некая преемственность с зарубежными аналогами коллекционирования наивного творчества, а также с развитием музейного дела России. Несомненно, что все события и новые веяния, которые происходили в художественном мире Уральского региона в XX веке.

Описание собирательской деятельности наивного искусства в Уральском регионе в XX веке позволяет обозначить основных имен коллекционеров и их подопечных – художников-самоучек. Также автор попытается проследить механизм взаимодействия наивного художника с коллекционером, которое в дальнейшем приводить к оформлению отдельной коллекции, и более того к рождению новой институции.

Быстров А.В.

*Уральская государственная архитектурно-художественная академия,
г. Екатеринбург, Российская Федерация*

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ МОБИЛЬНОГО БРОНИРОВАННОГО ВООРУЖЕНИЯ

Мир вещей окружает человека на протяжении всей его истории. Создавая эту вторую, рукотворную природу, человек преследует определённые цели, в основе которых лежит стремление к разрешению коренных противоречий человеческого бытия. Война как побудительный мотив к созданию вооружения является одним из таких фундаментальных пограничных состояний. Дуалистичная сущность войны, вытекающая из стремления человека и к доминированию, и к самосохранению наиболее полно выражена в феномене мобильного бронированного вооружения, представляющего собой мобильную систему, включающую в себя комплекс защитных и наступательных средств. Знаковым выражением этого дуализма является хорошо известный древний символ, характеризующий мужское начало и называемый «щит и копье Марса» [1].

Будучи продуктом высоких технологий и объектом особой социальной востребованности, мобильное бронированное вооружение всегда занимало особое положение в общей иерархии вооружения. Боевые колесницы, осадные башни, вооружённый и экипированный рыцарь верхом на боевом коне, бронетанковая техника, – несмотря на схожую функциональную направленность, формально эти объекты разительно отличаются друг от друга. С чем это связано? Почему при переходе на иной уровень технологического и общественного развития творцы этой техники не копируют прежние образцы, а создают новые формы и рождают новые проектные образы?

Дело в том, что, будучи сущностью вещи, форма не исчерпывается только её функциональным назначением. Ф.Т. Мартынов отмечает, что "...в построении формы, её эстетической организации существуют две бытийные категории: "природа" и "общество" [2, с. 5]. Будучи рукотворным объектом, вещь раскрывает свою сущность через взаимодействие с человеком (а через него – и с внешней средой). Как продукт определённой социокультурной системы, вещь неизбежно несёт в себе её отпечаток. Так создаётся целая система смысловых уровней вещи, воплощённая в её форме.

Говоря о мобильном бронированном вооружении как об объекте системного проектирования, важно отметить, что эстетическая целостность формы такого объекта достигается на основе соединения объективных факторов дизайна (природа – общество – человек) и средств проектирования (материал, технология и художественно-выразительные средства). "Взаимодействуя, факторы и средства обеспечивают эффективность и качество разработки функции и формы, целостность структуро- и смыслообразования спроектированного объекта" [3, с. 32].

Родоначальник концепции мобильного бронированного вооружения – **античная боевая колесница** – представляет собой конструктивно переосмысленную идею **большого пехотного щита**, установленного на быстроходное шасси (рис. 1).

Рис. 1. Боевая колесница. Ассирия X век до н.э.

Каждый элемент её дизайна несёт определенную смысловую нагрузку, призванную обеспечить функциональное и психологическое доминирование боевой колесницы на поле боя. Открытая щитовая конструкция корпуса обеспечивает экипажу в лице возницы и стрелка необходимую степень защиты и широкие функциональные возможности, такие как круговой обзор, обстрел и транспортировка вооружения. Быстроходное шасси на спицованных колесах обеспечивает высокую мобильность и тактическую маневренность ведения боя. Богато декорированная лошадиная запряжка колесницы – это передняя линия её защиты и сокрушительная ударная мощь. Необходимо отметить, что **цвет** является столь же важным элементом дизайна боевой колесницы, как материал, конструкция и технология. **Яркая окраска** позволяет не только идентифицировать колесницу в пылу сражения, но и оказывает на противника сильное психологическое воздействие при её стремительном приближении. Такие элементы дизайна колесницы, как изображения различных сакральных символов или символов верховной власти на её щитовой конструкции, призваны выполнять функцию **знаков-оберегов**, стимулирующих боевой дух своего войска и устрашающе воздействующих на противника.

Вообще, **фактор устрашения**, подразумевающий непродолжительный, но мощный характер психологического воздействия, является неотъемлемой составляющей скоростного боя. Нагонять страх на противника можно не только с помощью изобразительных средств, но и иными, в том числе и конструктивными, методами. Так в некоторых конструкциях колесниц появились дополнительные поражающие элементы устрашающего воздействия – встроенные в колесные ступицы серповидные ножи.

Боевая колесница воплощает в себе дух и эстетику античной войны. Эти яркие и богато украшенные боевые квадриги, стремительно несущиеся по полю боя, осыпающие пехотинцев градом стрел и грозящие смести всё на своём пути, были самой грозной боевой силой любого сражения. Недаром боевая колесница стала символом «Величия, Триумфа и Победы» [4, с. 227].

В дизайне другого мобильного бронированного объекта эпохи древних войн – **осадной башни**, отличавшейся усиленной внешней защитой и предназначенной для штурма крепостных стен, явно прослеживаются **архитектурные черты**, о чём свидетельствует само её название (рис. 2).

Осада, в отличие от скоростного боя, – это длительная военная блокада города или крепости. Для эффективного штурма высоких, крепких и надежных стен необходимы столь же высокие, крепкие и надежные конструкции. Вот почему творцы осадных башен руководствовались целью создания своеобразных крепостей на колёсах, прячущих под своей надёжной защитой отряды атакующих воинов с целым арсеналом осадных орудий. Неудивительно, что именно **идея «неприступности»** [4, с. 54] стала одним из ведущих мотивов в символике башни. Важно отметить, что в доиндустриальную эпоху именно архитектура

являлась мерилom эстетического совершенства предметного мира, отсюда и примат архитектурных форм в технических конструкциях этого периода. Осадные башни являются прямым доказательством того, что в эту эпоху формообразование таких сложных технических объектов основывалось на архитектурных принципах, базировавшихся на триединстве пользы, прочности и красоты.

Рис. 2. Осадная башня

Что касается осадной техники, то в данном случае «украшательский» и «устрашающий» декоративный дизайн уступил место сугубо инженерному, так как от него зависела скорость изготовления сборно-разборной конструкции осадной башни и возможность быстро привести её в состояние боеготовности силами неквалифицированных изготовителей под руководством тех самых инженеров, которые создали и зафиксировали на пергаменте проект этого сооружения.

Осадные башни являют собой пример инженерного конструктивизма, определившего генеральную линию развития технического военного дизайна на многие столетия вперед. Тем не менее, декор как элемент военного дизайна не только не утратил своего значения, но и получил дальнейшее развитие в общем дизайне вооружения.

Наиболее ярко эта тенденция проявила себя в **средневековом феномене рыцарства**. В средние века война становится личным делом феодала, превращаясь практически в единственный крупный источник дохода. Необходимость вести индивидуальные боевые действия рождает потребность в хорошей индивидуальной защите. Так формируется концепция индивидуального комплексного вооружения, выразившаяся в создании **рыцарского доспеха**. Доспех представляет собой **бронекостюм**, состоящий из множества металлических элементов (колец, пластин и т.д.), собранных на подвижных сочленениях в единую конструкцию. Дизайн рыцарского доспеха позволял решать не только основные функциональ-

ные задачи, обеспечивая защиту воина и удобство владения оружием, но и способствовал полному преобразению воина (рис. 3).

Рис. 3. Черный рыцарский доспех конца XIII в.

Закованный в доспехи рыцарь фактически отрекается от своего угнетаемого страхами и сомнениями физического «я», а рыцарское вооружение наделяется собственным именем, принимая на себя отблеск славы владельца (вспомним Экскалибур – меч легендарного короля Артура). Одновременно разрабатывается целая **система идентификационной знаковой символики**, послужившая основой для создания уникальной изобразительной культуры – **геральдики**, начавшейся со стилизованных изображений на рыцарских щитах и выросшей «в своеобразную науку наследования символов с чёткой системой регулирующих её законов и уникальным символическим языком» [5, с. 7]. Дизайн рыцарского доспеха во многом повлиял на дальнейшее развитие военного костюма и стал источником вдохновения для разработчиков **экзоскелетов – современных бронекостюмов**, наделяющих человека мощью боевого робота (рис. 4).

Необходимость в создании нового вида мобильного бронированного вооружения совпадает с периодом бурного индустриального развития и вступлением мировых держав в начале XX века в эпоху глобального военного противостояния. Остро ощущая разрушение прежней системы смыслов и ценностей, О. Шпенглер пишет свою знаменитую работу "Закат Европы", в которой обосновывает неизбежность преобразования культурного пространства под напором нарождающейся цивилизации потребления: "неорганический, познанный, раскромсанный окружающий мир, мир-как-природа, как система, углубился до чистой сферы функциональных чисел" [6, с. 752]. Мир культуры словно вернулся к началу времён, будто и не было великих титанов античности и Возрождения. Прежняя целостная картина мира в новой изобразительной эстетике дробится на атомы, точки, линии, плоскости и цветовые пятна. Тот же процесс происходит и в сфере материального производства. Если прежде создатель ма-

териального продукта проходил со своим творением все стадии – от замысла до окончательного воплощения в материале, то теперь механистичность и пооперационное дробление производственного процесса отчуждают человека от результатов своего труда. Разрушаются прежние эстетические каноны и рождаются **новые принципы формообразования**.

Рис. 4. Экзоскелет Sarcos (США)

Начало XX века – это время осмысления целей и задач творческого соединения искусства и техники, поиска новых форм и новых путей эстетизации предметного мира, и **бронетанковая техника**, более чем какая-либо другая, является наиболее ярким тому примером. Формообразование созданного английскими инженерами первого танка Mk I преследовало цель создания высокопроходимого, эффективного, хорошо защищённого боевого транспортного средства и было обусловлено необходимостью согласования и приведения к единству, целостности и гармонии множества компонентов. Имея в своём распоряжении массивный двигатель, сложное в управлении трансмиссионное оборудование и пушечно-пулеметное вооружение, проектировщики приняли единственно возможное в этом случае компоновочное решение – разместить эти агрегаты относительно центра масс конструкции танка в едином объёме. В формообразовании первого танка проявилась столь характерная для дизайнерского подхода черта – "инновационность и изобретательное начало" [7, с. 49]. Новая ромбовидная форма боевой машины – это новая форма жизни мобильного бронированного вооружения, это совершенно **новый образ**, не имевший аналогов в предметном мире. Это новая эстетика формы, воплотившая в материале, конструкции и технологии новую художественную культуру. Технологический способ крепления броневых листов клёпкой на силовой каркас задает упорядоченный, словно сошедший с полотен супрематистов, геометрический

ритм чередования вертикальных и горизонтальных линий заклёпочных рядов (рис. 5, 6).

Рис. 5. Рисунок клепочных рядов танка Mk V (Великобритания)

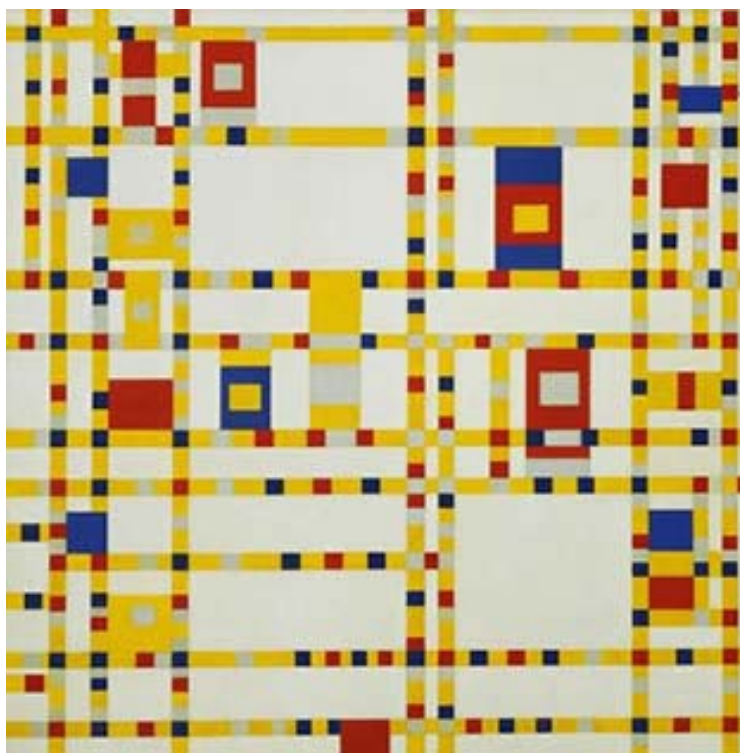

Рис. 6. Пит Мондриан. Бродвей. Буги-вуги

Сама бронированная поверхность боевой машины превращается своеобразный полигон для художественных экспериментов с цветом. Только теперь роль цвета в дизайне боевого транспортного средства становится диаметрально противоположной. Это уже не цветовая доминанта, как это было в древних сражениях. **Новая функция цвета** – это защита боевой машины от многократно возросшей внешней угрозы. Его задача – **закамуфлировать** машину, «растворить» в пейзаже и тем самым уберечь её от бомбовых ударов вражеской авиации (рис. 7).

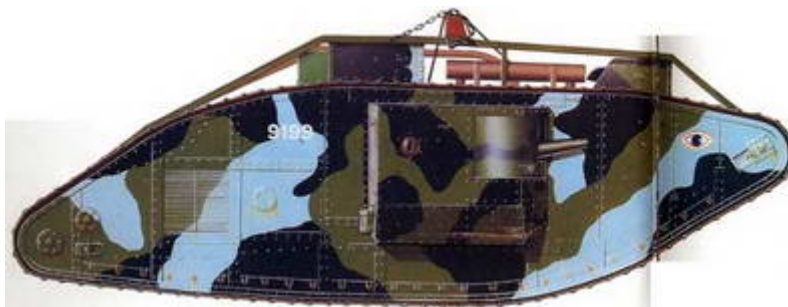

Рис. 7. Камуфляж танка Mk V (Великобритания)

К сожалению, не способная к внешнему развитию **однообъёмная форма** танка Mk I была обречена на скорую гибель. Машинный и человеческий компоненты, расположенные в едином объёме и находящиеся в опасной близости друг от друга, начинают активно противоречить друг другу: в душливой атмосфере работающих моторных агрегатов падает работоспособность многочисленного экипажа, возрастает риск пожара и детонации боекомплекта. Естественным образом внутри однообъёмной формы возникают центробежные силы, стремящиеся разорвать оболочку как скорлупу яйца, и дать возможность этому организму расти и развиваться. И тут, словно птенец из скорлупы, появляется на свет танк Renault FT-17, отличающийся от предшественника активной и динамичной **трёхобъёмной формой** (рис. 8).

Рис. 8. Танк Renault FT-17 (Франция)

Инженерной основой проектного замысла, повлиявшей на все компоновочные и формообразующие решения, стал имевшийся в распоряжении группы проектировщиков менее мощный, чем у его предшественника, но более компактный двигатель. Благодаря небольшому двигателю удалось значительно сократить экипаж танка и разделить внутренний объём машины на три функциональных отделения. Решение расположить боевое отделение в средней части машины, а вооружение вынести наверх и разместить его во вращающейся башне, сыграло основную формообразующую роль. Приподнятая над основным корпусом башня — доминирующий подвижный элемент формы, словно подчёркивающий, что именно он является "мозговым центром" боевой машины. Размещенное по бо-

кам бронекорпуса гусеничное шасси придаёт всей конструкции одновременно устойчивость и динамизм, а расположенное в носовой части башни танковое орудие задаёт общий вектор движения.

Если форма танка Mk I была решена в русле супрематичной геометрической абстракции, то Renault FT-17 с его логичной, целесообразной, способной к трансформации формой, составленной из простых лаконичных объёмов – яркий **пример эстетики конструктивизма**. Решение проектировщиков логически объединить три практически самостоятельных, но конструктивно соподчинённых между собой формообразующих элемента – башню, бронекорпус и гусеничное шасси – определило долгую жизнь этой проектной идеи. Эта форма машины позволяет использовать при её изготовлении различные технологии (клёпка, литьё, сварка), индивидуализировать её облик, варьировать форму и размер башни в довольно свободном диапазоне, изменять конструкцию и параметры ходовой части, усиливать защищённость машины за счёт навешивания дополнительных элементов брони. Трёхобъёмная форма повышает модернизационные проектные возможности, позволяющие изготавливать танк в различных вариантах вооружения, перекомпоновывать элементы оборудования (метод унификации и агрегатирования) и создавать на единой базе различные модификации боевых машин (принцип «открытой архитектуры»).

Сегодня активное влияние на формирование внешнего облика боевых транспортных средств оказывает массовая культура, что стало одной из ведущих тенденций в дизайн-проектировании объектов военного назначения. Причина этого явления в том, что военная эстетика стала очень востребованной в гражданской сфере рынка. Она сформировала целый потребительский сектор приверженцев fashion-стиля «милитари», особую культуру проведения досуга (военизированные «игры выходного дня» – пейнтбол и страйкбол) и целую игровую фэнтезийную вселенную «Warhammer» (рис. 9).

Рис. 9. Танк Leman Russ из Warhammer 40K

В связи с созданием литературно-изобразительной культуры комикса, сформировавшей в сознании миллионов читателей зримый облик боевой техники будущего, с хлынувшим на зрителей мощным потоком кинофантастики и, в особенности, с развитием виртуальной индустрии развлечений проектировщики военной техники, стремясь повысить её конкурентоспособность, стали вносить во внешний облик боевых машин черты стиля "фэнтези", при этом, зачастую, существенно не улучшая их боевых свойств.

Недостаток личного общения и оторванность от природы вызывают у современного человека желание окружать себя **биоморфными объектами** и создавать вокруг себя "умную" предметную среду – так появляются роботы-собаки AIBO, "живые" пылесосы iROBOT, "умные дома". Тот же процесс происходит и в области создания объектов военного назначения – разрабатываются бронированные роботы, электронно-механические пчёлы-убийцы, робо-танки (рис. 10) и т.д.

Рис. 10. Робо-Танк

Увлечение подобными электронными "франкенштейнами" и погоня за хорошо оплачиваемыми перспективными НИОКРами приводит к появлению сомнительных с функциональной точки зрения проектов, таких как экзоскелеты для современных "рыцарей без страха и упрёка" и беспилотные боевые транспортные средства с функцией искусственного интеллекта, способные превратить современную войну в войну машин, а не людей. Всё это очень заманчиво, но реальность такова, что без присутствия человека на войне не обойтись, поэтому проектировщикам военной техники в своих творческих фантазиях следует руководствоваться здравым смыслом, прислушиваясь к мнению людей, имеющих непосредственное отношение к военному делу. Только непосредст-

венный диалог с таким потребителем, глубокий анализ проектных проблем и творческое использование инновационных технологий позволят грамотно сформулировать дизайн-стратегию по поиску новых проектных решений и нового образного языка в деле создания военной техники для армии будущего.

Заключение

Сегодня боевые транспортные средства являются таким же товаром, как и продукция гражданского назначения. Выставки вооружения, продвигающие на рынок военную продукцию, проводятся ежегодно в различных регионах мира. Как известно, хороший дизайн является наиболее действенным методом повышения эстетической привлекательности продукта в глазах покупателя. Вот почему дизайн как проектная деятельность становится всё более востребованным в военно-производственной отрасли. Но важно отметить, что на рынке вооружений покупатель и потребитель – не одно и то же. Покупатель вооружения – военное ведомство, а потребитель – реальный человек, рискующий своей жизнью на поле боя. Поэтому задача дизайнера – не проектирование "шоу-стопперов" и "концепт-танков", а комплексная работа по созданию боевых транспортных средств, основанных на эффективных, **интуитивно понятных принципах взаимодействия** человека с техническими компонентами боевой системы. Только такой подход может быть гарантом успешной проектной работы по созданию мобильного бронированного вооружения нового поколения.

Список использованных источников:

1. Символы гендера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Символы_гендера
2. Мартынов Ф.Т. Основные законы и принципы эстетического формообразования и их проявление в архитектуре и дизайне / Ф.Т. Мартынов. – Екатеринбург, 1992. – 110 с.
3. Дизайн: Очерки теории системного проектирования. – Л.: ЛУ, 1983. – 184 с.
4. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / под общ. ред. В.Л. Телицына. – М.: ЛОКИД-ПРЕСС РИПОЛ классик, 2005. – 495 с.
5. Слейтер С. Геральдика. Иллюстрированная энциклопедия: пер. с англ. / С. Слейтер. – М.: Эксмо, 2006. – 264 с.
6. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность / О. Шпенглер. – М.: Эксмо, 2006. – 800 с.
7. Рунге В.Ф. История дизайна, науки и техники: учеб. пособие. Издание в двух книгах. Книга 1 / В.Ф. Рунге. – М.: Архитектура-С, 2006. – 368 с.

ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ:

- Рис. 1. Боевая колесница. Ассирия X век до н.э.. – Сайт «LiveJournal» URL: <http://vasily-sergeev.livejournal.com/1448816.html>
- Рис. 2. Осадная башня. – Сайт «Elvengoth – LiveJournal» URL: <http://elvengoth.livejournal.com>
- Рис. 3. Черный рыцарский доспех конца XIII в.. – Сайт «Korsar-P» URL: <http://www.korsar-r.ru>
- Рис. 4. Экзоскелет Sarcos (США). – Сайт «RNNS.RU» URL: <http://rnns.ru>
- Рис. 5. Рисунок клепочных рядов танка Mk V (Великобритания). – Сайт «LiveJournal» URL: <http://shushpanzer-ru.livejournal.com>
- Рис. 6. Пит Мондриан. Бродвей. Буги-вуги. – Сайт «ЖивописьМира.ру» URL: <http://www.zhivopismira.ru>
- Рис. 7. Камуфляж танка Mk V (Великобритания). – Сайт «e-Reading» URL: <http://www.e-reading.org.ua>
- Рис. 8. Танк Renault FT-17 (Франция). – Сайт «Оружие мира» URL: <http://www.ormira.ru>
- Рис. 9. Фэнтезийный Танк Leman Russ (игра Warhammer 40K). – Сайт «Balancer» URL: <http://balancer.endofinternet.net>
- Рис. 10. Робо-Танк. – Сайт «Flickriver» URL: <http://www.flickriver.com>

Кокодій Н.В., Коханенко Л.М.

Ніжинське училище культури і мистецтв імені Марії Заньковецької, Україна

ОРГАНІЗАЦІЯ САМОСТІЙНОЇ РОБОТИ

СТУДЕНТІВ З «ФОРТЕПІАНО»

ЗА МОДУЛЬНО-РЕЙТИНГОВОЮ СИСТЕМОЮ НАВЧАННЯ

Сучасний навчальний процес повинен враховувати тенденції суспільного розвитку і психологію молоді, а форми і методи реалізації навчального процесу повинні відповідати принципам контролю та самоконтролю навчальної діяльності студентів. Тому виникає необхідність використання таких форм та засобів мотивації навчання, які б підвищували відповідальність студентів за якість своєї праці.

Модульно-рейтингова система оцінювання знань з фортепіано не скасовує традиційну систему оцінювання, а існує поряд з нею. Вона робить систему оцінювання більш гнучкою, об'єктивною, стимулює студентів до систематичної та активної самостійної роботи протягом усього періоду навчання, забезпечує здорову конкуренцію між студентами у навчанні, сприяє виявленню і розвитку творчих здібностей майбутніх фахівців.

Організація навчання за МРС забезпечує:

- систематичний контроль знань, заохочення результативної творчої роботи студентів (участь в олімпіадах, конкурсах, тематичних концертах, тощо);
- індивідуалізацію навчання і підвищення зацікавленості у процесі набуття знань із відповідною диференціацією студентів за рівнем знань;
- об'єктивність змагання студентів за якість знань;
- об'єктивність критеріїв для заохочення студентів.

Для успішної організації самостійної роботи студента йому потрібно:

- усвідомити необхідність систематичного самостійного удосконалення своїх знань;
- виявити вольові зусилля до організації самостійного усвідомлення навчального матеріалу та уміння використовувати його на заняттях та в практичній роботі;
- творчо відноситись до матеріалу, що вивчається.

Викладач визначає зміст і методику самостійної роботи виходячи з індивідуального робочого плану за такою формою:

- відпрацювання практичних прийомів роботи над технічно-інструктивним матеріалом, опанування техніки читання з листа та ансамблевої гри, знайомство з навичками транспонування, тощо;
- ознайомлення з методичною літературою;
- тезисне конспектування окремих тем методичної літератури і інших джерел;
- самостійне розучування творів (розбір нотного тексту, робота над художнім образом твору, умінням подолати текстові та виконавські труднощі).

Викладачу необхідно удосконалювати методи контролю знань студентів.

Це може бути:

- перевірка завдання на занятті;
- виконання технічному заліку;
- перевірка на підсумковому занятті;
- здача репертуару на заліку, іспиті;
- участь в концертах, конкурсах, олімпіадах;
- виконання на навчальній практиці.

Основною ознакою модульного навчання є самостійний пошук студентами знань і оволодіння вміннями і навичками, що оптимально організовують навчальний процес за рахунок індивідуалізації і поєднання різних форм і видів навчальної діяльності з вивчення музінструменту. Модульно-рейтингова організація навчального процесу підвищує рівень зацікавленості студентів щодо отримання нових знань, прагнення до самостійного опрацювання матеріалу дисципліни через постійний контроль, гласність результатів і систему заохочень.

Нова система змушує студентів працювати систематично, самостійно, активізує пізнавальну роботу, розширює можливості для всебічного творчого розвитку, розвиває їхнє творче мислення, розширює межі самостійної роботи. З методами контролю і формами оцінювання студенти училища ознайомлюються з перших занять, тому сприймають кожен вид контролю свідомо і готуються до нього. Це свідчить про те, що контроль впливає на інтенсивність самостійної роботи студентів.

Навчальний процес за МРС стає повністю відкритим для студентів, що дозволяє кожному обрати свій рівень навчання та спосіб отримання підсумкової оцінки з дисципліни, вносити корективи в свою роботу.

Модульно-рейтингова система навчання, як одна з сучасних інноваційних технологій дозволяє змінити авторитарні взаємовідносини в системі викладач-студент на взаємовідносини співпраці, що сприяє більш повному розкриттю здібностей останнього.

Якщо раніше самостійна робота розглядалась як важлива складова навчального процесу, але все ж таки поступалась за вагомістю аудиторним заняттям, то за новою парадигмою освіти самостійна робота студентів є головним складником навчальних планів і звідси виникає необхідність створення умов для формування умінь і навичок самостійної роботи, необхідних для безперервної освіти і самоосвіти. Тому ми повинні переорієнтувати навчальний процес на формування у студентів бажання і уміння самостійно оволодіти знаннями і навичками.

Тематичний план самостійної роботи студентів складається з розділів:

- тема самостійної роботи;
- кількість годин відведених на самостійну роботу;
- зміст самостійної роботи;
- форма самостійної роботи;
- форма контролю;

- кількість балів;
- література (методична, навчальна).

Кожна тема самостійної роботи оцінюється за 10 та 5-бальною системою обчислення в модульному контролі.

Самостійна робота запланована по висхідній від простого до складного.

Одним із основних завдань, які стоять перед викладачем фортепіано, є виховання у студентів навиків самостійної роботи в широкому розумінні цього слова.

Починати корисно з окремих завдань: визначити аплікатуру, найбільш доцільні прийоми роботи над окремими елементами фактури, характером звуку, формуванням технічних навичок, удосконаленням музичної пам'яті тощо. Після цього можна переходити до більш складної самостійної роботи над твором, а саме: комплексним оволодінням художнього образу твору, умінням подолати текстові та виконавські труднощі. Успіхи у розвитку цих навиків визначаються як якістю, так і терміном виконання завдання. Тому в навчальний репертуар IV, V та VI семестрів входять твори для самостійного вивчення. Вивчений під контролем викладача репертуар не дає змоги повністю перевірити стійкість закріплених понять та навичок. Для цього необхідно планувати репертуар для самостійного вивчення. Ці твори повинні бути більш легкими, ніж ті, що вивчаються за основною програмою.

З метою виявлення обдарованих студентів та заохочення їх до творчої самостійної роботи в нашому училищі проводиться конкурс «Кращий за професією». Конкурс проходить в два етапи – перший в межах спеціалізації чи комісії, другий – загальноучилищний. Конкурс дає можливість кращим студентам показати результати своєї творчої праці і отримати схвалення однокурсників і викладачів, заохочує до вдосконалення виконавської майстерності, вносить елемент конкуренції і змагання в навчання, створює позитивне відношення до занять.

Завдяки тому, що дисципліна «Спеціальний музичний інструмент фортепіано» є індивідуальним заняттям стає можливою ідея співпраці в відношеннях «студент-викладач», як і передбачає аналіз навчальної діяльності студента при виконанні самостійної роботи.

Так, на першому етапі аналізується вміння студента планувати свою діяльність, на другому – вміння вирішити поставлені завдання, на третьому – вміння контролювати, аналізувати та корегувати власну діяльність. Четвертий, завершальний етап, дозволяє відкоригувати організацію самостійної роботи студента з метою вдосконалення знань і використання їх в практичній діяльності.

Застосування в навчальному процесі цієї системи передбачає в першу чергу, наполегливу працю самого викладача в створенні відповідного навчально-методичного комплексу як умови поетапного розвитку студента в межах курсу дисципліни.

Викладач перетворюється на дослідника навчально-виховного процесу і

повинен бути в курсі новітніх ідей в сфері культури, мистецтва, освіти, науки та суспільства, постійно шукати оптимальні шляхи вирішення існуючих освітніх проблем, вести моніторингові дослідження навчальної діяльності студентів і відповідно до їх результатів корегувати свою діяльність.

Викладачу необхідно створювати умови психологічного комфорту на заняттях, внаслідок чого активізується навчальна діяльність студентів. Сучасні педагогічні вимоги потребують від педагога досить високого рівня креативності, тобто творчого ставлення до покращення якості навчання та виховання майбутніх спеціалістів в галузі культури і мистецтва.

Зыков А.И.

*Театральный институт Саратовской государственной
консерватории (академии) имени Л.В. Собинова, Российская Федерация*

КУЛЬТУРОФОРМИРУЮЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ТАНЦА В ВОСТОЧНОМ ТЕАТРЕ

История театра, преподаваемая в театральных учебных заведениях, начинается с античного театра. Возможно, по причине того, что изучается только европейский театр. Между тем, современное хореографическое искусство на протяжении всего XX века в поисках «нового» обращалось к «первоисточникам» – танцам различных культур. Особое место здесь занимает танцевально-театральная культура Индии, где эти два искусства на протяжении тысячелетий составляют единое целое. Первая книга по искусству танца «Натъэ шаштра» («Наука танца» имеет различные варианты русского написания: «Натъя шаштра», «Натъяшаштра») появилась в Индии на тысячу лет раньше ее европейского аналога, а выражение «танцевать драму» обнаруживается еще в древних индийских рукописях по театральному искусству. Исследуя пантомиму и обращая внимание на индийские «танцуемые драмы», А.А. Румнев пишет: «Пусть не удивит читателя соседство слов «танец» и «философия». Индийскому искусству свойственно философское восприятие мира, и танец, имея религиозно-эстетическую основу, располагает условными обозначениями даже для таких понятий, как, например, созерцание...» [4, с. 27]. Актер не стремится к индивидуализации персонажа – его задача прямо противоположна: он должен создать определенный тип, поскольку персонажами спектаклей являются герои и боги, а наиболее востребованной «литературной основой» всегда были «Рамаяна» и «Махабхарата». Создание типа предполагает соответствующую походку, жесты – вообще очень точные и скрупулезно выверенные движения. При этом от актера требуется полное перевоплощение, «вживание» в тип. Необходимо помнить, что важную роль в создании типа играли костюм, маска, грим. И все это являлось сложнейшей знаковой системой, превращая театр в форму культовой церемонии, причем знаковой системой, основанной не на природных пластических данных, которые при помощи мимики, жеста, телоположения естественно отображают происходящие с человеком внутренние процессы, а «придуманной» знаковой системой, специально созданного, так сказать, иероглифического языка. Сами по себе такие «придуманные» знаковые обозначения окружают нас повсюду, являясь средством общения, средством коммуникации, средством понимания не только в сценическом пространстве, но и вообще в жизни: слово, буква,

цифра, иероглиф, нота и т. д. Одно является знаком алфавита, другое – знаком, обозначающим отдельное понятие, третье – число и т. д. Так в «Натьэ шаstra», являющейся, по сути, азбукой «искусства воплощения» для индийского актера, дается полное описание всевозможных пластических средств выражения, то есть соответствующих знаков. Бхарат Мути, составивший ее, проводит точное разделение между искусством, подражающим действительности, стремящимся к естественности, и искусством условным, отдавая предпочтение последнему, как наиболее художественному, или наиболее выразительному.

Остановим наше внимание на знаковом языке рук, ибо, как точно определено в высказывании Нандикешвара, взятом эпиграфом к разделу о руках в «Словаре театральной антропологии», «...туда, куда устремляется рука, за ней следует взгляд, и их догоняет мысль, туда же, куда пришла мысль, вослед ей спешит чувство, а по его пятам следует и «раза» (эстетический опыт)» [2, с. 188]. Индийский театр характерен особой знаковой системой рук, особым языком жестов, в каждом из которых закодированы свои понятия. Актер должен был владеть очень сложной технологией, и именно это являлось важнейшим критерием определения его профессионального уровня.

А.А. Румнев приводит описание понятия «созерцание», о котором говорилось ранее, сделанное А. Мервартом: «Правая рука слегка согнута, ладонь обращена внутрь, а пальцы слагаются в мудра третьего типа. Левая рука поднята над головой с ладонью, обращенной кверху, и с тою же мудра третьего типа. Глаза также подняты кверху. Значение этих жестов ясно: движение левой руки подражает «чин-мудра», то есть жесту мысли, как его можно видеть на иконах, в то время как правая рука указывает на предмет созерцания, именно – божество» [4, с. 29]. Мудры, то есть знаки, появились в индийских «танцуемых драмах» от жрецов, которые сочетали знаковые движения рук с произнесением мантр. Имея в своем запасе от 20 до 32 базовых положений мудр, в зависимости от разных танцевальных школ, и сочетая их при помощи движений двух рук, различному ориентированию жестов в пространстве и по отношению к телу, пластическая лексика, к примеру, стиля катхакали, составляла около 900 понятий. «Но наиболее интересные... свойства мудр кроются в том, как их употребление соотносится с двумя основными категориями, на которые делится весь индийский театрализованный танец. В танцах-интерпретациях (нритья) мудры... буквально представляют действие, раскрывая его сюжет и подробности. В так называемом чистом танце (нритта) все мудры... напротив, приобретают декоративную ценность и употребляются как «простое звучание»» [2, с. 194].

«Условное искусство и стилизованный жест» характерны не только для Индии, но и для всего Востока, к примеру, театров Китая и Японии. Движение, обретшее единственную форму – ритм – в восточном театре имело огромное значение. К примеру, для китайского театра ритм был и остается его основой: «Ритмизованна походка актеров, напоминающая танец; ритмизованны жесты;

ритму движения подчинены костюмы и бутафория. Ритмизованна даже мимика, и глаза актеров в момент крайнего возбуждения бегают ритмически» [4, с. 52].

Обратим внимание на еще один важный аспект – оппозицию. «Если мы действительно хотим понять, что такое диалектика в фактической деятельности театра, надо изучать игру восточных актеров. Именно у них принцип оппозиции – та основа, на которой исполнитель строит и разворачивает каждое свое действие» [2, с. 97]. Э. Барба обращает внимание на разницу пластических выразительных средств западного и восточного актеров. Движение западного актера – будь то поворот к партнеру или перемещение – совершается путем прямого линейного движения: есть определенный объект, и движение происходит к нему кратчайшим образом, то есть прямолинейно. Движение восточного актера, напротив, совершается сначала в противоположную сторону и только потом направляется к объекту: «Следуя правилу оппозиции, намереваясь пойти налево, надо двигаться направо, внезапно остановиться и повернуть налево» [2, с. 97]. Безусловно, это делает движение более широким, «укрупняет» его, а вместе с ним, надо полагать, укрупняет и значимость этого движения и объект, к которому оно направлено. «Когда мы смотрим на танцоров с Бали или на актера театра Но... когда наблюдаем, как двигаются индийские классические танцовщицы или мастера тайских представлений в жанре «кхон», можно заметить, что движения никогда не разворачиваются по прямой, их траектория весьма извилиста, что подчеркивается изменением положения корпуса, локтей и кистей. На Западе танцуют ногами, на Востоке – руками» [2, с. 97]. Принцип оппозиции распространяется не только на движения, но и на положения тела, когда тело становится похожим на латинскую букву «S». Трибханга, то есть «три дуги» (голова, корпус, ноги), приводит тело в положение «шаткого равновесия» и создает «экстра-обыденную архитектуру тела». Принцип оппозиции придает положению тела динамику и особую выразительность. Подобно тому, как в исследованиях Волконского-Дельсарта в разделе о статике, изучение равновесия тела производилось с помощью изобразительного искусства, можно сравнить, как предлагает Э. Барба, статуэтку Ваджраварахи «Трибханга» (Ньюаркский музей, США), Афродиту – Венеру Милосскую (Лувр, Париж), статую пророка XV в. (собор в Пистойе, Италия)... Это приведет нас к «линии прекрасного»: «... динамическая кривизна вдохновила У. Хогарта изобразить то, что он назвал «линией прекрасного»: кривую, вписанную в пирамиду. Комбинация движения и покоя, равновесия и асимметрии, танец оппозиций» [2, с. 101].

Восточный театр обнаруживает нераздельность театра и танца. Содержание, которое театр в Индии должен был донести до зрителя, представляло собой не повествование о чем-то обыденном, бытовом – это легенды, мифы, то есть события космические, божественные. Какими средствами, имея в виду определенные религиозные и культурные представления, связанные с определенной местностью и временем, можно было бы передать такое содержание?

Средством воплощения стал именно танец, включающий в себя пляску, пантомиму, пластику, с характерной знаковой системой жестов, телоположений и телодвижений. Форма рождается содержанием, или, точнее, по высказыванию Г.В.Ф. Гегеля, «определенное содержание определяет также и соответствующую ему форму» [3]. Коснувшись философских категорий «содержание и форма», находящихся в состоянии единства и взаимообусловленности, обратим внимание на то, что танец – все же является не только формой, но и содержанием, поскольку осуществляет не только организацию содержания, не только является способом его существования. Форма, как известно, делится на внешнюю и внутреннюю. Причем внутренняя форма наиболее тесно связана с содержанием, поскольку выражает ее образную конкретизацию, то есть основные элементы. Внешняя форма в театре и танце (имея в виду визуальные средства) – это пластика, жесты, мимика. Внутренняя форма – это характеры персонажей. Основным критерий различия содержания и формы в искусстве: форма несет на себе материальный характер, а содержание – духовный. Восточный театр, как мы выяснили, не просто использовал танец как сильнейшее средство визуальной выразительности, но и оказывал мощнейшее культуроформирующее воздействие, как на актеров, так и на зрителей, соединяя в себе религию, искусство и философию. По замечанию А. Арто: «В восточном театре с его метафизическими тенденциями в отличие от западного театра с его психологическими тенденциями формы сами овладевают своим смыслом и значением во всех возможных плоскостях, или, если угодно, их вибрационное движение жестко не привязано к какому-то одному плану, а живет во всех плоскостях духа одновременно» [1].

Список использованных источников:

1. Арто А. Театр и его двойник / Арто А. – СПб., М.: Симпозиум, 2000. – С. 163.
2. Барба Э. Словарь театральной антропологии. Тайное искусство исполнителя / Э. Барба, Н. Савареze. – М.: Артист, Режиссер, Театр, 2010.
3. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 том. Т. 1 / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Искусство, 1968. – С. 20.
4. Румнев А. О пантомиме / А. Румнев. – М.: Искусство, 1964.

Козменко М.В.

Національна академія керівних кадрів культури і мистецтв, м. Київ, Україна

МІФІЧНИЙ СИМВОЛІЗМ В АРХЕТИПІЗАЦІЇ ЦІННОСТІ

Цінність існує незалежно від людських світогляду й екзистенції. Вона є об'єктивованою дійсністю, проявленою в системі духовного процесування світових феноменів. Таке припущення висунув німецький теоретик М. Шелер.

Абсолютне Добро в філософії, Бог в релігії, Істина в науці є назвами єдиного, цілісного. Вони є цінністю. Кожен термін є завершеною одиницею онтологічного процесування, яке відображає найбільш важливі й прийнятні форми

людської взаємодії зі світом, особливо його пізнання людиною. Цінність виступає первісною енергетичною спонукою до дії. Цінність творить людину. Вона дає їй значущості та вагомості, зорієнтовує в житті, веде до ситуативних проєкцій вибору, випробовуючи її духовні й моральні якості. Цінність формує в людині світогляд і характер.

Наразі проблема цінності перебуває на вістрі філософської та культурологічної уваги, оскільки вона відображає і пояснює різні форми людської поведінки, вчинків, сприйняття світу. Вони, зрештою, є спонукою до життя, проявляються як поклики до збереження й відновлення. Цінність, будучи поняттям абстрактним, отримує в житті людини конкретне своє втілення і загалом займає у світі передову ланку життєдіяльності всього живого, оскільки воно є тягою до самого життя.

Заміна або підміна терміну цінність на інший термін надасть йому якісно іншого вигляду, змісту й смислу. Насамперед ціннісне відображення виступає сприйняттям життєвих (доленосних) вказівок як важливих і значущих.

Бог для середньовічної людини перетворюється з природної стихії, яку можна бачити й контролювати за допомогою ритуальних магічних дій, на невидиму силу, яка існує паралельно з видимим світом, час до часу вступає в контакт з цим світом, але частіше споглядає відсторонено за всіма подіями навколо. Людина втратила центр видимого страху й набула постійного очікування перед карою. Саме страх і боязнь кари виступили рушіями до визначення людиною пріоритетних шляхів у її житті. А саме, людина покорилася Богу, або ж Цінності, сприйнявши її вимоги, закони, правила. І почала дотримуватися норм та моральних приписів, які впливали з ціннісного напрямлення людини.

Проте перед приходом до єдиної цінності в образі вищої духовної субстанції, тобто Бога, людина отримувала інформацію про світ через символічно-знакове сприйняття. Вишукування в природі подібних до себе і свого способу життя моментів зблизило людину з розумінням необхідного залучення думки, практики і природних процесів. Творився перший історичний тип світогляду, міфологічний.

Міф був тим первнем, що зумів повернути людину до образу Цінності. Коли людина замислилася над причинами і наслідками природної взаємодії зі своїм світом, тоді ж і виникло звернення до визначених і сталих моральних актів. Первісне міфологізоване суспільство вже активно освоює принцип тотему, коли можна вбивати все, крім одного, табу, коли дещо є загально забороненим, анімізму, фетишизму, магії. Людина знає свою силу і хоче нею скористатися.

Залишки образності й символічності міфічного світу залишили відбиток на всьому наступному поколінні людей. Це пам'ять людства, яка зберігається на генетичному рівні, на рівні підсвідомих відображень. Міф трансформувався в архетип і діє в людині вже тисячі років, передається як внутрішня пам'ять з покоління в покоління.

Архетип є важливою формою відображення і представлення цінності. Адже цінність як рушій людського життя змушена набувати конкретних форм і ознак, щоб людина могла її адекватно сприйняти і розтлумачити.

Звернення до міфологічних джерел виникнення, розвитку і поширення символів виправдане історичною обумовленістю первинності міфу. Світогляд людини до сьогодні пройшов значний шлях вдосконалення, накопичення, систематизації та відкидання інформації про світ, який існує навколо. Міф був початковим етапом пояснення і вивчення людиною всіх феноменів як зовнішнього прояву, так і внутрішнього вияву.

Міфи для сучасної людини схожі на казкові ілюзії пращурів, які були нерозвиненими в сфері технічного забезпечення, обмеженими в ракурсі обізнаності зі світом та примітивними в рамках культурного взаємовідношення. Для давніх жителів покара могла бути звичною у вигляді смертного вироку, або ж тілесних серйозних ушкоджень. Самопожертви або взагалі будь-яке жертвопринесення сьогодні розцінюється як жорстокий, варварський та антигуманний прояв тодішньої системи культури. Подібні дії рішуче засуджуються і клеймуються як первісні, примітивні й малорозвинені вияви духовної квологості та розумової обмеженості предків.

Звичайно, моральні категорії у відношенні до смертної кари або смертної жертви завжди залишатимуться в рамках дискусії та суперечок. Насамперед важко давати об'єктивну оцінку тодішнім діям людей, які жили за геть іншими законами, правилами, етичними переконаннями та духовними спонуками. Людині XXI століття, яка має чималий досвід в міжнародній, міжнаціональній, міжрасовій, міжконфесійній, міжпрофесійній сферах комунікації, дивно і дико виглядають вчинки людей, які мали менше знань про навколишній світ, керувалися духовними вказівками та чинили безвольні дії під вимогою керуючої законної особи. Але ж і зараз можна знайти в світових закомарках чимало прикладів неспівставлення цивілізованого, або ж високо культурного провадження життя з тенденціями часу й поступу світового розвитку. Мається на увазі, що не всі країни відмовилися визнати смертну кару як антигуманний закон покарання. Багато країн живуть за духовними веліннями своїх душпастерів, котрі відмовляються коритися цивілізації та користуватися її принадами, залишаючи своїх вірян в обмежених рамках первісного існування. Також на карті світу знаходяться держави, що приносять жертви своїм вищим силам і бояться пропустити чергову культову подію під страхом кари й помсти від невидимих божеств на цілі покоління.

Сьогоднішній світ є багатобарвним і поліваріантним у трактуванні та розумінні моральних настанов. Не всі закони етики європейця прийнятні в кодексах честі близькосхідного азіата. Як і для слов'янських народів є чужинними правила поведінки китайського населення, так і для американців незрозумілі дії африканців. Спільність, проте, проявлена лише в назві усіх суб'єктів моральних вчинків — в людях.

Люди на початках свого культурного розвитку зверталися до природи з бажанням пояснити всі ті явища, які виникали навколо і змінювали людське життя. З давніх-давен людина навчилася наділяти кожне природне явища певними закономірностями, які неодмінно проявляться в майбутньому. Квола раціональна інтерпретація таких феноменів змушувала людину шукати їм образні відповідники, таким чином перетворюючи явища природи на символічні події.

Таким чином шлях формування та становлення сучасних цінностей пройшов світоглядні зміни й трансформації, змінюючи з покоління в покоління форми та образи свого вияву. Проте первинне осмислення світу, яке дозволило людині перейти в стадію культурного співіснування, залишило значний і корелюючий пласт подальшого процесування. Архетипи несвідомого й по нині акцентують себе в психологічних та поведінкових проявах.

К.филос.н. Снеговая О.А.

Южный Федеральный Университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

СООТНОШЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ В ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

Ускорение темпов социокультурных преобразований и усиление влияния культурной динамики на общецивилизационное развитие, характеризующие нынешний этап, активизировали в научной среде новый виток дискуссий о содержательном наполнении культурной глобализации.

В ее понимании весьма плодотворным является рассмотрение вопроса о соотношении цивилизационных и культурных факторов в определении направления и содержания глобализационных процессов. Он остается недостаточно изученным и дискуссионным.

В специальной литературе присутствуют различные точки зрения на культуру и цивилизацию в контексте всемирно-исторического развития. В одних теориях культура рассматривается как форма развития цивилизации, в других, наоборот, цивилизация трактуется как стадия развития культуры. Некоторые ученые выступают против трактовки культуры как некоего единства, другие понимают ее как подсистему цивилизационной системы.

В известном труде «Благоговение перед жизнью» А. Швейцер пишет, что «цивилизация в соответствии со своим традиционным употреблением означает то же, что и культура, то есть эволюцию людей к более высокой организации и более высокой нравственности» [1, с. 56].

И. Кант впервые разграничил эти понятия, а О. Шпенглер рассматривает цивилизацию как высшую стадию культуры, на которой происходит ее окончательный упадок. С ним соглашается французский историк культуры Ф. Бро-

дель: «Культура – это цивилизация, которая не достигла своей зрелости, своего социального оптимизма и не обеспечила своего роста» [2, с. 116].

Иную точку зрения обосновывает Н.Я. Бромлей: «Сущностное содержание понятий «цивилизация» и «культура» в определенной среде накладывается одно на другое. Так, в обыденных, повседневных употреблениях, когда мы говорим «цивилизованный» человек, мы подразумеваем – культурный. Когда мы говорим «цивилизованное общество», то предполагаем, что речь идет об обществе, имеющем определенный уровень культурного развития» [3, с. 235].

В одном из авторитетных изданий по культурологии – книге Р. Уильямса «Ключевые слова. Словарь по культуре и обществу» – представлен еще один вариант искомого соотношения: «Культура явилась некой альтернативой цивилизации, которая тесно ассоциировалась с социальным прогрессом. В понятии «культура» воплотилась идея национальных и традиционных культур, всего комплекса явлений, обычно связываемых у нас с народной культурой» [4, с. 79].

Различение особенностей двух пересекающихся понятий заставляет обратиться к их первоначальному смыслу. Термин «культура» образовался от латинского *cultura* – возделывание, обрабатывание и применялся для обозначения того, что сделано человеком. Иными словами, изначально термин характеризовал созидательный процесс. Позднее, понятие «культура» в широком смысле употреблялось как синоним общественного в противоположность природному, естественному.

В дальнейшем, смысловое наполнение феномена культуры получило множество интерпретаций. В современной научной литературе встречается (по разным оценкам) от 250 до 500 ее определений. В частности, известные культурологи А. Кребер и К. Клакхон, проанализировав свыше ста определений, выделили девять групп. [5, с. 103–105].

Все эти подходы дополняют друг друга, формулируя более или менее целостный образ сложнейшего общественного феномена, которому присвоено имя «культура». Каждая группа характеризует определенный срез культуры: ценностный, исторический, структурный, психологический, выделяя какие-то ее важные черты, которые используются как системообразующие признаки для последующей типизации и классификации.

В частности, на основе ценностных определений разграничивается духовная и материальная культура, которые ассоциируются как совокупность духовных и материальных ценностей. Ценности служат смысловыми координатами для отнесения объектов материальной и духовной реальности к положительным или отрицательным с позиций человека и человечества, позволяют высветить их гуманную или антигуманную сущность.

В то же время, если что-то материальное или духовное выступает как ценность, то это значит, что оно так или иначе включено в условия общественной жизни личности и выполняет определенную функцию в его взаимоотношении с

природой и социальной действительностью, т. е. имеет деятельный характер, способствует реализации своих потребностей, интересов.

Термин «цивилизация» происходит от латинского *civilis* – гражданственность и выражается через государство, право, город, письменность, деньги. По сути, этот термин является системным признаком, характеризующим общественное устройство в целом или его элементы. В дальнейшем, первоначальный смысл приобрёл более многозначное звучание, а различные интерпретации данного термина привели к неопределённости и размытости его границ.

В XIX веке во Франции и Англии исследователи проблемы цивилизации занимали европоцентристскую позицию. Они утверждали, что цивилизованный мир – это западноевропейский мир, а весь остальной мир есть «варварский».

А. Тойнби под цивилизацией понимает устойчивую общность людей, объединённых, прежде всего, духовными традициями и географическими рамками. Духовные традиции – это, в первую очередь, религиозные, преобладающие в данном обществе. Теоретическое построение Тойнби базируется на двух гипотезах:

1. Не существует единого процесса развития человеческой истории, эволюционируют лишь конкретные локальные цивилизации;
2. Жесткой взаимосвязи между цивилизациями не существует. Жестко связаны между собой лишь элементы самой цивилизации.

Этот тезис, со всей очевидностью, опровергается усилением глобальных тенденций и возрастанием целостности современного мира.

Особенный интерес представляет сформулированный учёным закон «вызова и ответа», которым, по его мнению, определяется развитие цивилизации: её возникновение, упадок и разложение. Согласно этому закону каждый шаг вперёд связан с адекватным «ответом» на «вызов» исторической ситуации. Адекватный «ответ» – заслуга творческого меньшинства, которое властвует сначала силой своего авторитета, а потом превращается в господствующее меньшинство. Последнее, утрачивая творческие способности, все больше опирается на материальные инструменты, и, прежде всего, на силу оружия. Банкротство господствующего меньшинства, его неспособность справиться с новыми проблемами приводит к «надлому», а затем и к окончательной гибели цивилизации. Спасти человечество, вступившее в дезинтеграционную фазу, может лишь универсальная религия и церковь.

Такое представление во многом сложилось под влиянием идей О. Шпенглера, однако, отличаясь от них большим оптимизмом. Во-первых, наряду с естественной необходимостью, Тойнби признаёт за человеком способность к свободному самоопределению; во-вторых, циклическая модель модифицируется признанием объединяющей роли мировых религий, которые являются высшими ценностями и ориентирами исторического процесса.

К. Маркс и Ф. Энгельс, характеризуя сущность цивилизации, связывали её с общественным разделением труда, классовой дифференциацией общества,

возникновением государства. Цивилизация в их представлении – это «исторический продукт длительного процесса развития, ряда переворотов в способах производства и обмена» [6, с. 426].

Современный подход к пониманию цивилизации аккумулировал основные положения известных научных школ, значительно расширив представление об изучаемом объекте. Так, Ю.Г. Сумбатян считает, что “человеческая цивилизация представляет собой не только ступень в развитии культуры, но и включена в определенную систему человеческих ценностей, имеет формационную специфику и, вместе с тем, последовательно накапливает общечеловеческие ценности” [7, с. 111].

С. Хантингтон определил цивилизацию как «культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентификации людей» [8, с. 31], подчеркивая, что неотъемлемыми компонентами цивилизации являются язык, религия, обычаи и др.

В существующем спектре современных взглядов на цивилизацию по-разному расставляются акценты на тех или иных признаках цивилизации. В наиболее обобщенном виде современное представление о цивилизации рассматривает ее как нечто Единое, находящееся вне рамок социальных систем. Это связано с идеей целостности, единства мира. Понятие «буржуазная цивилизация» означает цивилизацию, заключающую в себе и противоречия буржуазного общества, и его достижения, его вклад в развитие цивилизации, то есть черты, обретающие общецивилизационное измерение и общечеловеческое значение. В то же время, противоречия антагонистического общества не должны разрушать цивилизацию, механизмы ее жизнедеятельности. Такой подход позволяет более определенно уяснить природу многих глобальных проблем как противоречий современной цивилизации в целом, которые далеко выходят за рамки социальных систем и приобретают глобальный общецивилизационный характер.

Главная мысль в содержании понятия «цивилизация» сводится к многообразию исторического процесса, который проходит путь от локальных, региональных стадий к общепланетарному уровню.

В более узком понимании в европейском сознании утвердилось представление о цивилизации как вершине технических достижений человечества: покорение космоса, внедрение компьютерных технологий и т. д. С цивилизацией ассоциируются материальные успехи, а с культурой – духовный мир человека.

На практике используется множество показателей цивилизованности: уровень смертности, санитарное состояние городов, качество жизни и т. д. Одним из самых важных показателей считается наличие письменности: во всех культурах используется язык, но не все обладают письменностью.

Последние два столетия жизни человечества названы техногенной цивилизацией, развитие которой привело к глобализации и, в итоге – к глобальному кризису. Предельные различия между культурой и цивилизацией Н. Бердяев

сформулировал так: «Культура – религиозна по своей основе, цивилизация – безрелигиозна ... Цивилизация есть воля к могуществу, к устройению поверхности земли ... Культура – национальна, цивилизация – интернациональна. Культура – органична, цивилизация – механична. Культура основана на неравенстве, на качествах. Цивилизация проникнута стремлением к равенству, она хочет обосноваться на количествах. Культура – аристократична, цивилизация – демократична» [9, с. 116].

Согласимся с рассуждением Э. Фромма, который вскрывает причину данного противоречия. «Социальная машина работает эффективнее, если индивиды урезаны до чисто количественных единиц, личность которых может быть вырезана на перфокарте. Такими единицами легче управлять, поскольку они не создают ни проблем, ни трений. Чтобы достичь подобного результата, людей надо лишиться индивидуальности и научить идентифицироваться не с самими собой, а с корпорацией» [10, с. 243].

Поскольку духовные ценности не могут эволюционировать как функция материального совершенствования, переход технического количественного в человеческое качественное весьма проблематичен. В этом проявляется один из аспектов противоречивой взаимосвязи культуры и цивилизации.

Ф. Ницше высказывает крайне категоричное суждение о характере взаимосвязи рассматриваемых понятий: «Высшие точки подъема культуры и цивилизации не совпадают: не следует обманываться в вопросе о глубочайшем антагонизме между культурой и цивилизацией ... цивилизация желает чего-то другого, чем культура: может быть даже чего-то прямо противоположного» [11, с. 51].

Сравнивая данные характеристики и тенденции, определяющие содержание глобализации, можно сделать вывод о том, что культура и цивилизация могут формировать разнонаправленные процессы. Тенденции к регионализации, укреплению национальной идентичности, диверсификации, разнообразию и усложнению культур диктуются культурным вектором. И, напротив, тенденции к унификации, стандартизации, деиндивидуализации, универсализации имеют цивилизационную ориентацию.

Вопрос о соотношении культурных и цивилизационных факторов в развитии современного глобализационного процесса решается в пользу доминирования последних, поскольку преобладают ценности цивилизации и интегративные тенденции.

Список использованных источников:

1. Швейцер А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер. – М., 1992.
2. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.: в 3 т. Т. 1. Структура повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель. – М., 1986.
3. Бромлей Н.Я. Цивилизация в системе общественных структур / Н.Я Бромлей // Цивилизация / под ред. М.А. Барга. – М., 1993. – Вып. 2.
4. Williams R. A Vocabulary of culture and Society / R. Williams. – Fontana Czoom Helm, 1976.
5. Кребер А. Культура: образ концепций и определений / А. Кребер, К. Клакхон. – М., 1964.
6. Маркс К. Соч. Т. 4 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 1982.

7. Сумбатян Ю.Г. Проблемы современной цивилизации / Ю.Г. Сумбатян // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 4. – С. 111.
8. Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций / С.П. Хантингтон // Полис. – 1994. – № 1. – С. 31.
9. Бердяев Н.А. О культуре / Н.А. Бердяев // Философия творчества, культуры и искусства. – М., 1994. – Т. 1.
10. Фромм Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. – М., 1990.
11. Ницше Ф. Воля к власти / Ф. Ницше. – М., 1994.

К.филол.н. Тулохонов С.М.

*Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация*

МНИМЫЕ АВТОРИТЕТЫ: АХМАТОВА

А. Солженицын не раз отмечал в ряду других и как важнейшую для России на долгую перспективу задачу *«сбережения гибнущего народа»*. И. Ильин задолго до того, предвидя трудности подобного сбережения, связывал эту задачу в т.ч. и с возрождением поэзии, *«когда въ русской души запоетъ ея послѣдняя священная глубина, которая укажетъ поэтамъ новыя, глубокія темы и даруетъ этимъ темамъ свою форму... и взволнованное, умиленное сердце ихъ начинало пѣть»* [1]. До сих пор «сердце» отечественной поэзии так и не «запело» – даже у мастеров «товарная» сущность торжествовала над идейной.

Нельзя не согласиться с общим мнением о дилетантизации отечественного словотворчества, несмотря на то, что И. Бродский в 1987 г. получил Нобелевскую премию. Тогда он назвал своих предшественников из Серебряного века – О. Мандельштама, М. Цветаеву и А. Ахматову. Конечно же, «советский» век не мог не корениться в явлениях русского декаданса, в т.ч. и в его небрежностях, которые часто воспринимаются сейчас в качестве образцовых. Почти всегда в них можно усмотреть отход от искренности, цельности и, шире, духовности подлинного лирического переживания. Чрезмерное на рубеже XIX–XX вв. увлечение формой скоро сменилось гораздо большей содержательной заданностью. Многие из деятелей Серебряного века преуспели и в «стальном» – символист В. Брюсов... футурист Б. Пастернак... акмеист М. Лозинский... Наибольший же успех выпал на **Анну Андреевну Ахматову (1889–1966)** – ее имя включено и в широкий обиход, и в стандарт общего образования (наряду со «старожилами» Блоком, Маяковским, Есениным и «новоселами» Цветаевой, Мандельштамом, Пастернаком), и в *promotion* скандальных книг Т. Катаевой...

«Анти-Ахматовские» доводы этих книг впечатляющи, как по именам свидетельствующих современников, так и по убедительности высказываемых ими характеристик «великой души»: *«Лирический круг Ахматовой ... очень мал. Он охватывает самое поэтессу, неизвестного, в котелке или со шпорами, и не-*

пременно Бога – без особых примет. Это очень удобное и портативное третье лицо, вполне комнатного воспитания, друг дома, выполняющий время от времени обязанности врача по женским недомоганиям» (Л. Троцкий); «В ранних стихах Ахматовой было некоторое своеобразие психологии; в новых только бессильные потуги» (В. Брюсов); «Я просмотрел. Все прекрасно, а вообще – „ти-ти-ти“ – а что – неизвестно» (Б. Пастернак); «Глубины большой у нее не было в стихах» (М. Бахтин); «... лично я все эти ее „речи-встречи“ и „речи-невстречи“ воспринимаю как проходные рифмы» (И. Бродский)...

Последняя мысль впоследствии была уточнена: «... стишок должен отчасти напоминать Время... Замечателен в этом смысле 5-стопный ямб... чем его нагружаешь <...>: „Здесь все меня переживает, / Все, даже ветхие скворешни / И этот воздух, воздух вешний, / Морской свершивший перелет. / И голос вечности зовет / С неодолимостью нездешней...“. И вдруг она пишет: „И над цветущей черешней / Сиянье хладный месяц льет“. Цветущая черешня по своему ряду, визуальному или подсознательному, – это нечто позитивное, но внутренняя рифма это абсолютно убирает – просто написаны слова, буквы стоят. „И над цветущей черешней“ – вот эта монотонность...» [2]. Понятно стремление соотнести наличие проходных рифм с монотонностью Времени (эта константа являлась для Бродского основной – ритмический «передых» в, допустим, его 360-строчной «Колыбельной Трескового Мыса» был неизбежен). Монотонность же сонета Ахматовой вызывает по мере вникания в сюжет скорее недоумение, тем более что номинируется как образец.

Рассмотрим же эту образцовую содержательность через обозрение процесса ее созидания в 1958–1965 гг. и анализ шести его вариантов. Правки весьма показательны в определении движения мысли автора, как в плане горизонтально-формальном (см. табл. 1), так и вертикально-содержательном. Прогресс «слева направо» очевиден, в направлении же «сверху вниз» открытий не происходит. Насколько сильна и внешне притягательна формальная сторона стиха, настолько же слаба и внутренне беспомощна содержательная. Собственно, последнее означает банальное размышление о смерти в ассоциативном соотношении с дорогой в вечность, похожей на аллею из детства.

Из шести концептуальных элементов этой конструкции половина присутствует во всех вариантах в полностью неизменном виде («голос вечности» – «нездешней» – «похож^е/_и»), вторая же – в «понятийно» неизменном («неотразимостью»/«необратимостью»/«неодолимостью» – «^о/_к дороге» – «на аллею»). Особо «притягательны» два аспекта функционирования главного здесь концепта «нездешний»: 1) формальный, обеспечивающий рифмическую устойчивость его 8-стишного тезиса, и 2) содержательный, в каждой из трех редакций определяющий качество искомой автором «нездешности». То, чем восхитился Бродский, не представляет по его же словам собой ничего значимого – «просто буквы стоят». Впрочем, и весь этот ряд («скворешни» – «вешний» – «нездеш-

ней» – «черешней»), строго говоря, неряшлив (ведь в петербургских традициях следовало бы подчеркнуть именно [чн'] в «скворечнях»), манерен («весенняя» – «вешняя») и по большому счету странен (скворечники в парке Царского Села... ветер то ли из Швеции, то ли из Америки... черешня в комаровских сосняках... какая-то неместная непреодолимость голоса вечности...).

Таблица 1. Варианты «Приморского сонета» А. Ахматовой [3]

исходный вариант	1-я редакция	2-я редакция	3-я редакция	4-я редакция	5-я редакция, окончательный вариант
1958. 16 – 17 Июнь. Комарово.	Сонет	Летний сонет	Последний сонет	Летний сонет	Приморский сонет
Здесь всё меня переживёт, Всё, даже старые скворешни, И этот воздух, воздух вешний, Морской свершивший перелёт.	Здесь всё меня переживет, Всё, даже старые скворешни, И этот воздух, воздух вешний, Морской свершивший перелет.	Здесь всё меня переживет, Всё, даже ветхие скворешни, И этот воздух, воздух вешний, Морской свершивший перелет.	Здесь все меня переживет, Все даже ветхие скворешни И этот воздух, воздух вешний, Морской свершивший перелет.	Здесь всё меня переживет, Всё, даже ветхие скворешни И этот воздух, воздух вешний, Морской свершивший перелет.	Здесь всё меня переживет, Всё, даже ветхие скворешни И этот воздух, воздух вешний, Морской свершивший перелет.
И голос вечности поёт С неотразимостью нездешней, И над цветущей черешней Сиянье свежий месяц льёт.	И голос вечности поет С необратимостью нездешней И над цветущей черешней Сиянье свежий месяц льет.	И голос вечности зовет С необратимостью нездешней И над цветущей черешней Сиянье свежий месяц льет.	И голос вечности зовет С неодолимостью нездешней, И над цветущей черешней Сиянье легкий месяц льет.	И голос вечности зовет С неодолимостью нездешней, И над цветущей черешней Сиянье легкий месяц льет.	И голос вечности зовет С неодолимостью нездешней, И над цветущей черешней Сиянье легкий месяц льет.
И кажется такой нетрудной Дорога в чаще изумрудной, Которая туда ведёт,	И кажется такой нетрудной Дорога в чаще изумрудной, Где заблудились тополя,	И кажется такой нетрудной, Белея в чаще изумрудной, Дорога не скажу куда,	И кажется такой нетрудной, Белея в чаще изумрудной, Дорога не скажу куда,	И кажется такой нетрудной, Белея в чаще изумрудной, Дорога не скажу куда...	И кажется такой нетрудной, Белея в чаще изумрудной, Дорога не скажу куда...
Где меж стволов еще светлее, И все похоже на аллею, Где в Царском тень моя живёт.	Где меж стволов еще светлее И все похоже на аллею, Где в Царском бродит тень моя.	Там меж стволов еще светлее, И все похоже на аллею, У Царскосельского пруда.	Там средь стволов еще светлее И все похоже на аллею У Царскосельского пруда.	Там средь стволов еще светлее, И всё похоже на аллею У царскосельского пруда.	Там средь стволов еще светлее, И всё похоже на аллею У царскосельского пруда.
	16 – 17 июня 1958 Комарово	16 – 17 июня 1958 Комарово	1958, июнь Комарово	Комарово 1958	Комарово 1958

В линии «„необратимость“ – „неотразимость“ – „неодолимость“» чуждые по своему «сознательному» ряду элементы каждый раз легко используются внутри неизменного выражения. И возникают новые непонятно-таинственные смыслы: «И голос вечности поёт / С неотразимостью нездешней», т.е. красиво?; «поет / С необратимостью», т.е. как-то окончательно?, что трудно представимо и в следующем примыкании – «зовет / С необратимостью»; и, наконец, замысловатое «зовет / С неодолимостью», что, по-видимому, было уже «куртуазно»-приемлемо. И общая логика развития сюжета уложилась в именно внешней утонченности и формальной учтивости.

1-я редакция связана с заменой неточной рифмы «ведёт»/«живёт» и повторяющегося «Где», не допустимым по определению для данной жанровой формы. Исправление ухудшило положение, усугубленное «необратимостью», что во 2-й ред. породило кардинальный пересмотр терцетов, т.е. приемлемых анти-тезиса-кульминации и синтеза сонета. Появились новые качества дороги и компактная ключевая фраза «У Царскосельского пруда» (которая в 4-й ред. приняла нужный «обстоятельный», вид). Главное в 3-й ред. – «неодолимость», сопровождаемая до 4-й поисками благозвучия («старые»/«ветхие», «поет»/«зовет», «свежий»/«легкий», «Где»/«Там», «меж»/«среди»).

Отдельная история – о заглавиях. Их было 4, и все они, кроме номена «Сонет», не соответствуют данной в стихах поэтической действительности. «Летний» – но дело было весной, «Последний» – но не последний, «Приморский» – но море ощущается там только в призраке дневного бриза.

И особый момент идейно-художественного порядка – окончательная характеристика дороги. Определение «не скажу куда» повергает читателя в недоумение: во-первых, почему не сказать?, во-вторых, зачем так грубо и неучтиво? и, в-третьих, все это по подаче очень похоже на что-то неприличное... И действительно, сквозь насаждаемый пафос небытия неумолимо проникает иносказание перифраза и, более того, эвфемизма, всегда обходящего прямое озвучивание. Что же могло стоять за этим разговорным и одновременно афористичным выражением (на которые, кстати, Ахматова была весьма охоча: «*Не бойтесь, я не зажилю*», «*Фуй, какой морд*» и даже «*В конце концов, поэту хорошо бы разбираться, где муза и где блядь*» [4])?

Может быть, летний туалет в Комарове, на Осипенко, 3? Такой ход не исключен – ведь эвфемизмы туалетной темы «*обладают высокой частотностью употребления*. См. примеры использования неопределенного местоимения в составе перифразы со значением „сходить в туалет“ в русском и английском языках: *идти (пойти, выйти, сходить) кое-куда – go somewhere*» [5]. Прониминализированное обстоятельство «*„кое-куда“/„somewhere“*» адекватно фразеологизму «*не скажу куда*». Возможно ли это? Вряд ли...

В противном случае – это выражение с нечаянным смыслом, т.е. конкретный показатель непрофессионализма автора или отсутствия у него духовного слуха. Было же ею сказано однажды: «*По мне, в стихах все быть должно не-кстати, / Не так, как у людей. // Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда*». По этой логике и получается, что поэзия – удел не восторга души, а какой-то несуразности или случайности, которые затем как-то облагораживаются и даже «*одухотворяются*»...

Нет, «Приморский сонет» однозначно и убедительно сам за себя свидетельствует, что к содержательности не причастен и его сердце не поет. Так чье же сердце поет? Можно, например, сказать про **Ивана Алексеевича Бунина (1870–1953)** и его настоящие и глубокие стихи без нечаянных смыслов и с искренней душой...

Список использованных источников:

1. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://imwerden.de/pdf/ilijn_russkaya_poeziya.pdf
2. Шишов А. Ниоткуда с любовью... Воспоминание об Иосифе Бродском / А. Шишов, Е. Якович // Документальный фильм. – РТР, 1996. – 12:30 – 14:27.
3. См.: Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). – М. – Torino, 1996. – С. 13; Ахматова Анна. Стихотворения. – М., 1958; Литература и жизнь. – 1959. – 5 апреля; Ахматова Анна. Стихотворения. 1909 – 1960. – М., 1961; Ахматова Анна. Бег времени. 1909–1965. – Л., 1965.
4. Катаева Т. Анти-Ахматова / Т. Катаева. – Мн., 2008. – С. 328, 330.
5. Никитина И.Н. Бытовые эвфемизмы в контексте разных языков / И.Н. Никитина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 11, 4 (6). – 2009. – С. 1585.

К.филол.н. Тулохонов С.М.

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ, Российская Федерация

МНИМЫЕ АВТОРИТЕТЫ: ВОЙЦЕХОВСКИЙ

Нет сомнений, что все сложности современного российского мироустройства проистекают из того, что было названо «русской смутой», ограничивающейся гораздо более обширным временем, нежели события 1917 г. и даже вся революционная чередка начала того века.

Также ясно, что трудности сегодняшней адекватности восприятия тех событий коренятся в кризисе гуманитарного знания, использующего до сих пор корпоративно направленные методологии тоталитарного века. Скажем, концепт «нацистский» следует понимать не иначе как «национально-социалистический», а следующий за ним «фашистский» – непременно в понимании итальянском, ведь в Германии фашистов не было. Еще более занимателен концепт «большевистский». Этимологический подход требует русского слова «большевицкий» и парного ему «меньшевицкий», однако до сих пор они используются в нелепой форме революционной давности. Интернационально-социалистическая сущность большевизма точно так же соотносится с нацизмом, как фашисты с «большевистами», т.е. в неких формах социальной и, соответственно, языковой патологии («на языке этой „качественной“ перемены», по А. Платонову).

Эта, не только внешняя, подменная сущность красной стороны позволила, по большому счету, победить ей в противостоянии с белой. Люди в основном поддержали красных, поддавшись более чем решительным обещаниям мира, земли и порядка... Впрочем, строго исторические и научно обоснованные разговоры о большевиках сейчас бесперспективны, т.к. архивы в значительной степени уничтожены, оставшиеся материалы закрыты на неопределенное время, а та беллетристика, где, к примеру, продолжает восхваляться РККА и, соответственно, очерняется их противник, не выдерживает никакой критики. Белая сторона по-прежнему и по-настоящему не изучена, хотя уже переносятся в Россию их главные могилы, воздвигаются монументы, издаются воспоминания, обсуждаемые на регулярно собирающихся конференциях... Этот новый ракурс в значительной степени основан на нравственном аспекте, и очень показателен на событиях и людях, допустим, бело-омского режима А. Колчака, который стал альтернативой красно-московскому режиму В. Ленина.

Российский раскол в Сибири и на Дальнем Востоке проходил не только по границе «красные – белые». В белой стороне очень значительна была граница «монархисты – демократы», причем демократически настроенные деятели в известной степени были связаны с отделившимися от красного блока эсерами и меньшевиками и создали, в конце концов, наибольшие проблемы для «Всероссийского Правительства» и его «Верховного Правителя». Однако, как нам

представляется, основная причина катастрофы не лежала в областях политики, стратегии или военной тактики – она исходила из «человеческого фактора», и прежде всего из духовных качеств военачальников высшего звена Русской армии во главе с *«Верховнымъ Главнокомандующимъ всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами Россіи»* адмиралом А. Колчаком.

Противостояние Красной и Русской армий в 1918–1919 гг. было острейшим, и его чаша весов безостановочно колебалась. Конечный успех московского режима в значительной степени был обеспечен талантом «наркомвоенмора» и «предРВС Республики» Л. Троцкого (оказавшегося единственным постоянным персонажем Гражданской войны). Так, в чрезвычайно сложной и опасной ситуации на красном Восточном фронте, сложившейся весной 1919 г. он поддержал командующего С. Каменева, назначение и взгляды которого были противоположны его концепции – замораживанию фронта на Урале. Более того, Каменев в начале июля становится Главнокомандующим всеми вооруженными силами. Это привнесло в дело руководства РККА военную компетентность – в частности, РВСР по опыту Восточного фронта был сокращен с 10 членов до 2. Иначе говоря, большевики избавились от непрофессионалов в высшем звене (в числе которых оказался и И. Сталин, как всегда занимавшийся в основном интригами). При всем том, следует иметь в виду, что успехи красными достигались всеми возможными и, как правило, бесчеловечными средствами.

Белыми военачальниками, обладающими реальной властью, поэтапно являлись: 1) до 18 ноября 1918 г. – командующие отдельными армиями, особенно Западной (генерал от артиллерии М. Ханжин) и Сибирской (генерал-майор Р. Гайда), а также командир Отдельного Маньчжурского отряда есаул «атаман» Г. Семенов; 2) до 9 августа 1919 г. – начальник штаба Верховного Главнокомандующего Генерального штаба г.-м. Д. Лебедев; далее – главнокомандующие Восточным фронтом 3) до 4 ноября 1919 г. – ГШ генерал-лейтенант М. Дитерихс, 4) до 9 декабря 1919 г. – ГШ г.-л. К. Сахаров, 5) до 25 января 1920 г. – ГШ г.-л. В. Каппель, 6) до 20 февраля 1920 г. – ГШ г.-м. С. Войцеховский и 7) до 19 ноября 1920 г. – Главнокомандующий всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины г.-л. «атаман» Г. Семенов.

Вплоть до 5-го этапа борьба соперников была более или менее равной, хотя, и происходило медленное теснение белого Восточного фронта красным Восточным фронтом. Колчаковцы вполне могли победоносно закончить кампанию 1919 г., свидетельство чему – мнения Ленина (*«Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной»*) и Троцкого (*«... не следует зарываться слишком далеко на восток, по ту сторону Урала ... Это должно было дать возможность снять с востока несколько дивизий и перебросить их на юг, где Деникин превращался во все более серьезную опасность»*) [1]. Однако Каменев взял верх, и общее наступление было продолжено. Тухачевский успешно провел Челябинскую операцию, не имея на то объективных предпосы-

лок и чудесным образом избежав окружения и уничтожения. Это оказалось бы для Москвы смертельным ударом, т.к. сил для одновременного противодействия на деникинском и колчаковском фронтах не было.

Почему не сомкнулись у Челябинска «клещи» Западной армии Сахарова? – вот главный вопрос 1919 г. и, может быть, всей Гражданской войны. Суть этой операции заключалась во внезапном оставлении города в ночь на 25 июля с последующим переходом в наступление на флангах силами двух ударных групп – 20-тысячной Уфимской Войцеховского справа и 10-тысячной Волжской Каппеля слева. За успех белых говорило все: и продуманность операции, и беспечность красного командования во главе с «комфронта» Фрунзе и «командармом» Тухачевским, штабы которых находились в Симбирске и Уфе (соответственно 1200 и около 500 км от театра военных действий), и огромный порыв войск при угнетенном состоянии красных после «взятия» Кусинского завода...

К исходу 27 июля во фланг Уфимцев с севера вышла 5-я красная дивизия. Для устранения опасности **Сергей Николаевич Войцеховский (1893–1951)** направил туда Ижевскую бригаду, в ночь совершившую с передовой 60-верстный марш. В результате короткого встречного боя Ижевцы надежно закрепились для обороны *«и ген. Молчанов донес, что... ручается за полную устойчивость на занятом участке. / Генерал Войцеховский был другого мнения... Он направил на поддержку бригады школу генерала Москаленко, около 400 штыков, и приказал вести атаку свежими силами этой школы. / На просьбу генерала Молчанова не губить отлично подготовленных юнкеров (они назывались Егерями), необходимых для младших командных должностей, – ответ был в духе „не рассуждать!“... Егеря не могли достигнуть позиции противника. Потери их достигли до половины их состава. ... Тогда генерал Молчанов приказал 2-му Ижевскому полку перейти в короткую демонстративную атаку и отвлечь внимание красных от Егерей. ... Эта выручка дорого стоила Второму полку, который потерял около 60 человек. ... Группа начала отход»* [2]. Этот заслон повлек за собой 2-дневную потерю темпа и, в конечном счете, победы. А ведь группа состояла из, помимо Ижевской бригады, еще трех дивизий Уфимского корпуса. Для того чтобы им опасаться удара с фланга одной красной дивизии (у которой оставались бы в тылу Ижевцы, стоявшие в боевых контактах 3-кратного преимущества), нужно быть или дураком, или трусом.

Ни то, ни другое к Войцеховскому приложить, казалось бы, нельзя. Его образование – самого высокого качества в истории Николаевской академии. В 1912 г. штабс-капитан Войцеховский закончил ее «по первому разряду» и с золотой медалью. А дослужиться до «Вашего Превосходительства», опасаясь смерти, – вещь вовсе невозможная. Так что же произошло? Давно замечено: *«Заяц не трус – себя бережет»*, и Войцеховский – совсем не та фигура, на которой можно воспитывать новых граждан России. «Прямой и честный путь русского офицера» – не про него, его путь – это сплошные уходы: из Русской

армии в чешскую, потом обратно, потом опять в чешскую; в отпуск в самый разгар военного строительства, в самовольный отпуск из-за обиды на непосредственного начальника, от ответственности в отступлении (с ужасным убийством своего генерала)... И обходы: Красноярска (против воли Каппеля), Канска, Нижнеудинска (где Вержбицкий с Сахаровым ждали его двое суток), Иркутска... Сознавая ошибочность расправы над Гривиным и опасаясь Иркутян с Воткинцами в Тобольской группе, он выбил у Сахарова в свое подчинение Уфимцев, которые в перестроении забили проходы в Щегловской тайге, что привело фактически к гибели 3-й Армии и срыву плана остановки красных на Золотом Катате. С этого момента судьбы фронта и Колчака были решены.

Ирония судьбы – бесславная смерть настигла Войцеховского в лагере под Тайшетом, который он так и не решился обходить за 31 год до того, 15 января 1920 г. А бессмертная слава ждала умершего через несколько дней от двусторонней пневмонии **Владимира Оска́ровича Каппеля (1893–1920)**. После Читы и Харбина и через 87 лет он был перезахоронен в Донском монастыре между А. Деникиным и И. Ильиным, который как бы про него и говорил, обращаясь к памяти защитников Великой России и, по сути, к основам российского мироощущения: *«И побѣдитъ... тотъ, ... кто нашель въ себѣ слово, равносильное дѣлу, и совершилъ дѣло, равносильное рѣшимости умереть»* [3].

Список использованных источников:

1. Ленин В.И. ПСС. Т. 50 / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1970. – С. 597; Троцкий Л. Моя жизнь Опыт автобиографии / Л. Троцкий. – М.: Панорама, 1991. – С. 429.
2. Ефимов А.Г. Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920 / А.Г. Ефимов. – М.: Айрис-пресс, 2008. – С. 160–161.
3. Ильин И.А. Государственный смысл Белой Армии / И.А. Ильин // Русская мысль. – Прага – П., 1923–1924. – В. 9–12. – С. 233.

К.филол.н. Тулохонов С.М.

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ, Российская Федерация

МНИМЫЕ АВТОРИТЕТЫ: НАМСАРАЕВ

Тезаурусное рассмотрение культурно-исторических ориентиров Бурятии должно содержать, помимо собственно биографическо-жизнеописательного аспекта, еще и доксографическо-взглядоописательный. Разрешение исследовательских проблем будет связано с полноформатным разговором о, допустим, национальном вопросе (П. Дамбинов), национальной памяти (Ц. Жамцарано), национальной войне (Г. Семенов), национальном строительстве (М. Ербанов), национальной трагедии (А. Доржиев), национальной надежде (Н. Нимбуев) или национальном авторитете (Х. Намсараев).

Последний объект в качестве наиболее значимого символа современной Бурятии – наиболее занимателен, и главным образом по причине своей общеизвестности. Однако интерес, возникающий из осмысления прочно устоявшихся и давно превратившихся в стереотип составляющих феномена **«Хоца Намсараевич Намсараев (1889–1959)»**, все же не базируется на полноте фактов его жизненной и творческой биографий. Их восполнение не было осуществлено по причине коллапса СССР, его советской многонациональной литературы, ее социального интереса и, соответственно, их принципов и деятелей, в т.ч. и Намсараева. Но известное имя его и непонятный авторитет остались.

Ономастика Бурятии дает великолепную возможность убедиться в этом. К примеру, только в антропонимическом ряду Улан-Удэ – а это 7 властителей, 6 полевых командиров гражданской войны, 6 солдат различных военных конфликтов, 6 деятелей литературы и искусства, 2 военачальника, 1 ученый, 1 священник и 1 купец – писатель упомянут трижды, больше всех. Его имя носят Бурятский государственный академический театр драмы, улица и Музей литературы Бурятии. Так в чем же величие и величина этого человека?

Общеизвестно, что Х. Намсараев – основоположник и классик бурятской литературы, тем самым – значительнейшее явление национальной культуры. Это означает, что он 1) был первым, 2) его творчество является образцовым – как в языковом плане, так и в идейно-художественном – и 3) оба они символизируют собой бурятскую культуру в целом (быт, идеалы, образ жизни, обряды, нравы...). Несомненно одно, что его творчество является до сих пор образцовым в языковом плане. Это и понятно, так как современный литературный бурятский язык, декретированный 1 мая 1939 г. на основе хоринского диалекта, не мог не быть хорошо знакомым уроженцу Кижингинской долины Намсараеву, к тому же – человеку, грамотному традиционно, по-старомонгольски. Не менее важно и то, что к моменту начала создания у бурят литературы и письменности ему было уже за 40. В остальном же можно усомниться...

... во-первых, в том, что Намсараев был первым писателем Бурятии. Ни хронологически, ни иерархически это не подтверждается. Начало его литературно-художественной деятельности – 1919 г. – было определено в 1960-х гг. задним числом. Первые же публикации 1925 г. следует воспринимать не иначе как деятельность рабселькора-грамотея, «отрабатывающего» прием и кандидатство в партии. Даже издания 1929 – 1930 гг. (по плану 1-го республиканского съезда воинствующих безбожников) не были основанием, достаточным к принятию его в 1934 г. в Союз советских писателей СССР (для этого потребовались переводные публикации). Первым же серьезным литературным произведением Намсараева – написанным, опубликованным и оцененным на должном, именно литературном уровне – стал в 1935 г. рассказ «Цыремпил».

... во-вторых, в том, что творчество Намсараева образцово в идейно-художественном плане, так как оно в значительной степени является конъюнк-

турным. Говоря проще, результат его художественного исследования действительности всегда был предрешен той или иной партийно-идеологической потребностью. Очень характерно в этом плане письмо некоего Н. Халбаева от 19 мая 1955 г., хранящееся в архиве писателя, о написании музыки к песне Намсараева «*Алтан кукуруза*» (Золотая кукуруза) [1].

...в-третьих – и это самое главное – в том, что имя и творчество Намсараева символизируют сейчас бурятскую культуру, так как они были в основах своих направлены как раз на уничтожение традиционных мировосприятия, духовности и жизнедеятельности бурят-монголов (глумление над религиозностью бурят и, соответственно, ламами и шаманами, пропаганда «раскулачивания» и коллективизации со всеми вытекающими отсюда последствиями, внедрение новых форм хозяйствования...). Во всех мероприятиях по разрушению прежней культуры и, соответственно, строительству новой он, как большевик, принимал самое действенное участие, что очень многое объясняет.

Некоторые даты биографии Намсараева-коммуниста. Сентябрь 1925 г. – вступление в РКП(б) в родном улусе Шаралза (Ербановского сомона Хоринского аймака, где он был учителем родного языка), когда по решению 13-го съезда РКП(б) была проведена чистка непроезженных партийных организаций. Затем – врио заведующего Кижингинским отделом школ, участие в совещании по культурно-национальному строительству БМАССР и его мероприятиях, секретарь Кижингинской ячейки ВКП(б). С октября 1928 г. – сотрудник Буручкова, затем – руководитель школы малограмотных при Национальном клубе Верхнеудинска (где работа его была, по всей видимости, непривлекательной и малоодоходной, свидетельство чему – расписки о доставке «Ганджура» из Эгитуйского дацана в Верхнеудинск: 29 августа 1929 г. Намсараев заплатил Г. Дамбиеву 2 рубля, а 30 августа получил в Буручкове 3). С октября 1929 г. – работа в Госиздате: 1929/1930 гг. – 7 «антирелигиозных» книжек, октябрь 1930 г. – начальник Усть-Тугнуйского отряда по подавлению кулацкого мятежа в Мухоршибири [2], с декабря 1930 по февраль 1932 гг. – официально в Москве как представитель Центриздата в комиссии по реализации решений конференции о монгольской письменности (между тем как в июне 1931 г. в Улан-Баторе он присутствует на обмене ратификационными грамотами по договорам СССР и МНР [3]). Май 1933 г. – член оргкомитета ССП БМАССР, с конца 1934 г. – действительный член ССП СССР.

Библиографический аспект деятельности писателя-коммуниста красноречиво прослеживается по разработке одного популярного сюжета, оказавшегося во всех смыслах плодотворной. Сначала – рассказ «*Cerempil*» (1935) с незамысловатым по законам «улусной» словесности повествованием о разрешении любовного конфликта (по прямой аналогии с пьесой Д.-Р. Намжилона «*Хуушан хубилба, хуули шэнэрбэ*»), который вскоре был значительно расширен писателем-орденоносцем (2-я часть – 1937, перевод Д. Хилтухина – 1938). Главное

отличие намсараевского художественного решения – в том, что протест главного героя абсолютен и потому непреодолим, что приводит Цыремпила к конфликту с законом и, затем, к бегству и аресту. Проблема же намжилоновского Лхасарана легко разрешается в суде. Собственно, в эволюционном (а не революционном) разрешении конфликта и заключалась созидательная направленность пьес Намжилона и его соратников Базарона и Барадийна. Затем – повесть «Цыремпил» (1937/1941, пер. – 1950) и роман «Үүрэй толон» (1-я ред. – 1950, пер. «На утренней заре» В. Ференса и В. Авдеева – 1950, А. Ференчука и В. Авдеева – 1954; 2-я ред. – 1956, пер. М. Степанова – 1956), где именно революционная направленность сюжета расширилась как в качественном отношении (с эпиграфом из «Капитала»), так и в количественном – герой попадает на каторгу и становится профессиональным революционером. От того, что было изначально жизненным, к 1956 г. не осталось практически ничего – пространственный романский комментарий к «Истории ВКП(б)» уничтожил всю художественную составляющую [4].

От рабселькоровской заметки – к рассказу, повести, роману и собранию сочинений в 2194 страницы. От 46-летнего начинающего писателя – к основоположнику и классику, дважды орденоносцу и депутату 4-х созывов Верховного Совета СССР. Можно с большой долей уверенности догадаться, чего бы далее он мог достичь, постоянно ориентируясь на 1) соответствие властной политике, 2) увеличение объема и разнообразия публикаций. Легко заметный 6-летний интервал между значимыми этапами в развитии сюжета о Цыремпиле, (учитывая пятилетие войны: 1935, 1941, 1950, 1956 гг.), подкрепленный прогрессией объемного роста (94, 227, 320, 399 сс.), позволяет предположить к 1962 г. дилогию в русле 20-го съезда КПСС страниц на 600 (наверняка оцененную бы звездой Героя Социалистического Труда), а в 1968 г. – эпопею эпохи застоя страниц на 1000 (со второй звездой, в том числе по поводу 80-летия, и, соответственно, легитимным бюстом на родине). В успехе этих мероприятий можно не сомневаться, имея в виду особенности литературной жизни 1960–1970-х гг., а также работоспособность и прозорливость Намсараева, как литературно-конъюнктурную, так и политическую.

Поразителен его оппортунизм (в первом значении, как способность выживания). Известно, например, о его педагогических неудачах, когда, преподавая родной язык по старому, «базароновскому», методу, он безуспешно осваивал новый, или о двух его исключениях из партии (!) в 1930-х гг. Однако и наибольший успех Намсараева пришелся на этот же период, считающийся трагическим в истории бурятской культуры, – на 1937–1951 гг. Первая переводная книга вышла в 1947 г. (всего при жизни – 10), а в целом показатели издательской активности буквально зашкаливают: 21 монографическое издание, а общий объем публикаций превысил 2,5 тысяч страниц, и это – соответствующими для того времени тиражами.

Еще более удивителен, но никак не исчислим поэтический гений вечно юного **Намжила Ширавовича Нимбуева (1948–1971)**, успевшего заявить: *«Крохотным знаменем / над планетою бьется / отчизна моя – / Бурятия»* [5].

Список использованных источников:

1. Описание архива Хоца Намсараева (материалы о творчестве писателя и истории бурятской литературы). – Улан-Удэ, 1969. – С. 38.
2. Там же. – С. 12.
3. Тайны Бурятии. – 2005. – № 1 (8). – С. 2–3.
4. См.: Kuca Namsarain. Cerempil. 1 debter. Buriaadmongol ulasiin keblel. – Ulaan-Yde, 1935 on; Kuca Namsarain. Cerempil. Kojardugaar debter. Buriaad-Mongol gerenii keblel. – Ulaan-Yde, 1937 on; Намсараев Х. Цыремпил. Повесть. 2-е испр. изд. – Улан-Удэ, 1941; Намсараев Х. Үүрэй толон. — Улаан-Үдэ, 1950; Намсараев Х. Үүрэй толон / Доп. и перераб. изд. – Улан-Удэ, 1956.
5. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.nimbuev.buryatia.org/namzhil/stihi.php?page=7>

К.филол.н. Дзюбенко А.И., Вопилова А.Р.

*Педагогический институт Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация*

**THE IMAGE OF A CRIMINAL VS. THE IMAGE OF A DEFENDANT:
THROUGH THE AUTHOR'S EXPERIENCE INTERPRETATION**

The sphere of law and justice with its incontrovertible evidences and thoroughly checked facts seems to be absolutely incompatible with the world of fiction which centers around thought-up, fabricated things that are vital for the plot evolution. We can't but notice a trend in the modern English literature of the writers' creating the images of criminals and defendant that have strong resemblance to the authors' life experience and social background. Thus, we can suppose that the whole perception of these characters is being drastically altered making the contemporary readers change their viewpoints, for instance, towards the image of a criminal who is usually prejudiced against being subconsciously an evil in the eyes of an average reader. It is of a special interest to examine the evolution of these very images in the books by the writer, who himself was convicted and served a sentence for the committed crime, which was a perjury and the prevention of judicature – by Jeffrey Archer.

For the further examination of the evolution of the discussed images it is necessary to dwell in short on the basic points of the plot structure of Jeffrey Archer's work "A Prisoner of Birth". The story opens up with the episode in which the protagonist – Danny Cartwright – makes a marriage proposal to his sweetheart, and then they go to the local pub to celebrate it with her brother, who is also his best friend. There they come across four young men. After a squabble they burst into a fray and one of those four men wounds fatally the brother of the main character's wife-to-be. Danny is accused of the crime and is jailed. There he finds a new friend, Nick Moncrieff. They are peers and look so much alike that other convicts and the staff take one for the other. A few days before Nick's release he is killed by mistake instead of Danny, but everybody thinks it is Danny who is dead. Thus, the main character pretends to be Nick in prison and then in the outside. He has to solve his friend's problems concerning property and inheritance. At the same time he puts into practice his plan of retaliating against the murderer of his friends and his associates.

Here we come across not only the confrontation of the two people: the one who committed the crime and the one who had to pay for it. It is a struggle between justice and injustice, in a wider sense – between good and evil. Good (personified in the image of the defendant) has to bear humiliation and suffer from fighting for the truth

and, eventually, to show its ability to survive in the modern society. Evil (embodied in the image of the criminal) remains unpunished but only for some short period of time.

J. Archer made a pragmatically right choice by depicting a representative of the upper-middle class as a criminal and an ordinary worker as a defendant. A wrongly convicted arouses not only sympathy but also bitterness and despair in the readers since it is hard to imagine the way this character can prove his innocence. On the contrary, the criminal provokes rage and indignation that are a common reaction to the impunity.

The prison Belmarsh in South-East London where J. Archer being accused of a perjury and sentenced for four years of imprisonment spent the first three weeks of his imprisonment is the scene of the second part of the novel that is headlined "Prison". There one of the key events of the book happens. The defendant meets Nick Moncrieff who becomes his close friend. Unlike Danny Nick is from a well-to-do family; he is literate and learned. He starts teaching Danny reading, writing and manners, and Danny hopes the jury will treat him more favorably if he looks more refined. Besides, Nick noticed the main character's faculty for quick learning and his aptitude for algebra and logic that will become essential outside the prison: "You're every bit as bright as I am", "and when it comes to maths, you've become the teacher" [1]. The punishment of Nick doesn't seem fair since there wasn't enough evidence against him as in the protagonist's case.

Here we can compare the book with the author's personal experience that he describes in his other work "A Prison Diary". The main difference is that in "A Prisoner of Birth" the author shares his experience between Danny and Nick and, as we can assume, this is the reason for making these two characters have the same values, abilities and be so much alike. What's more, J. Archer even makes one character lead the life of the other. In "A Prisoner of Birth" the things that happen, people the main characters meet and the sensation they experience are close to those that the writer experienced himself in "A Prison Diary". In his biography Archer wrote how hard it was for him to stay locked in knowing he was sentenced for the crime he hadn't committed, and he often thought how he would have spent his time if he had been with his family then. He was deep in thoughts about his past life when he had been able to see his wife, children and friend every single day and realised how much he missed all that. The protagonist of "A Prisoner of Birth" was constantly thinking about his fiancée Beth who was faithful to him and did everything in her power to clear his name despite all the difficulties. If we compare "A Prisoner of Birth" and "A Prison Diary" we will notice that the image of Beth is a prototype of Archer's wife Mary.

From the very first lines of the book the main character, Danny Cartwright, arouses sympathy. The author doesn't give a direct description of the defendant, but a reader forms an opinion about him according to his manner of talking and behaving.

Danny is a representative of a working class: "I'm a Cockney, but my grandfather was Irish" [1, 104]. He has no education and can't ever read or write. A reader can guess about his background mostly by the extracts of the direct speech. It is characterized by usage of substandard vocabulary, omission of sound [h], simplification of syntax, usage of [n] instead of [ŋ]: "Why would you want to remember of this *dump*?" [1, 98], "Is 'e any good?" [1, p. 98], "What are you scribblin?" [1, 98] "And you got eight years for that?" [1, p. 115], "How come you don't get no letters?" [1, p. 115]. Even the barrister pays attention to the lexical and stylistic peculiarities of the defendant's language during one of their meetings: "Alex was almost shocked by Danny's language. He'd never heard his client swear once during the past six months" [1, p. 81].

Now the defendant has to clarify the situations he has never experienced before (the lawsuit with the relative of a murdered friend, some serious matters concerning real estate and capital), and he not only gets rid of all these problems with success, but also puts into practice the plans to revenge on the criminal and the person responsible for all his miseries. We see the main character improving himself and changing, and later appears a man that was difficult to imagine. Yet, he is a kind-hearted man whose main values are family and friends. He doesn't crave for wealth and impact – the main thing for him is to be with his people. Honour and dignity mean to him a lot, as well. It is important for Danny to remain honest, and this fact makes him differ from the criminal. That is why this character declines his lawyer's offer to plead guilty which would shorten his sentence considerably.

The direct description of the other important character – the criminal – is also omitted, but the way he reveals himself is enough for a reader to form an opinion about him. The criminal Spenser Craig is a successful barrister who has first-hand knowledge of the procession and investigation. He shines an uncomfortable light on the defendant by changing in his testimony the succession of events which happened that fatal night, but the changes are so slight that nobody can suspect him. Besides he talks his friends who are also concerned in that crime into giving false testimony. The criminal takes care of his reputation but most of all he is afraid of losing his freedom. He challenges the acceptable standards of behavior in order to keep his position in the society. This character is an archetype as he proves to be a man without any ethical ideas, i.e. a typical villain. He is a ring-leader of an incident; he withstands the main character in his fight for freedom, and after that follows him till the court finds the real murderer guilty. Honor means nothing for this person. Having sent an innocent behind the bars he doesn't feel remorse, and the court is not able to denounce him for a long time. The criminal possesses a great capability of winning over other people. Unscrupulousness, shrewdness and mendacity of this character strike a reader.

It is a well-known fact that person's speech is a marker of his social status. If we analyze the criminal's speech we will find out that he belongs to a higher social class than the defendant. We can draw this conclusion judging by the usage of more

complicated syntax, quotes from Latin that this character is sure to have learnt at university, rich vocabulary: “And how much will you be contributing to this little enterprise?” [1, p. 384], “<...> especially as we didn’t part on the best of terms. *Mea culpa*” [1, p. 204].

The defendant and the criminal treated women differently. The relationships between the defendant and his fiancée are based on devotion, mutual understanding and respect. In the criminal’s life there was one who he wanted to be together with, but as soon as she turns him down he tries to convince everyone she is not his cup of tea. Her decline was more a smack in the eye than a crush of hope for a happy life together. The concept of friendship of these two characters differs, as well. For the defendant the friends are those who he stands for and takes care of. For the criminal they are those who he spends great time with. The criminal and his friends know one another for ages and such an incident is the first test for their relationships. While reading we ask ourselves if they will manage to conceal the truth about what happened on the scene of crime? Despite the fact that Spencer managed to convince the court of his not being guilty for a considerable period of time and avoid punishment, in the end he has to take responsibility for the crime.

To sum it up, it should be pointed that the defendant and the criminal belong to the different social classes, having different backgrounds, educational levels and ambitions, but one can’t help noticing that they are rivals equal in intellect and quick wit, which makes the narrative more exciting and unexpected. The defendant transforms from a simple young man into a shrewd avenger. His life was predictable and still before, but now he runs his own destiny and that of others. However, he manages to keep safe all the qualities and values that have always been important for him. On the contrary, it becomes more difficult for the criminal to keep cool and remain self-confident. He can’t but think about his being denounced someday. The events described in the book show how it feels to lead the life of another man (like a defendant) and to live in a constant fear of exposure. In the image of the defendant (as well as in that of his friend Nick Moncrieff) we can discern the traits of the author himself. The image of a criminal is more a personification of everything that blocks the way of justice.

The list of references:

1. Archer J. *A Prisoner of Birth* / J. Archer. – New York: St. Martin’s Press, 2008. – 501 p.

К.філол.н. Кравченко В.Л.

Полтавський національний педагогічний університет

імені В.Г. Короленка, Україна

**CONCEPT “SENSE OF BEAUTY” IN JAPANESE CULTURE:
CROSS-CULTURAL ASPECT**

The cultural relationship modernization, the modern society cross-cultural development and the cross-cultural movements of the integration processes led to the mental space changes. The problem of the present and the future the dichotomy East-West, concept JAPAN is taken under special research in different scientific spheres: political science, sociology, philosophy and cognitive linguistics etc. The correlation of language and social reality, language and culture is taken under the constant attention in the modern linguistics. The actual directions of the researches in this sphere is Conceptual Analysis within Cognitive Linguistics.

Cognitive Linguistics can bridge the gap between Culture and Language. One of the significant aim of this research was to single out how human beings (students) conceive of, manipulate, and metaphorically extend meaning, how cultural concepts are embedded in language. As Laura A. Janda has claimed, “use of Cognitive Linguistics to examine cultural linguistic phenomena is a new line of research, relevant to the identities of thousands of speech communities on Earth” [2]. This research proved the fact of the cross disciplinary dimensions between Culture and Language study.

The **topicality** of this research is determined by the tendency to the cultural concept study which are the means of conceptualization the different intangible objects (in our case – culture, sense of beauty, the area of further development of the Japanese culture). With this study the problem of investigation the cross-cultural discourse types is continued to consider.

The **aim** is to disclose the semantic peculiarity of the basic cultural concepts of English cross-cultural discourse and to give their interpretation. This presentation is limited by the peculiarities characteristics of the concept “sense of Beauty” in Japanese culture representation with the help of so called cultural conceptual metaphor in the English cross-cultural discourse.

In the range of conceptual analysis the metaphorical models representing concept “sense of Beauty” were examined. In this research the metaphorical models were picked out on basis of *target-domain* as SENCE OF BEAUTY, ART. To the cultural conceptual metaphor in the English cross-cultural discourse such *source-domains* are attributed as *empty space, silences, motion, ambiguity, clothing, music, reading between lines, nature, art, architecture, garden*.

In Japan, it has become popular today for people to wear blue jeans, to listen to rock music, to eat fast food, to sleep in a bed, and to eat with a knife and fork. Since ancient times, the cultures of other countries, especially those of China and Korea,

have greatly influenced Japanese life. However, with the opening of Japan in the nineteenth century after many years of seclusion, and especially after World War II, the Japanese have tried to “keep up” with Western people and become like them. As a result, lifestyles from Western cultures have been increasingly accepted and adopted in Japan, and a Westernized way of life is now widespread among the Japanese people. As a result, many people are beginning to ask where one can find original Japanese culture with its deep sense of beauty, which was so apparent in the past but which is now rapidly disappearing. A partial answer to this question can be found in an examination of Japanese aesthetic traditions as they exist today, especially in terms of fashion, music, painting, and language [3].

Japanese art was originally painted in monochrome in such a way that a few simple strokes of the brush in outline could represent entire mountains and forests. It was done with India ink on paper or silk cloth using primitive tools in a contemplative atmosphere. Western art, however, is what most people know as “art” in Japan today, that is, art painted in vivid colors, in a direct, complete, and explicit way.

Japanese art focuses not on what is logically considered beautiful, but on what people feel is beautiful. The Japanese aesthetic is very subjective, and there are no absolute criteria as to what this should be. In the West, however, what is beautiful is beautiful in and of itself, so there are explicit and well-established criteria for beauty. *Aware* is said to be representative of the Japanese sense of beauty, and it is a term of great subtlety, which is quite difficult to understand because it relates specifically to the Japanese feeling of appreciating something that is regarded as worthless. For example, in the West people tend to think that flowers in full bloom are most beautiful, but when withered they are not. This is not the case with the Japanese sense of *aware* – people are aware of the beauty of full blossoms, of course, but are more touched and deeply moved when these blossoms are falling or beginning to wilt. Similarly, they think that a moon partially covered by clouds is more appealing than one that is full [1]. *Aware* is thus connected to feelings of regret for things losing their beauty, and paradoxically finding beauty in their opposite. Moreover, anything can ultimately be appreciated as beautiful in Japan, and what is beautiful depends upon people's subjective point of view. However, such fundamental notions of beauty are sometimes criticized for their vagueness and seem to be less appreciated and are disappearing in modern Japan, and many young people today cannot feel the beauty of *aware* [3, p. 37].

Today, the Japanese language is changing as people express themselves more decisively and directly and sometimes become irritated with vagueness for its own sake. However, there is also a danger in losing the ability to appreciate those silences (*ma*) that often seem to be worthless and contain no value (*aware*), except to those who have developed the ability to read between the lines [3, p. 38].

An *empty space* is marked off with plain wood and plain walls, so that the light drawn into it forms dim shadows within emptiness. There is nothing more. And yet,

when we gaze into the darkness that gathers behind the crossbeam, around the flower vase, beneath the shelves, though we know perfectly well it is mere shadow, we are overcome with the feeling that in this small corner of the atmosphere there reigns complete and utter silence; that here in the darkness immutable tranquillity holds sway.

Since code values are often used to represent conceptual domains; a conceptual domain for “days of the week” might have the same set of values as the conceptual domain for “colours in the rainbow”. And while the value domains are identical, they don’t refer to the same conceptual domain. Modal-evaluation approach was in describing the word-combination as “Japanese culture”: *unique, traditional, patriarchal* etc. But at the same time in Japanese culture were revealed such lexemes as *development, advanced with the preserving the traditions*. When students think about Japan in comparison with Europe, they emphasize how unique Japan seems to be, regarded Japan as this very exotic distant culture. So Japan is expected, to be *unique*. Perhaps what makes Japan *seem* unique is that the combinations of institutions – say education, religion, family, and so forth – the way that those are combined may be somewhat different from what we expect in Europe.

From the obtained data we may distinguish the following value systems of Japan: JAPANESE VALUES – obligation to the group, behaving according to status, harmony, effort, self-improvement, self-criticism, collectivism; Japanese “sense of beauty” – *empty space, silences, motion, ambiguity, clothing, music, reading between lines, nature, the spirit of the art, aware*.

Though image about concept JAPAN is considered the second richest country and leader of technology in the world, and known for having a unique culture. Japan could not have attained this height of cultural advancement without outside influence. Using examples in Japan’s history, it is shown that as an isolated country, Japan’s cultural evolution was slower, compared to Europe where cultural diffusion played a big role in their history. The examined nominations enable us to trace the formation and functioning mechanism of a concepts JAPAN and Japanese “sense of Beauty”. The analysis has proved that these concepts are forming with the help of means of discourse.

The list of references:

1. Keene D. The pleasure of Japanese Literature / D. Keene. – New York: Columbia University Press, 1988. – 133 p.
2. Laura A. Janda 2011. From Cognitive Linguistics to Cultural Linguistics. UNC-Chapel Hill/University of Tromsø [Web resource]. – Access mode: <http://www.unc.edu/~lajanda=> (accessed on: 10.11.2011).
3. The Japanese Mind: Understanding Contemporary Japanese culture / by Roger Davies, Osamu Ikeno. – Rutland, Vermont: TUTTLE PUBLISHING, 2002. – 270 p.

К.филол.н. Некрасова И.В.

*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия,
г. Самара, Россия*

РАЗНООБРАЗИЕ СПОСОБОВ СЮЖЕТОСТРОЕНИЯ В НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Категория «сюжет» – диалектическая, «формосодержательная», занимающая срединное, ключевое место в художественной структуре. Она непременно включает в свой состав т.н. «стилевые массы» (термин Ю.Н. Тынянова). «Введение в сферу сюжета «стилевых масс» чрезвычайно перспективно. Прежде всего, оно позволяет считать достоянием сюжета *все* описания, монологи, диалоги и полилоги, принадлежащие персонажам и событиями не являющиеся. Во-вторых, в состав «стилевых масс» входит весь речевой строй...» [1]. Такое – несколько расширительное – представление о сюжете, на мой взгляд, необходимо при анализе произведений новейшей литературы, которая использует при построении сюжетов не только традиционные, классические приемы, но и некоторые новаторские подходы. В данной статье обозначу некоторые способы сюжетостроения в русской литературе последних лет.

Специфические свойства хронотопа в большой мере определяют развитие сюжета в романе Л.Улицкой «Казус Кукоцкого» (2000). В «реалистических» частях романа (1, 3 и 4) Людмила Улицкая «играет» со временем, жонглирует разными временными переменными, а во второй части она манипулирует пространством. Мы наблюдаем явную концентрацию и плотность пространственно-временных характеристик героев. Их поступки, специфика взаимоотношений в этом романе также связаны именно с хронотопическими составляющими.

Другой автор – Галина Щербакова – в произведениях «нулевых» годов много экспериментирует, но только с художественным пространством. В романе «Уткомесь», в повестях «Мальчик и девочка», «У ног лежащих женщин» огромна интенсивность собственно пространственных характеристик. Вследствие этого восприятие читателем художественного мира формируется в системе координат, где важными элементами становятся вертикальные и горизонтальные направления. При этом создается впечатление, что отношение героев к миру оформляется через постижение ими пространства.

Сюжет романа Юрия Полякова «Козленок в молоке» рождается из фабульного развертывания анекдотической ситуации, при помощи приема вставных новелл, которые преподносятся как воспоминания (или байки, рассказанные по ходу сюжета).

Композиция сюжета романа «Козленок в молоке» (впервые – 1996) напоминает ленту Мебиуса: конец романа, возвращающий читателя к началу, вовлекает его в некую бесконечность. «Пролог на небесах» – первая глава романа – описывает встречу на борту самолета главного героя и его «творения» – Витька

Акашина. Эта встреча воскрешает в памяти героя воспоминания о том, как состоялось «рождение гения». Именно они и составляют фабульную основу романа. Завершаются воспоминания совместными планами Витька и писателя, создавая, таким образом, «рамочную» конструкцию композиции. Но текст Полякова этим не завершается: герой начинает писать роман, первой фразой которого становится начало главы «Пролог на небесах»: «Женщина, которую любишь, и книга, которую пишешь, – что может быть главней? И я начинаю писать <...> первую фразу романа: «Самолет набрал высоту и теперь натужно гудел, точно обожравшийся нектаром шмель, волокущий свое мохнатое тело к скрытой в разнотравье заветной норке...» [2]. Этот прием, казалось бы, доводит до логического конца кольцевую композицию, но следующее за заключительной главой «Послесловие издателя» возвращает читателя к событиям последней части романа и вновь затягивает его в плоскость романной бесконечности. Таким образом, развитию сюжета способствует его архитектоника.

Еще один традиционный способ сюжетообразования – сцепление нескольких сюжетов в рамках одного текста. Так построено последнее из изданных на сегодняшний день произведений Дины Рубиной – роман «Синдром Петрушки» (2011). В нем идёт параллельное раскрытие трёх сюжетных линий: любовной, детективной и кукольной. В основе романа лежит история о кукольнике. Автор рисует главного героя Петю Укусова как «трикстера», «...странного дяденьку, похожего на индейца: впалые щёки, орлиный нос, вытянутый подбородок, косичка на воротнике куртки. Самыми странными были глаза: цвета густого тумана» [3, с. 11]. Он кукольник от Бога, в его руках марионетка оживает, обретает душу. Вот только талант Пети оказывается губительным: распространяясь вокруг, захватывает, в том числе, и его любимую жену Лизу. Рубина не смогла обойтись здесь без необычного любовного треугольника: Петя – Лиза и Эллис – кукла, марионетка, созданная мастером по образу и подобию главной женщины всей его жизни – жены Лизы. Удивительный любовный треугольник с участием марионетки завораживает. Кукольник не принимает истинной причины психических расстройств жены, ее ненависти к кукле. Тем самым создается конфликт, который автор разрешает в конце романа, давая Лизе уничтожить соперницу. Так выстраивается главная любовная линия сюжета.

Следующая ветка в развитии сюжета – детективная. Автор начинает её движение не с самого начала романа, давая читателю возможность постепенно войти в курс событий. В центре детективной линии автор ставит куклу Корчмаря, которая оказывается не просто семейной реликвией, а «родильной куклой».

На основании этих двух трагически развивающихся сюжетных линий Рубина выстраивает третью, самую главную – кукольную основу романа.

Всё произведение опутано перипетиями кукольного сюжета, которые, словно нити марионетки, тянутся к виртуозным пальцам кукловода.

Центром романа становится главный герой – кукольник Петя, с детства стра-

дающий частичной формой аутизма. Поэтому он общается с миром через кукол. Интерес к куклам и дар оживлять их Пётр унаследовал от отца. А вот талант создавать куклу, художественный дар Пете передан от его матери Катерины.

Главная любовь его жизни – Лиза – так и не стала его главной куклой, она взбунтовалась против «окукливания». И ведь он сам понял это, когда писал письмо своему другу: «Главное же – Лиза, моя Лиза, моя «главная кукла»... во-все куклой не была. Она, как и моя мать, была насквозь и до конца – человеком» [3, с. 476]. Дина Рубина углубляет проблему: кукловоду не нужна жена-женщина, имеющая своё мнение, ему нужна жена-кукла. Поняв это, он создаёт Эллис.

Таким образом, любовный треугольник дублируется и в кукольном сюжете, оставляя лишь один разумный вариант развязки – одно звено из него необходимо убрать. Третьим лишним Рубина делает Эллис, оставляя её на растерзание Лизе. После этого в отношениях Пети и Лизы наконец-то появляется гармония, они ждут появления на свет огненноволосой девочки, и конфликт людей и кукол исчерпывается. Ведь в мире людей нет места куклам, а людям нет места среди кукол. Три сюжета сошлись в одной точке, и автор создал неповторимый мир романа «Синдром Петрушки».

Актуальным в современном сюжетостроении становится использование разных повествовательных стратегий, продвигающих сюжет. Роман Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» (2006) подчеркнуто мозаичен. Перед нами тот случай полифонического дискурса, когда «авторское высказывание строится не как целое одного (авторского) сознания, а как диалог разных равноправных сознаний (и героев, и автора)» [4]. Улицкая здесь открыто демонстрирует приемы и способы организации художественного мира, формирования того целостного авторского высказывания, каким и является текст произведения. Она признается, дописав вторую часть, что решает «безумной сложности монтажные задачи. Весь огромный материал толпится, все просят слова, и мне трудно решать, кого выпускать на поверхность, с кем подождать, а кого и вообще попросить помолчать» [5]. В русле восприятия подобного «коллажного» текста как отдельного высказывания важно понять, что же именно способствует созданию его единства. В заглавии дано имя центрального персонажа. Его судьба и станет основой сюжетостроения. О Даниэле Штайне говорят много и многие. И при рассмотрении способов повествования и их влияния на движение сюжета в романе определенная трудность может возникнуть лишь в связи с многоголосием повествующих субъектов. Перед нами – фрагментарный (фрагментированный) принцип текстопостроения [3, с. 88]. Разные сегменты художественного текста, будучи самостоятельными в содержательном плане, все же соотносятся друг с другом по ассоциативным признакам. Рассказанная многими людьми история жизни Даниэля Штайна при этом становится более цельной и значительной. С другой стороны, подчас и сам центральный персонаж уточняет чужие истории, выявляет свою точку зрения.

Другой важной особенностью повествования в романе Л. Улицкой становится диалогизм. Весь текст (согласно концепции М.М. Бахтина) представляет собой бесконечно длящийся диалог: героев друг с другом, автора и персонажей, читателя и героев... Эту диалогичность предопределяют, в том числе, и повествовательные формы, используемые в романе: письма, беседы, докладные записки, проповеди. Кроме этого, взгляд на одну и ту же ситуацию разных повествующих субъектов также представляет собой своеобразный диалог. Таким образом, центральное место в продвижении сюжета романа «Даниэль Штайн, переводчик» принадлежит разным формам организации повествования.

Кроме того, сегодня можно говорить о целом ряде особенностей именно драматического (драматургического – в данном случае признаю синонимическую близость двух этих понятий) плана, которые заметны в сюжетике современной прозы. В эпическом тексте, как правило, происходит последовательная смена точек зрения (персонажей, автора). Многие произведения последних лет демонстрируют иной подход. Перед читателем проходит череда точек зрения, составляющих своеобразный диалог. Подобное можно найти в книге А. Слаповского «Синдром Феникса» (2007), в романах Е. Чижовой «Время женщин» (2009), «Полукровка» (2010; в журнальном варианте – «Преступница», 2005), «Терракотовая старуха» (2011). Во «Времени женщин» и самом «свежем» романе «Терракотовая старуха» обнаруживается в качестве устойчивого элемента поэтики такая особенность. Е.Чижова оформляет диалоги персонажей этого романа по драматическим законам: реплика + уточняющая ремарка. Вот лишь один пример из множества: «Вот, – возвращается, полную кружку предъявляет. – Надежда Карповна отсыпала» – «Слава тебе, Господи! – Евдокия крестится. – А мы уж ждем – пождем. За смертью тебя посылать <...>». Картошку слила. <...> «Ты, – Гликерия глаза опустила, – ежели заведет про этот рай, согласишься уж с нею <...>» [6]. Кроме этого в романе «Время женщин» монологи героев построены таким образом, что предполагают наличие воспринимающего субъекта, к которому эти монологи непосредственно и обращены.

В своем последнем романе «Таинственная страсть: роман о шестидесятниках» (2009) Василий Аксенов использует прямые обращения к читателям. Причем часто они оформлены как драматические ремарки – в скобках. Такая «включенность» воспринимающих субъектов в «идеальный мир» произведения способствует формированию нового читателя – активного, подготовленного, проницательного. В зависимости от уровня воспринимающего рождаются новые смыслы, происходит разрастание значимости текстов. Тем более что в новейшей литературе, и не только в постмодернистской, в качестве мощного сюжетоформирующего компонента используется интертекстуальность. Например, в последних на сегодняшний день романах Л. Улицкой «Зеленый шатер» (2011) и Е. Чижовой «Терракотовая старуха» (2011) активен литературный и – шире – культурный интертекст. Именно он помогает воспринять главную ге-

роиню «Терракотовой старухи» такой, какой она является действительно, а не с точки зрения обывателя. Именно культурный контекст и интертекстуальность позволяет создать особый фон восприятия исторического времени в «Зеленом шатре» и т.д.

Говоря о сюжетостроении в произведениях современной литературы, можно назвать как устойчивый прием использование жанровых контаминаций (в книгах А. Кабакова, Д. Быкова, Ю. Вознесенской и др.). Одной из важных и заметных содержательных и сюжетоорганизующих доминант в произведениях последних лет становится автобиографизм. Мемуарные черты находим в романах В. Аксенова «Ожог» (1969–1980), «Скажи изюм» (1985); в его романе «Редкие земли» выведен в качестве полноправного героя двойник автора – русский литератор Базз Петропавлович Окселотл. Заслуживает внимания мемуарный роман Дм. Пригова «Живите в Москве» (1997), в котором писатель «"узнает" свою эпоху, свое детство, свою Москву в зеркале антиутопической традиции» [7]. В 2010 г. вышел новый мемуарный роман В.Войновича «Автопортрет. Роман моей жизни». По признанию автора, эта книга «предельно откровенна» [8, с. 3]. Повесть Людмилы Петрушевской «Маленькая девочка из "Метрополя"» (2006) – интереснейшее издание, включающее иллюстрации автора (на форзаце и нахзаце – ее акварели), фотографии из семейного альбома [9]. Так писателем дается установка на подлинность, биографичность произведения. Этому же способствует и повествование от первого лица. Также упоминаются конкретные имена, географические названия, важные семейные события и даты.

Наблюдения над разными способами сюжетостроения в русской прозе последних лет наглядно показывают важные тенденции в новейшей литературе. Контаминация, диффузия реалистических и модернистских установок, ориентированность авторов на широкий стилевой и тематический спектр способствуют активизации многих традиционных стратегий сюжетостроения, а также содействуют поиску новых направлений в этой области.

Список использованных источников:

1. Скобелев В.П. Поэтика рассказа / В.П. Скобелев. – Воронеж, 1982. – С. 32.
2. Поляков Ю. Козленок в молоке / Ю. Поляков. – М., 2005. – С. 126.
3. Рубина Д. Синдром Петрушки / Д. Рубина. – М., 2011.
4. Фоменко И.В. Введение в практическую поэтику / И.В. Фоменко. – Тверь, 2003. – С. 102.
5. Улицкая Л. Даниэль Штайн, переводчик / Л. Улицкая. – М., 2006. – С. 241.
6. Чинова Е. Время женщин / Е. Чинова. – М., 2010. – С. 176.
7. Черняк М.А. Отечественная проза XXI века: Предварительные итоги первого десятилетия / М.А. Черняк. – СПб., М., 2009. – С. 17.
8. Войнович В. Свой путь – беда России (интервью с писателем) / В. Войнович // Аргументы и факты. – 2010. – № 6. – С. 3.
9. Петрушевская Л. Маленькая девочка из «Метрополя» / Л. Петрушевская. – СПб., 2006.

Тулуп Э.Р.

РВУЗ «КИПУ», г. Симферополь, Украина

КОНЦЕПТ «ГЕРОИЗМ» В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ОСНОВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Западноевропейская средневековая литература, несмотря на кажущуюся легкость и "узнаваемость", является достаточно сложной. Преобладает крайне упрощенная и ошибочная оценка Средневековья как мрачного тысячелетия всеобщей дикости, упадка культуры, торжества невежества и всевозможных предрассудков, реже – идеализация этой культуры как времени подлинного торжества благородства в духе романов В. Скотта (понятно, что причиной такой категоричности и однозначности оценок является как сложность самой проблематики средневековой культуры, так и неглубокое, поверхностное знакомство с важным этапом развития европейской литературы) [5].

Литература западного раннего Средневековья создавалась новыми народами, населяющими западную часть Европы кельтами (бритты, галлы, белги, гельветы) и древними германцами, живущими между Дунаем и Рейном, у Северного моря и на юге Скандинавии (свевы, готы, бургунды, херуски, англ, саксы и др.).

Эти народы сначала поклонялись языческим племенным богам, а позже приняли христианство и уверовали, но, в конце концов, германские племена покорили кельтов и заняли территорию нынешней Франции, Англии и Скандинавии. Литература этих народов представлена следующими произведениями:

1. Рассказы о жизни святых – агиографии. «Жития святых», видения и заклипания.
2. Энциклопедические, научные и историографические труды.
3. Мифология и героико-эпические поэмы, саги и песни кельтских и германских племен. Исландские саги, ирландский эпос, «Старшая Эдда», Младшая Эдда», «Беовульф», карело-финский эпос «Калевала».

Героический эпос как целостная картина народной жизни был самым значительным наследием литературы раннего средневековья и занимал в художественной культуре Западной Европы важное место. Для эпических произведений характерны воспевание подвигов богатырей; переплетение исторического фона и вымысла; прославление богатырской силы и подвигов главных героев; идеализация феодального государства.

На героический эпос большое влияние оказала кельтская и германо-скандинавская мифология. Часто эпос и мифы настолько связаны и переплетаются между собой, что провести границу между ними довольно трудно. Эта связь отражена в особой форме эпических сказаний – сагах – древнеисландских прозаических повествованиях (исландское слово «сага» происходит от глагола «сказать») [7].

«Концепт» в лингвокультурологическом понимании – это ментальная макроединица, которая структурируется представлениями, научными и обыденным понятиями, культурными установками, идеологемами, стереотипами. Концепт — глобальное и многомерное ментальное образование. Он соединяет в себе конкретное и абстрактное, образное и безобразное, эмоционально-оценочное и рациональное [6].

Многообразие теорий дает основание утверждать, что на данном этапе развития науки сформировалось два основных подхода к концепту: когнитивный и лингвокультурологический. Основными точками несовместимости существующих когнитивистских и лингвокультурологических концепций являются такие признаки концепта, как субъективность, неструктурированность, оперативность данной ментальной категории в когнитивной интерпретации и объективность, структурированность, глобальность и историчность – в лингвокультурологической.

«Героизм» – это момент, когда человек совершает один поступок, которым может кончиться его жизнь или который принесёт ему победу [6].

1. Концепт «героизм» формируется в сознании носителей английского языка на ранних этапах развития англосаксонского сообщества как мировоззренческая категория и сопровождается в героическом дискурсе (эпохе) староанглийского периода, образованного на основе этого концепта. В последующих периодах под воздействием факторов внеязыкового характера концепт «героизм» смещается на периферию язычно-концептуальной картины мира носителей английского языка, превращаясь в ментальную категорию.

2. Оппозиция “свой” – “чужой” составляет когнитивную основу концепта «героизм», определяя позиционирование антропоморфных центров фрейма героического деяние и, соответственно, аксиологическая расцветка семантики единиц номинации, как центральные слоты герой и враг.

3. Лаудативный героический дискурс, который сформировался на фоне староанглийского героического дискурса и является его разновидностью, под воздействием внешних факторов проявляет способность адаптироваться к переменчивым культурно-историческим условиям и интегрироваться в другие виды дискурса последующих эпох, в которых освещает соответствующая тематика. Принадлежность героизма к ведущим общественным ценностям англоязычного сообщества определяет аксиологическую специфику стратегий и тактик, которыми представлен лаудативный героический дискурс.

4. Характер единиц номинации, в частности, специфика комбинаторики древнеанглийских лексем, которой вербализируются слоты и терминалы предметно-акционального фрейма «героическое деяние» указывает на доминантные позиции военной героики в структуре концепта и определяет прототипный образ героя-воина (героя-борца, героя-спасителя). Соответственно, изменения в статусе военной сферы и ее внутренние изменения определяют характер актуализации и функционирования фрейма героическое деяние.

5. Первичная структура фрейма героическое деяние, отображенная соответствующими слотами и терминалами, обнаруживает стойкость к изменениям и хранит постоянство. Зато, состав средств языковой репрезентации этого фрейма испытывает коренные изменения под воздействием внутриязыковых и внеязыковых факторов, которые происходят на фоне сохранения основных смысловых компонентов, которыми определяется семантика этих средств. Видоизменения в семантическом наполнении концепта, в свою очередь, происходят в соответствии с модификациями общественного идеала, которым является героизм [1].

Список использованных источников:

1. Алексеев М.П. Литература средневековой Англии и Шотландии: учеб. пособие для филол. спец. ун-тов / М.П. Алексеев; предисл. и коммент. Н.Д. Левина. – М.: Высш. школа, 1984. – 351 с., с ил. – С. 271–276.
2. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов / С.П. Белокурова. – СПб.: Паритет, 2006. – С. 120–121.
3. Шаповалова М. С. Історія зарубіжної літератури: середні віки та Відродження / М. С. Шаповалова, Г. Л. Рубанова, В. А. Моторний. – Львів: Вища школа, 1982. – 440 с. – С. 234–235.
4. Аверинцев С.С. Литература Западной Европы раннего Средневековья / [С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, Е.М. Мелетинский и др.]. – История всемирной литературы: в 9 т. Т. 2 / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1984.
5. Література західноєвропейського середньовіччя / під ред. Висоцької Н. О. – Вінниця: Нова книга, 2003. – 464 с.
6. Е.И. Бонч-Бруевич Е.И. Литературоведческий энциклопедический словарь / [Е.И. Бонч-Бруевич и др.]; под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1997. – С. 211–276.
7. Саруханян А.П. Ирландская литература [до конца XVI в.] / А.П. Саруханян // История всемирной литературы: в 8 т. Т. 3. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1983–1994.– 1985. – С. 331–334.

Шпанько Т.С., Сорокина Ю.Н.

Харьковская государственная академия физической культуры, Украина

МИФОТВОРЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФАНТАЗИИ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА. РОМАНЫ Ф. КАФКИ

История культуры на всем ее протяжении, так или иначе, соотносилась с мифологическим наследием первобытности, древности, но в целом эволюция шла в направлении "демифологизации". В XX же веке мы сталкиваемся с понятием «ремифологизация».

Мифологизм как явление модернизма, порожден осознанием кризиса культуры как кризиса цивилизации в целом. Стремление выйти за социально-исторические рамки было одним из моментов перехода к модернизму. Мифология оказалась удобным языком для описания вечных моделей личного и общественного поведения, некоторых законов социального и природного космоса.

Мелетинский в книге «Поэтика мифа» говорит о так называемом “возрождении мифа”, характерном для XX в. Основной упор при этом делается на литературные тексты. Главными звеньями этого процесса является: во-первых, – отношение к мифу как к вечно живому началу, выполняющим практическую функцию и в современном обществе; во-вторых, – выделение в самом мифе его связи с ритуалом и концепции вечного повторения и, в-третьих, – максимальное сближение, в некоторых случаях – отождествление, мифа и ритуала с психологией и идеологией.

Миф в XX веке стал употребляться в таких смыслах как: иллюзия, ложь, лживая пропаганда, поверье, вера, условность. Первобытному же сознанию содержание мифа представлялось реальным, так как воплощало коллективный “надежный” опыт множества поколений, который служил предметом веры, а не критики.

Нам представляются интересными такие писатели XX века как Лоренс, Джойс, Элиот, Т. Манн, которые не сознательно мифологизируют, а у которых мифотворческая стихия менее осознана или глубже запрятана, как, например, у Кафки. Особый интерес питали к ним и представители ритуально-мифологической школы. Они стремятся найти мифы и особенно ритуалы у любых писателей, но считают недостаточным обращение к литературным традициям, восходящим к забытым ритуалам. Поэтому необходимостью считали отталкиваться от вечно живой мифологической почвы в самой художественной фантазии, в психике писателей.

В программном труде “Анатомия критики” (1957) лидер ритуально-мифологической школы Нортроп Фрай сближает литературу и миф в большей мере за счет растворения литературы в мифе. Фрай считает, что мифы, архетипы пронизывают литературу на протяжении всей ее истории. Они определяют не только образную систему произведений, но и жанр.

Н. Фрай пытается собрать воедино древние формулы и представить всю литературу, как развивающуюся из вполне конкретного мифа (в дальнейшем это получит название мономифа). В качестве этого мифа – the quest myth – миф об отъезде героя на поиски приключений. Миф этот стоит в тесной связи с временами года и является, в конечном счете, мифом об исполнении всех человеческих желаний, о “золотом веке”. «Квест-миф», о котором говорит Фрай мы встретим и в произведениях Франца Кафки. Правда, это несколько искаженный миф. Мы не увидим «золотого века» и счастливого финала, как впрочем, Кафка его не видел ни для себя, ни для своего общества.

Кафка интересовал Н.Фрая как не сознательно мифологизирующий, с глубоко запрятанной мифотворческой стихией, которой он возвращался к подлинному мифу.

В отношении Кафки ведутся споры о том, сознательно ли он мифологизирует, обращаясь к древним мифам и в какой степени его фантастику можно считать мифотворчеством.

Кафка почти не прибегает к прямым мифологическим параллелям и не делает их основными в организации повествования. Ведущим началом является художественная интуиция, характерная для писателей-модернистов. По мнению Д. Затонского, Кафка не делает древние мифы объектом художественного анализа и не прибегает к поэтике мифологизирования. Но наличие фантастического в его произведениях имеет черты, аналогичные мифотворчеству. Мифотворческий характер художественной фантазии проявляется в ее символичности, в том, что построение сюжета – непосредственно и целеустремленно к построению символической модели мира, которая выражает общий смысл произведений Кафки. В отличие от традиционной мифологии сюжет Кафки не обращается к мифологическому прошлому, его герои не являются богами, демиургами, но сюжет взят из обыденного исторического времени и пространства.

Мелетинский подчеркивает, что "именно в силу того, что мифотворческая фантазия Кафки имеет в основном стихийный, интуитивный характер и не концептирует окружающий мир с помощью традиционных мифологических мотивов и образов, она более точно и адекватно выражает "модернистское" состояние сознания и состояние современного Кафке окружающего его "мира", в частности феномен отчуждения, нивелирование человеческой личности, экзистенциальное одиночество индивида в современном социуме..."

В XX веке активизируется интерес к изучению мифов. Писатели начинают использовать мифологические сюжеты и мотивы в своих произведениях. Ф. Кафка, как и все великие творцы мифов, видит и строит мир при помощи образов и символов, воспринимает и показывает соответствия между вещами, объединяет в одно целое опыт, мечту, выдумку. Ф. Кафка не называет в своих произведениях конкретные мифы, однако именно поэтому они создают неповторимую загадочную атмосферу, которая очень характерна для его произведений.

Українська та російська мови

Бєширова С.О.

*Кримський республіканський інститут післядипломної педагогічної освіти,
м. Сімферополь, Україна*

СЕМАНТИЧНО-ФУНКЦІОНАЛЬНА КЛАСИФІКАЦІЯ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ І ПАРЕМІЙ У РЕКЛАМНИХ ТЕКСТАХ

Як відомо, ептологія, фразеологія та пареміологія є не тільки окрасою мови, а й могутнім стилістичним засобом влучної передачі думки.

З огляду на те, що метою рекламного тексту є передбачений психолінгвістичний вплив, привернення та утримання уваги, спонукання до дії, доречними в цьому тексті є будь-які мовні одиниці, які легко впізнати, запам'ятати, повторити-

ти, а саме: фразеологічні звороти, які досить часто доповнюють аргументацію. Цілком закономірно, що лексико-семантичні характеристики фразеологічних одиниць дають можливість ефективно вживати їх у рекламних текстах.

Крилаті вислови та паремії так само, як і фразеологізми, є прихованими маніпуляторами. Відомі метафори у заголовках видань націлюють на купівлю, у політиці – впливають на наш вибір, на телебаченні у рекламі використовуються для просування товару. Такі маніпуляції з крилатими словами та пареміями застосовуються цілеспрямовано та ситуативно. Наприклад: *«Ще один згорів на роботі... без кондиціонера»*.

Усі фразеологізми, крилаті вислови та паремії, виявлені нами у рекламних текстах, мають чітко виражену тематичну приналежність, відповідно до якої ми класифікуємо їх на декілька груп:

1. Фразеологізми, крилаті вислови та паремії туристичної реклами:
 - *«Відпочинок у Хорватії! Краса не потребує жертв»;*
 - *«З чого починається Турція?» (реклама туру «7 Днів»)*.
2. Фразеологізми, крилаті вислови та паремії медичної реклами:
 - *«Visine- погляньте на світ іншими очима» (реклама крапель для очей);*
 - *«Коли застуда бере за горло, питайте про справжній англійський Strepsils» (реклама англійських таблеток від ОРВІ).*
3. Фразеологізми, крилаті вислови та паремії у рекламі сфери обслуговування:
 - *«Всі дороги ведуть у MC Donalds»;*
 - *«І люди ситі і коні цілі» (реклама кафе).*
4. Фразеологізми, крилаті вислови та паремії у рекламі продовольчих товарів:
 - *«Всьому своє пиво» (реклама пива);*
 - *«Jacobs Монарх сила аромасомиту» (реклама кави).*
5. Фразеологізми, крилаті вислови та паремії у рекламі непродовольчих товарів:
 - *«Готуй віз узимку» — «Готуйте ВАЗ взимку!»;*
 - *«Готуй сані влітку, змінюй вікна взимку».*
6. Фразеологізми, крилаті вислови та паремії у рекламі установ та компаній:
 - *«З каналу по нитці – народові трансляція» (радіореклама);*
 - *«Фокстрот – завжди отримуєш більше».*

Усі рекламні слогани містять одне найголовніше функціональне навантаження – вплинути на споживача. Навколо певної фразеологічної одиниці, крилатого вислову або паремії може будуватися центральна ідея всього тексту.

Яскрава експресія притаманна фразеологізмам, які не тільки називають предмет реклами, а й характеризують його. У рекламних текстах фразеологізми представлено в двох варіантах: буквально відтворення та відтворення з певними модифікаціями. Більш поширеними є уживання загальномовних фразеологізмів.

мів: «Краса врятує світ» (з фестивалю нетрадиційного одягу); «Береженого Бог береже» (реклама страхової компанії). Фразеологічні звороти, крилаті вислови та паремії у рекламі несуть особливе смислове навантаження на рекламне повідомлення, чим роблять його більш динамічним.

Додаткової експресії в рекламних текстах набувають також вислови фольклорного походження – українські народні прислів'я, приказки, примовки. Набули поширення латинські прислів'я й крилаті вислови з античної літератур.

Оскільки крилаті вислови в стислій формі передають сутність складних явищ і подій, то вони здатні прекрасно передавати зміст усієї реклами. Наприклад: у рекламі послуг масажистів використано вислів поета Ювенала «У здоровому тілі – здоровий дух».

Фразеологічні одиниці, крилаті вислови та паремії є оптимальним засобом впливу, послуговуючись яким адресант кодує певну інформацію не лише з метою донесення її до адресанта (читача, слухача), а й з метою актуалізації його уваги.

Виразальні особливості цих одиниць спираються на високий ступінь узагальненості значення, на експресивно-емоційну наповненість, наявність стилістичного забарвлення та образність, що, у свою чергу, зумовлює широкі можливості їх використання у мові реклами.

Складність семантичної структури, зображальні якості, здатність утворювати асоціативні поля, оказіональні побудови зумовлюють активне функціонування фразеологізмів, крилатих висловів та паремій, у рекламних текстах.

Таким чином, фразеологія, ептологія та пареміологія слугує «будівельним» матеріалом для створення нових, неочікуваних, експресивних образів, мовної гри, які привертають увагу споживачів.

Германо-романські мови

К.филол.н. Белкина И.В., к.филол.н. Воробьева А.Е.

Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», Российская Федерация

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ, ВЕРБАЛИЗУЮЩИХ ФРЕЙМ «ПРИОБРЕТЕНИЕ»

Отличительной чертой проводимых в настоящее время исследований является обращение к фактам языка с позиций когнитивизма. В нашей работе мы опираемся на возможность использования когнитивного подхода к семантике слова.

Необходимость обращения к фрейму «приобретение» для анализа семантики глаголов приобретения обусловлена объектом исследования и потому

имеет первостепенную значимость в плане формирования и актуализации самых различных ситуаций. Следовательно, проанализировать особенности репрезентации концепта «приобретение» английскими глаголами возможно через соотнесение глаголов с когнитивной структурой, моделью ситуации приобретения, воплощающей знание и мнение носителей языка об участниках/компонентах ситуации приобретения. Мы полагаем, что такая когнитивная структура, с одной стороны учитывает взаимодействие семантики, прагматики и синтаксиса в реальном употреблении лексем в предложении-высказывании. С другой стороны, она отражает «двуединую» сущность глагола, обладающего не только лексическим значением, но и валентностными свойствами.

Принимая во внимание существующую точку зрения об иерархически организованной структуре фрейма, мы выделяем как облигаторные (обязательные) когнитивные компоненты {приобретатель, действие приобретения, приобретаемое}, так и факультативные {способ приобретения (физическое действие, ментальность, эмоциональное восприятие) и источник – бывший владелец или место, в котором находится предмет до момента приобретения}. Однозначное выделение облигаторных и факультативных компонентов вряд ли возможно ввиду открытости границ фрейма, однако, оно способствует пониманию представления обобщенной структуры знания о приобретении.

Учитывая тот факт, что под приобретением в данной работе понимаются определенные, имущественные, свойства человеческих отношений, считаем, что ПРИОБРЕТАТЕЛЕМ может быть одушевленное лицо. В качестве семантических признаков субъекта, на наш взгляд, могут быть следующие пары: +/- приложение усилий, +/- волеизъявление, +/- контролируемость, +/- осознаваемость. Особенности проявления перечисленных выше признаков ПРИОБРЕТАТЕЛЯ позволяют выделить его возможные семантические роли: ПРИОБРЕТАТЕЛЬ-Инициатор (приобретает объект для себя, прилагая усилия), ПРИОБРЕТАТЕЛЬ-Деятель (прилагая усилия, приобретает объект в пользование другого лица), ПРИОБРЕТАТЕЛЬ-Бенефициант, осознающий результат (не прилагает усилий, но осознает результат приобретения). Рассмотренный аппарат семантических ролей субъектов при глаголах приобретения и составляющих их признаков отражает существующие субъектно-предикатно-объектные отношения между субъектом-приобретателем, глаголом и приобретаемыми объектами внешнего материального и нематериального мира.

ДЕЙСТВИЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ отражает определенное взаимосвязывание других компонентов фрейма. На языковом уровне оно выражено тем или иным глаголом. Глагол как носитель конкретной пропозициональной функции составляет организующий центр высказывания, поскольку он представляет всю ситуацию в свернутом виде.

Глаголы приобретения на системно-парадигматическом уровне обозначают преднамеренный или непреднамеренный характер действия, который детерми-

нируется признаком «участие субъекта в выполнении действия». При актуализации преднамеренных действий реализуются субъектно-ориентированные признаки, а именно: приложение усилий, волеизъявление, контролируемость, осознаваемость.

Существенно отметить двойственную природу признака «приложение усилий», основанную на понимании усилия как физического или умственного напряжения. Специфика физического действия приобретения объекта состоит в том, что это значение содержит компонент передачи, благодаря чему становится возможным осуществление данного действия: *He obtained an old musket, with a few charges of powder and ball* (Melville).

На преднамеренный характер выражаемых глаголами приобретения значений может указывать также семантика существительных в позиции ПРИОБРЕТАЕМОГО. В этой позиции встречаются существительные, в значении которых присутствует признак «положительность» по отношению к интересам субъекта, благодаря чему достигается семантическое согласование смысловых компонентов. На языковом уровне ПРИОБРЕТАЕМОЕ может быть выражено существительными конкретной и абстрактной семантики, обозначающими различные виды прибыли (*affection, approval, award, credit, devotion, emolument, fame, money, preference, subsidy* и др.). Такое своеобразие в употреблении глаголов является, по-видимому, отражением опыта человеческих отношений, который показывает, что добиваться, стремиться можно лишь к тому, что оценивается положительно.

Возможность глаголами приобретения обозначать непреднамеренное действие реализуется в результате деятельности субъекта, специально не направленной на приобретение объектов, и связана с погашением семантического признака «приложение усилий»: *He got penal servitude for life* (Crane).

Анализируя семантическую структуру ядерных глаголов, активизирующих фрейм «приобретение», мы приходим к выводу о том, что верификация их значений определяется валентностью глаголов на определенные типы объектов (существительные положительной семантики) и на основе знаний, стоящих за концептом «приобретение».

Лексические значения глаголов со значением приобретения соотносятся с одним фреймом посредством фокусировки внимания (профилирования) на отдельных элементах фрейма. Более выделенными могут быть отдельные участки ситуации приобретения, взятой в аспекте внутренней логической структуры (компоненты, связанные отношением). Профилирование участка ситуации приобретения обуславливает выбор синтаксической структуры и функцию глагола в ней. Так, в результате нашего анализа было установлено, что глаголы приобретения могут быть помещены в центр предложения типа S+V+O, где S – семантический субъект, V – предикат, O – семантический объект. Синтаксическая модель S+V+O профилирует субъектно-объектные отношения, помещая в фо-

кус внимания то, что человек приобретает. Схема S+V+O может быть реализована всеми глаголами описываемого ряда.

Дальнейший анализ глагольных лексем осуществляется на основании их способности фокусировать внимание на отдельных компонентах ситуации приобретения.

От качественных характеристик ПРИОБРЕТАЕМОЙ сущности зависит СПОСОБ приобретения с соответствующей репрезентацией на языковом уровне. Если приобретаемое выражено именем предмета, то способ приобретения может быть связан с физическим действием, что и находит на языковом уровне соответствующее выражение: *I got that medal by fighting it* (Calder). В предложениях с импликацией СПОСОБА приобретения сами глаголы приобретения могут сближаться с глаголами физического действия, для которых главным семантическим признаком является наличие валентности на объект, обозначающий орудийное дополнение.

В случаях, когда приобретаемым является умственно сознаваемая сущность, способ приобретения может быть связан с ментальностью или эмоциональным восприятием приобретаемой сущности, что свидетельствует о проявлении у глаголов приобретения характеристик глаголов эмоциональной деятельности: *Everyone can get pleasure through music* (Bibby).

Являясь принадлежностью факультативной части фрейма «приобретение», компонент ИСТОЧНИК приобретения, имплицитно в речевом высказывании с глаголами приобретения, может обозначать лицо-источник или место-источник. На языковом уровне источник приобретения выражается посредством предлогов *by/out of*: *The child had acquired this turn of speech from her mother* (Crane). Если источник указывает лицо, то он репрезентирует компонент передачи и свидетельствует о том, что объект приобретения зависит от какого-то второго лица. Целью действия является не просто приобретение объекта, а его использование. Поскольку объект связан с кем-либо, кто передает его субъекту, то за именем лица в позиции источника приобретения может прочитываться пропозиция: *Some of the things she had obtained on credit from a second-hand furniture dealer* (Tressell). Высказывания с источником приобретения, указывающим на место, в целом также понимаются пропозиционально: *Halo purchased a seal-tooth amulet from the Padliemium to the east, and they in turn had obtained it from the Dhaeomiut on the coast* (Mowat).

Изучение синтаксических и семантических особенностей глаголов приобретения показало их неоднородность, определяемую наполняемостью фрейма облигаторными и факультативными компонентами, и свидетельствует о сложности его структуры.

К.филол.н. Воробьева А.Е., к.филол.н. Белкина И.В.

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Российская Федерация*

**ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕЛОВАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ С ПОЗИЦИЙ
НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ
(на материале английского языка как международного)**

Цели и задачи деловых отношений, как известно, не ограничиваются банальной констатацией фактов, важно с помощью логики и убедительной аргументации подвести адресата к выполнению желаемого для адресанта действия. В этой связи особое значение приобретают вопросы речевого воздействия. В фокус научной парадигмы закономерно перемещаются проблемы языковой личности, использования языка как оптимального способа выражения ментальной деятельности и эффективного средства влияния на когнитивную систему реципиента.

В сфере бизнеса очень важно умение превратить текст своего обращения в инструмент убеждения, но без откровенного навязывания идеи, продукта или услуги. Сообщение должно быть подготовлено так, чтобы адресат, которым может являться изощренный потребитель или целевая аудитория, не заметил «внушения», а оставался уверенным в том, что самостоятельно принял решение.

Искусство речевого общения в сфере деловых отношений требует овладения умением пользоваться языком не только как средством общения, а прежде всего, как средством эффективного общения, служащего целям прагматического воздействия, с использованием имплицитного плана выражения [2].

В рамках данной статьи проводится исследование речевоздействующего потенциала текстов электронной деловой корреспонденции в ракурсе нейролингвистического программирования, предполагающего воздействие на подсознание реципиента посредством специфически маркированных компонентов и структур текста, которые в свою очередь косвенно, через бессознательное, способствуют реализации целеустановки адресанта. Стоит заметить, что в текстах электронной деловой корреспонденции суггестивность, как правило, проявляется на уровне графики, орфографии, синтаксиса, лексики, словообразования, а также на макролингвистическом уровне: в категории персональности, в плотности информации, в структурно-композиционной организации текста и его стилевых особенностях. Рассмотрим письмо, составленное менеджером по продажам из Китая на английском языке как международном.

Dear Mr. S,

Good afternoon!

I have received your fax and thank you.

I am preparing all the samples now. I will send them by express-mail next week.

Our factory has the unique techniques. For you it means better products with the

same materials. You can check it after receiving the samples. VELLON-J A and VELLON-H A are all A grade. They have the same material but different techniques, you will see it.

We have many customers in Italy and Germany. The customer in Slovenia is our biggest one. We also provide fiber backings to Luga in Russia.

Be sure in quality.

You are welcome to ask any questions about our products.

Best regards,

Kathleen Xie

На первый взгляд может показаться, что письмо составлено не совсем грамотно, на самом деле оно является очень действенным по нескольким параметрам. Во-первых, несвойственное деловому письму приветствие *Good afternoon!* сразу же заставляет обратить на себя внимание реципиента, выводя его из автоматизма восприятия деловых посланий, которые он получает ежедневно в огромном количестве. Согласно рекомендациям НЛП, нельзя допустить, чтобы начало письма было встречено с равнодушием, важно завладеть вниманием реципиента с первых строк, тогда есть шанс, что письмо дочитают до конца. Во-вторых, приветствие *Good afternoon!* несет в себе мощный эмоциональный заряд, эти слова звучат вежливо, дружелюбно, от них веет участием. В-третьих, автор умело использует слова-трансляторы *For you it means ...*, которые переводят ключевые идеи на язык, понятный реципиенту. Кроме того, применение эпитетов *unique techniques, better products* также способствует реализации суггестивности: адресат рисует в воображении картины успеха, достигнутого благодаря товарам или услугам адресанта. Ключевая информация *Be sure in quality*, которая призвана заверить адресата в благонадежности адресанта, выделена в отдельный абзац. Это грамотный тактический прием, позволяющий донести до реципиента важное сообщение, выделяющееся на основном фоне текста. Таким образом, автор тщательно проработал свое письмо, уделяя особое внимание приёмам эффективной подачи деловой информации.

Список использованных источников

1. Алдер Х. НЛП современные психотехнологии / Х. Алдер. – СПб.: Питер, 2000. – 160 с.
2. Безнаева О.А. Когнитивно-прагматические особенности представления информации в деловом дискурсе: на материале англояз. деловой корреспонденции: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.А. Безнаева. – Архангельск, 2009. – 183 с.

Говтва О.О.

Дніпропетровський національний університет імені О. Гончара, Україна

ЗНАЧЕННЯ АУДІЮВАННЯ ПРИ НАВЧАННІ ДРУГІЙ ІНОЗЕМНІЙ МОВІ

Науковці вважають іноземні мови предметом з категорії важких у навчанні нарівні з такими предметами, як, наприклад, фізика, хімія, чи математика.

З психології відомо, що людська психіка переживає глибокий стрес, не сприйняття, а іноді, навіть, відторгнення будь-якого нового явища, з яким стикається. Також відомо з практики викладення іноземних мов, що людські психотипи: сангвініки, холерики, флегматики та меланхоліки, по-різному сприймають та засвоюють нові знання.

В учнівських групах, зазвичай, присутні представники усіх цих психотипів, і викладач має це враховувати при навчанні іноземній мові. Так, сангвініки та холерики, що мають більш пришвидшені мозкові реакції, будуть жвавіше реагувати на все нове і зі сміливою зацікавленістю його пізнавати. Флегматикам та меланхолікам потрібно більше часу для того, щоб опанувати нові знання. Зате вони мають певні переваги в плані працездатності та глибини засвоєння учбового матеріалу.

То ж, постає питання: як полегшити, зробити менш проблемним та більш цікавим пізнання нової іноземної мови. Між чотирьох видів мовленнєвої діяльності, що мають бути присутні на уроці – читання, говоріння, письмо та аудіювання, саме останній вид – аудіювання, може виконати цю задачу.

Людина, що потрапляє в іншомовне середовище та не вміє ні говорити, ні писати та, навіть, читати, вже через деякий час перебування в ньому, набравши початковий лексичний запас, вже може зрозуміти майже 80% інформації. І все це без інтенсивної практики говоріння, читання чи письма, а саме завдяки тому, що максимальну тривалість часу слухає, чує іноземну мову та співвідносить почуте з діями людей.

Науці відомий такий факт: служниця, яка тривалий час працювала в домі професора медицини і, мимоволі, була присутня під час наукових дискусій професора зі своїми колегами, які вони вели на латині, захворівши і знаходячись в непритомному стані, заговорила на латині, на превеликий подив професора. Солдати, що знаходились тривалий час у полоні, чи, навіть, студенти, що проживають в одних кімнатах з іноземцями за певних умов починали говорити на іноземній мові, не вміючи ні читати, ні писати.

Фактор багаторазового повторювання в аудіюванні відіграє вирішальну роль в процесі навчання іноземній мові. Так, при першому прослуховуванні мовного матеріалу без опори на текст, у слухача неодмінно виникає багато запитань, чи незрозумілих місць. При наступних прослуховуваннях аудівальний текст ставатиме більш зрозумілим.

Відомо, що у носіїв мови є певне розмаїття у вимові та артикуляції звуків, різне тональне, інтонаційне та емоційне забарвлення. Тому, для успішного оволодіння іноземною мовою потрібне прослуховування якомога більшої кількості носіїв цієї мови.

У випадку з іспанською мовою, де існує величезне територіальне, етнічне, історичне, культурне розмаїття, таке прослуховування просто неодмінне. В першу чергу, це прослуховування теле- та радіопередач, пісень народних, естрадних як виконавців з Іспанії, так і Латинської Америки.

Дуже велике значення має підкріплення аудіювання зоровими подразниками. Іноді це має вирішальне значення при засвоєнні мовного матеріалу. Відомий такий факт: один з американських університетів надав можливість своїм студентам прослуховувати аудіозаписи лекцій одного відомого професора. Але ефект виявився нульовим. Ситуація виправилася лише тоді, коли аудіозаписи лекцій супроводили відеопоказами. Засвоюваність учбового матеріалу стала майже стовідсотковою.

За висновками науковців, людський мозок спочатку «зчитує» інформацію з міміки, жестів та, навіть, невольних рухів людини, додаючи до цього аудитивну інформацію. Можливо, ця здатність людського мозку залишилася нам у спадок від далеких предків, коли пралюдина не вміла говорити, але ж прекрасно розумілася зі своїми сородичами за допомогою жестів та міміки. Тварини також не говорять, але добре розуміються без цього.

З огляду на фізіологію людини факт поганого сприйняття студентами аудіозапису лекцій пояснюється тим, що нерви, які ведуть від ока до мозку у 8–10 разів товстіші, за ті, що йдуть від вуха. То ж, відповідно, і засвоювання людиною інформації на 80–90% відбувається за рахунок зору і лише на 10–20% – завдяки слуху.

Схожі показники наводять вчені щодо функціонування пам'яті – людина запам'ятовує 90% того, що робить; 50% того, що бачить і лише 10% того, що чує.

Аудіювання можливо проводити на всіх трьох етапах уроку: формуванні навичок, активізації та автоматизації. Тобто, від простих завдань з аудіювання до більш складних.

Розглянемо деякі приклади комбінування аудіювання з іншими видами мовленнєвої діяльності на різних етапах уроку.

При формуванні навичок вимови звуків дати учням прослухати їх з аудіо запису, потім повторити декілька разів за диктором. При цьому викладач кожен звук супроводить показом картки з графічним зображенням відповідного знаку. При проведенні даної вправи мозок учня отримує сигнали відразу від трьох органів: язика, очей та вух. Ускладнюючи це завдання з аудіювання, можна попросити учнів ще й записати аудіюваний звук, чи слово.

При формуванні граматичних навичок: дати прослухати ряд дієслів, що стоять у різних часах і записати лише ті, що відповідають даному часу.

Ще цікавіше стане завдання, якщо учням запропонувати для прослуховування пісню, а потім вибрати з неї і записати задане граматичне завдання. Більш складними завданнями можуть стати такі: прослухати текст і скласти план його розповіді, а потім стисло розповісти; чи скласти письмові питання, задати їх товаришеві, почути його відповіді і виправити помилки. Подібних завдань з аудіювання можна скласти безліч.

Слід зауважити, що всі види мовленнєвої діяльності результативніше проводити, поділивши учнів на невеликі групи, чи команди, які виконують завдання, змагаючись між собою.

Члени однієї команди виконують завдання, радячись один з одним, в атмосфері взаємодопомоги, приймають колективні рішення. Змагання між командами на швидкість, чи якість виконання завдання породжує атмосферу особливої зацікавленості та значно підвищує результативність уроку.

Коли навчання іноземній мові відбувається без належної уваги до аудіювання, студенти можуть досить добре читати, розуміти прочитане, писати, але при зустрічі з іноземцем пасують, погано його розуміють, виявляють невпевненість в собі, в своїх можливостях говорити та спілкуватися. Також вони не будуть добре розуміти, наприклад, фільми на іноземній мові.

То ж, не варто недооцінювати аудіювання в процесі навчання іноземній мові.

Зверева А.И.

*Гродненский Государственный университет имени Янки Купалы,
Республика Беларусь*

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
(на материале произведений М. Твена)**

Для англо-американской художественной литературы свойственна частая модификация фразеологических единиц. Произведения М.Твена являются ценным материалом для изучения стилистических приемов авторского использования фразеологизмов. Их употребление в своих произведениях является настолько органичным и уместным, что иногда вычленишь фразеологизм из потока речи персонажа или при повествовании чрезвычайно сложно.

Используя ту или иную фразеологическую единицу, автор прибегает к изменению ее формы и содержания. Широко применяются структурно-семантические трансформации, которые влекут за собой изменение компонентного состава или морфологические преобразования их компонентов. Примерами данных трансформаций являются замена компонента, распространение, эллипсис. Замена могут подвергаться существительные в устойчивых сравнениях,

глаголы в глагольных фразеологизмах и прилагательные во фразеологических единицах разного типа, что придает фразеологическим единицам выразительность, эмоциональность и экспрессивность. Распространение фразеологизмов происходит за счет вставки прилагательных, наречий, которые помогают усилить или уточнить значение фразеологизма.

К морфологическим показателям раздельнооформленности относится изменение словоформы в составе фразеологизма. Подобное грамматическое изменение затрагивает только компонент фразеологизма, а не весь фразеологизм. Это происходит потому, что фразеологизм, в отличие от изменяемого простого и сложного слова, не имеет грамматической парадигмы:

*Well, you've **got a lick amiss**, I reckon. (Twain, M. The adventures of Tom Sawyer) (Cp. To get sth. amiss)*

Глагольные компоненты фразеологических единиц могут употребляться как в действительном, так и в страдательном залогах, что представляет собой морфолого-синтаксическую раздельнооформленность фразеологических единиц:

*He tried to steal sugar under his aunt's very nose, and **his knuckles were rapped** for it. (Twain, M. The adventures of Tom Sawyer) (Cp. Be given a rap over the knuckles)*

Для раздельнооформленности фразеологических единиц важно построение всего образования в целом, что даёт основания к выделению показателей структурно-семантической раздельнооформленности фразеологических единиц. При перестановке одного элемента фразеологизма возникают варианты синтаксические показатели раздельнооформленности фразеологических единиц:

*The howling stopped. Tom **pricked up his ears**. (Twain, M. The adventures of Tom Sawyer) (Cp. To prick one's ears up)*

*Suddenly he remembered about the cream his Granny used to cook. This **watered his mouth**. (Twain, M. The adventures of Tom Sawyer) (Cp. To make someone's mouth water)*

Одним из наиболее употребляемых приёмов структурно-семантических трансформаций является замена компонента другим словом (43%). Данный способ служит средством привлечения внимания, так как привносит в речь нечто новое, помогает добиться максимальной образности, эмоциональности:

*Neither do the boys and girls **keep a sharp look out on** each other's shortcomings and report the same at headquarters, as was a custom of by-gone centuries. (Twain, M. Miss Clapp's school) (Cp. To keep an eye out for)*

*But in spite of her Tom knew **where the wind lay** now. (Twain, M. The adventures of Tom Sawyer) (Cp. To know which way the wind blows)*

В произведениях М. Твена часто встречается приём сокращения компонентного состава фразеологизма (эллипсис) (37,5%). Данный приём заключается в преднамеренном опущении одного или нескольких компонентов и опирается на

общеизвестность и общеупотребительность фразеологизмов. Подтверждением этого является использование библеизмов:

*The minister made a grand and moving picture of the assembling together of the world's hosts at the millennium when **the lion and the lamb should lie down together and a little child should lead them.** (Twain, M. The adventures of Tom Sawyer) (Cp. Wolves will lie with the lambs. Leopards will lie down with goats. Calves, young lions, and year-old lambs will be together, and little children will lead them {Isaiah 11:6})*

*He would have left the accursed place, but he seemed **bond with bands of iron.** (Twain, M. Ghost life on the Mississippi) (Cp. But leave the stump of its roots in the earth, bound with a band of iron and bronze, amid the tender grass of the field. {Daniel 4, verse 15})*

Функционирование языковых единиц с усечённым или расширенным составом обусловлено поиском новых экспрессивных возможностей. К примеру, эллипс весьма характерен для разговорного стиля, данный приём привносит большую эмоциональность и передаёт атмосферу живого общения. Приём усложнения фразеологизма словом свободного употребления позволяет «оживить» внутреннюю форму фразеологизма и тем самым адаптировать его к конкретному тексту:

*And suddenly his face **brightened up with the hope.** (Twain, M. The adventures of Tom Sawyer) (Cp. Brighten up)*

Таким образом модификации фразеологических единиц в англо-американской литературе является широко используемым приёмом, характерным как для речи автора, так и для речи персонажей. Фразеологические единицы трансформируются с целью создания свежих и нестандартных языковых единиц, повышающих экспрессивность высказывания.

К.філол.н. Косенко О.П.

РВНЗ «Кримський інженерно-педагогічний університет»,

м. Сімферополь, Україна

НЕОЛОГІЗМИ У ФЕШН-ІНДУСТРІЇ

Мода – це той механізм, що організує життя соціуму та регулює поведінку людей у ньому. Вона підкорює своєму впливові не тільки побутову сферу життя людини (вибір одягу, інтер'єру, гастрономічні уподобання і т.п.), але й ментальну (образ думок, самоідентифікація, вибір моделі поведінки). При цьому мода не лише потужний соціальний регулятор, а й значущий культурний феномен. Для сучасної лінгвістики мода – відносно новий об'єкт.

Фешн індустрія є велетенською імперією, яка щорічно набирає багатомільярдні оберти прибутку. Ця сфера життя постійно розширюється, змінює старі тенденції, привносить нові.

Останнім часом ми можемо спостерігати, як сильно змінився вокабуляр

світу моди, скільки нових слів з'явилося на позначення модної продукції – одягу, взуття, аксесуарів, парфумерії та косметики. Одні слова міцно закріплюються в мові й активно входять до складу лексики, а інші не укорінюються і з часом зовсім зникають з мови. Ще років десять тому назад такі слова, як *must-have*, *jeggings*, *must-buys* тільки почали з'являтися на сторінках модних журналів, у той час як сьогодні вони успішно закріпилися в англійській мові та не викликають жодних питань.

Є багато способів появи нових слів, пов'язаних з модною індустрією. Наприклад, деякі модельєри дають назви старим речам, аби не повторюватися. Це такі слова, як *killer jeans* – потерті джинси, *whorts* – зимові шорти, які носяться поверх теплих колгот. Тобто ці речі завжди існували, але стали називатися по-іншому, щоб справити враження на потенційних модників і модниць. Інші ж, навпаки, вигадують щось неординарне і нове, таке, аналогів чому поки не існує, для того щоб привернути увагу покупців і зробити прорив у світі моди. Наприклад, *mankini* – чоловіче бікіні. Слово, яке виникло після виходу фільму «Борат» за участю британського коміка Саші Барона Коена, стало доволі популярним у всьому світі. Цей неологізм навіть занесли до 12-го видання Оксфордського словника англійської мови 2011 року.

На думку деяких лінгвістів, поява нової лексики у світі моди призводить до плутанини, вона просто повторює вже існуючу термінологію. Наприклад, модне слово “*leggings*” позначає те ж саме, що раніше називалося лосинами, які були популярними у 90-х роках.

Покази чоловічих і жіночих колекцій надихають людей на появу великої кількості неологізмів. Редактори модних журналів часто не знаходять слів для опису чудернацьких творінь модельєрів. Наприклад, так виникло слово “*poots*” (від *pants* (штани) і *boots* (черевики)) – для речі з жіночої колекції *Hermès*. Це шкіряні брюки, з'єднані з чобітками. За спостереженнями журналістів *The Wall Street Journal*, особливий вплив на словник неологізмів сфери моди зробило активне залучення чоловіків до фешн-індустрії. У результаті з'явилася ціла низка нових термінів, що позначають предмети одягу чоловічого гардероба: чоловічі труси *manties* (“мусіки”) – від двох слів *man* (чоловіки) і *panties* (трусики); чоловічі сандалі *mandals* (“мусоножки, мушельки”); чоловічі колготки *mantyhose* (“мулготки”); чоловічий варіант дамських сумочок *murses* (“мумочки”); *mankle* (вживається на позначення оголеної чоловічої гомілки), *mamil* (чоловік середнього віку, який носить лайкрові колготи) і *mullet dress* (жіноча спідниця, коротка спереду й довга зі спини). Впливові люди в індустрії моди тепер мають свою кодифіковану назву – «модний пакет» (*fash pack*).

Уже сьогодні більшість слів цієї «спеціальної» термінології лінгвісти готові внести до офіційного Оксфордського словника англійської мови. Деякі вчені не виключають того, що чоловічий префікс з літери *m-* може стати інтернаціональним, яким вже став префікс *e-* на позначення всього електронного та технологічного.

Проаналізувавши Інтернет сайти з текстами, що присвячені модній тема-

тиці, зробивши вибірку «модних» неологізмів, ми звернули увагу на закономірності способів творення цих слів. З'ясувалось, що найпоширенішими способами є зрощення і словоскладання. Зрощення – сполучення або усіченого кореня одного слова з цілим словом, або сполучення двох усічених коренів. Таке слово, як *pandals* – *comfortable, flat sandals, such as one's nan might wear* утворене зрощенням. Наприклад, “*Nandals. They're supposed to be the season's gladiators, so I thought I'd give them a whirl [...]*” [Grazia 06.05.11]; *swaket* – a union of *sweater* and a *jacket*.

Також популярним є такий спосіб творення неологізмів, як словоскладання. Наприклад, *sundress* (A really comfortable dress you can wear almost anywhere). “*Garden parties, wedding showers, last-minute sunny getaways – like it or not, late-spring agendas tend to call for more than just simple tanks and easy sundresses*”; *Beach burka* (an outfit or garment for women to swim in which conceals all or most of the body). “*Just compare her to the awkwardness of Nigella's 'beach burka' outing*” [Grazia 13.06.11].

Префіксальний спосіб творення «модних» неологізмів: *ultra-femme* (extremely feminine). “*With their ultra-femme detailing, figure-flattering silhouettes, and an oh-so-wearable color palette, these must-have pieces mirror Ferretti's higher-end resort collections, and they're perfect for those impromptu dress-up occasions*”.

Нові слова в модній індустрії утворюються також і суфіксальним способом: *fashionista* (A term used to define a woman with a penchant for shopping and a natural flair for combining both current and vintage fashionable trends).

Зустрічається ще такий спосіб творення неологізмів, як ініціальне скорочення, наприклад: *K-leather* (leather made from kangaroos). “*Elite athletes had been passionate about the lightweight, buttery fit and the bounce of what sports brands call K leather*” [The Observer 9 Oct 2011].

Отже, сфера фешн-індустрії багата на неологізми, які безперервно виникають в мові, з часом входячи до вокабуляру або зникаючи назавжди, бо, як відомо, мода характеризується швидкоплинністю і мінливістю. Поява «модних» неологізмів свідчить про те, що мова – явище соціальне, і всі зміни в ній є показником розвитку культури та життя суспільства.

К.ф.н. Лисейко Л.В.

Чорноморський державний університет імені П. Могили, м. Миколаїв, Україна

ПОШИРЕННЯ ЛІНГВІСТИЧНОГО ПОНЯТТЯ МОВНОЇ НОРМИ

У лінгвістиці під поняттям норми розуміють переважно письмовий варіант літературної мови і, частково, її усний варіант. Такої думки дотримуються такі вчені як Н.Н. Семенюк, В. Ніпольд, Г. Лерхнер [1–3]. З позиції норми, мовні висловлювання досліджуються, в першу чергу, з їх формального боку, по відношенню до кодифікованої норми літературної мови. При цьому відбувається

затвердження складу норми та її зміни. Урахування функціональних типів комунікації та типів комунікативних ситуацій описуються стилістичними нормами, що приводить, у свою чергу, до обмеження функціональних стилів, як нормативних пунктів для оцінювання мовних висловлювань певних областей комунікації. У цьому сенсі мовні форми переважно досліджувалися на предмет належності до визначених частин системи мови.

Мовний зміст розглядається, перш за все, по відношенню до мовної форми, разом з цим виникає питання, чи відповідає вона змісту, чи по-різному сприймаються та враховуються ситуативні, функціональні умови чи виходять з висловлювань, як продуктів мовно-комунікативної діяльності [4]. У цьому випадку важливу роль відіграє також зміст та тема комунікативної події з її різними детермінантами. Чисельні змістовні проблеми виникають з питання, як необхідно вирішувати комунікативне завдання за конкретних умов комунікативної ситуації.

Що стосується формальної сторони мовної комунікації, то тут необхідно спиратися на оцінювання мовних висловлювань з позиції норми. Це було можливим при мовно-нормуючих намаганнях лінгвістів, які виконували важливу суспільну функцію при створенні та стабілізації національної мови у минулому. Внаслідок таких кроків, застосовані критерії частково стали історичними, частково логіко-систематичними, естетичними або мотивованими та займалися дотриманням “чистоти” мовної системи, створювали гармонію усередині певних частин системи, хоча відносно стабільні рівні мовних засобів, по-різному оцінювались по відношенню до літературної мови.

Таким чином, якщо розглядати поняття норми у рамках мовних висловлювань, свідомо поширюючи суспільну практику людей та ставити питання відносно функції та адекватності висловлювань у конкретних комунікативних подіях, то вони виконуються разом з висловлюванням у певних ситуаціях. У такому випадку поняття норми визначається суттєво сильніше, чим, наприклад, функціональні стилі, які практично представляють системи норм для певних комунікативних сфер. Вони залежать від факторів, які детермінують комунікативні події. Цим самим змінюється не тільки кількість вихідних величин для нормованих висловлювань, а й точніше розглядається проблематика впливу. Комунікативно адекватними можуть бути не тільки мовно-літературні висловлювання, а й певні практичні сфери, для визначених завдань комунікації, наприклад, діалектні або навіть граматично некоректні висловлювання. Комунікативно коректними можуть вважатися сильно скорочені речення, між колегами або членами сімей, правда, за умов неякісних каналів передачі, тобто таких, які робили б несприятливими повноцінні мовні формулювання. Використання норм відбувається в конкретних комунікативних ситуаціях, в яких фактори, які визначають норми, по-різному змішані та виважені, причому, вибір норми здійснюється таким чином, що мовець може створити конфліктну ситуацію так само, як і при оцінюванні

продукту його мовно-комунікативної діяльності. Застосування норм завжди містить індивідуально-креативні компоненти, які беруться до уваги при оцінюванні висловлювання з позиції комунікативної адекватності. Слід додати, що норма не веде прямо до комунікативної адекватності. З іншого боку, не можна вважати адекватність висловлювання в якійсь спеціальній ситуації вихідними даними для безпосередніх висновків щодо норми [5].

У деяких актуальних ситуаціях комунікативно адекватними можуть бути свідомі порушення норм на всіх рівнях, де ефект неочікуваності застосовується, як особливий засіб впливу. Якщо мовно-комунікативні засоби використовуються успішно, масово й правильно в зазначених ситуаціях, які при цьому, можуть викликати негативні емоції та санкції у випадку порушення факту очікування, то це не вважається порушенням норми. Однак, такі засоби можуть відхилитися від мовно-літературних норм, залишаючись при цьому в межах норми в інших проявах форм існування мови. Цим самим спростовуючи урівноваження між мовною та мовно-літературною нормами.

Лінгвістично обґрунтоване поняття норми, яке стосується, в першу чергу, обмежених і визначених кількостей, пояснюється також з позиції соціології. Мовні норми утворюються, як правило, спонтанно, завдяки стабілізації визначених мовних форм у поширеному вживанні певними групами мовців, комунікація яких є легшою і впевненішою, якщо вона спирається на відповідні норми. Перша суспільна функція норми спостерігається в її досягненнях, як засіб практичного, духовного, емоційного та мовного оволодіння ситуацією, яка надає індивідууму відчуття впевненості в свободі своїх дій, тому що загальновідомо, що в чужих, незвичних ситуаціях важко зрозуміти, про що йде мова, навіть, коли знаходишся в одномовному середовищі, а також, що означають дії інших та яка поведінка очікується.

Що стосується історичної категорії норми, то вона перемінлива, тісно пов'язана з суспільним розвитком та інтересами певних класів і груп, вони можуть служити суспільному прогресу або, навпаки, гальмувати його та по-різному оцінюватися багатьма соціальними групами. У середньовічному суспільстві норми були індикатором певного статусу, ознакою належності до певної соціальної групи, вони служили обмеженням групи ззовні, той хто не володіє нормами групи, не може належати до неї. Саме в рамках цієї функції велику роль відіграють мовні норми та мовні субсистеми [1].

У динамічному суспільстві, яке зазнає постійних змін у суспільних відносинах, відбуваються зміни мовних засобів і форм. Зростання функції і значення норми свідчить про суспільні потреби значного оволодіння мовними можливостями впливу, які приводять до утворення цілого ряду нових термінів та розширюють лінгвістичні терміни. Ця функція була властива представникам містичного напрямку.

Так, поряд з мовною компетенцією утворюється комунікативна компетен-

ція, яка робить можливим сприйняття і вирішення різноманітних мовно-комунікативних завдань у різних сферах. У середньовіччі, у зв'язку з утворенням різних соціальних прошарків, з поширенням різного виду діяльності, контактів між людьми, створюється нова система знань. Цей процес приводить, з одного боку, до збільшення інвентарю мовних знаків, з яких потім, відповідно до існуючих правил, утворюються речення, листи, рецепти і тексти. Розширення складу мовних знаків і вдосконалення оволодіння граматично-семантичними нормами є, за нашим припущенням, відображенням пізнавального процесу, який засвоюється в процесі вивчення суспільно нормованих практичних і духовних дій [2].

З цими практичними сферами діяльності пов'язані спеціальні мовні та мовно-комунікативні норми, які з позиції відмінних масштабів, відрізняються одне від одного. Таким чином, носії визначених норм, такі як духовенство, дворянство, лицарство, селянство, бюргерський клас представляють оволодіння різними нормами, яке відбивається, як на поведінці, манерах, так і на мові. Причому норми відрізняються не тільки кількісно (коло людей, для яких існують норми, мають бути обов'язковими), але й якісно (оцінювання певних мовних засобів).

Отже, норми мовної комунікації передбачають відповідні обробки кожного висловлювання за допомогою реципієнта. Саме він сприймає, деталізує чи відхиляє отриману інформацію у вигляді перепитувань або уточнень, для щоб зберегти спільну галузь мовної комунікації, яка знаходиться у зв'язку з висловлюваннями. Вона служить також для розпізнавання намірів і ситуацій, які, наприклад, часто виникають у поезії через змістовну і функціональну нечіткість, так що реципієнт змушений сам розвивати власні роз'яснення щодо мовних формулювань, які присутні в текстах. Але слід враховувати, що велика кількість змістовних і формальних відхилень та функціональних невизначеностей приводить до послаблення комунікативної функції.

Мова як засіб комунікації історично виникла не тільки з потреб колективної діяльності. Індивід пристосовував мову до повсякденного спілкування зі своїм оточенням і використовував її, щоб впливати на це оточення.

Навколишнє середовище сприймається в комплексних ситуаціях. Комплексні ситуації розрізняються, перш за все, певними ситуаціями, наприклад, розпорядок дня людини у середньовіччі. Спочатку інтуїтивно обирається будь-яка ситуація, потім визначаються види діяльності за тих чи інших обставин. У процесі соціалізації індивід вчиться розділяти та впізнавати ситуації та приймати в них участь за всіма суспільними нормами, використовуючи при цьому відповідний мовно-нормативний інструментарій [3].

Що стосується мовно-комунікативної діяльності, то в лінгвістиці розрізняють три види домінуючих та підпорядкованих компонентів для практики комунікації, а саме:

а) комунікативні дії в практичній ситуації – робочі діяльності, практичні спорудження, рішення щодо роботи тощо. У таких випадках комунікація підпо-

рядковується діяльності, визначається нею тематично та є засобом для її реалізації та покращення;

б) комунікація підпорядкована духовній діяльності. У багатьох ситуаціях комунікація займає центральне місце, практичні дії сприймаються як підпорядковані. Такий вид комунікації зустрічається часто в учительській практиці, при вивченні практичних видів діяльності, при передачі – сприйманні знань. У цьому випадку комунікація тематично визначається метою надпорядкованої духовної діяльності та об'єднується з певними предметами;

в) комунікація може утворювати в певних ситуаціях основні компоненти діяльності та не підпорядковуватись при цьому надпорядкованій духовній або практичній діяльності. Це той випадок, коли комунікація служить регулюванню людських стосунків, а також встановленню, збереженню контактів та використовується для стабілізації атмосфери у групі, для психічного розслаблення. Комунікація в таких ситуаціях відносно вільна, з позиції змісту, не пов'язана прямо з поставленою метою.

Таким чином, практичні, духовні і комунікативні діяльності поєднуються і проникають одна в одну. Наприклад, вага окремих компонентів є визначеною для конкретних ситуацій, з яких виникають різні вимоги щодо комунікативної поведінки та щодо різних нормативних вимог та очікувань.

Комунікативні наміри – це не тільки семантична сторона висловлювання, не внутрішня програма та не стратегія висловлювання. Інакше кажучи, змістовна сторона комунікативних намірів нечітко виражена, тому що задає тільки загальні напрямки висловлювання, не дивлячись на мету висловлювання або аргументування.

Список використаних джерел:

1. Семенюк Н.Н. Язык как система социолингвистических систем / Н.Н. Семенюк. – М.: Наука, 1985. – С. 246.
2. Lerchner H. Normierung der Sprache / H. Lerchner. – A. Francke Verlag GmbH Tübingen, 1998. – S. 329.
3. Niepold W. Sprache und soziale Schicht. Darstellung und Kritik der Forschungsliteratur seit Bernstein / W. Niepold. – Berlin, 1981. – S. 79.
4. Normen der dt. Literatursprache 2// Akademie Verlag Berlin, 1996. – S. 352.
5. Normen der dt. Literatursprache 6//Akademie Verlag Berlin, 1993. – S. 150.

Максимова Е.В., Олейник Е.И.

Харьковская государственная академия физической культуры, Украина

ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ КОНТРОЛЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ ХАРЬКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В настоящее время одной из проблем преподавания иностранных языков является обучение иноязычной монологической речи студентов Харьковской государственной академии физической культуры.

Актуальность данной проблемы состоит в том, что монологическая речь носит коммуникативный характер. В связи с постоянным развитием международных отношений, организацией различных поездок, обмена специалистами, а также участие в различных спортивных соревнованиях, сборах, олимпиадах, наша страна нуждается в грамотных спортсменах, имеющих качественные знания не только в своей профессиональной сфере, но и обладающими достаточными знаниями английского языка и способных достойно представить Украину за рубежом.

Следовательно, владение умениями иноязычной монологической речи является частью профессиональной компетенции студентов спортивного вуза, и студенты Харьковской государственной академии физической культуры не являются исключением.

Монологическое высказывание – это непосредственно направленное к собеседнику или аудитории устное сообщение, которое предусматривает высказывание одного лица [4, с. 23].

Одна из основных целей преподавания английского языка в Харьковской государственной академии физической культуры состоит в обучении говорению, а именно описанию, повествованию, рассуждению, выражению отношения, оценки, умению вести дискуссию, диалоги на английском языке, прежде всего на темы, профессиональной направленности.

Важным компонентом учебного процесса является контроль. **Контроль** – это определение уровня владения иностранным языком, достигнутого студентами за определенный период обучения [1, с. 167]. В учебно-воспитательном процессе выделяют различные формы контроля:

- устный контроль или собеседование;
- письменный контроль (контрольные работы или задания);
- тестирование;
- индивидуальные или фронтальные;
- одноязычные или двуязычные.

Под термином «**форма контроля**» имеют в виду предварительный, текущий, периодический и итоговый контроль.

Мы считаем, что наиболее распространенной формой контроля знаний студентов является **опрос**. При этом мы используем: фронтальный, индивидуальный виды опроса.

Предварительный контроль используется с целью определения исходного уровня знаний. Самым распространенным и наиболее эффективным видом контроля является **текущий контроль**, при условии, что он проводится регулярно и направлен на проверку небольшого объема материала.

Тематический (промежуточный) контроль также играет достаточно важную роль, так как большинство учебных планов предусматривают проверку знаний в результате изучения конкретной темы.

Периодический контроль, в отличие от текущего, нацелен на проверку овладения материалом большого объема, например, изученного за семестр.

Итоговый контроль направлен на определение уровня владения иностранным языком, достигнутого в результате усвоения значительного по объему материала. Данный контроль проводится, как правило, в конце семестра или учебного года [2, с. 222].

Фронтальный контроль проводится в форме беседы преподавателя с группой студентов, которые со своих мест отвечают на вопросы. Данная форма контроля позволяет преподавателю проверить одновременно всех студентов [3, с. 101].

Групповой контроль проводится в форме выполнения задания для всей группы. Например, беседа на известную тему, ролевая игра [5, с. 187].

Парный контроль является вариантом группового контроля. Студенты работают в паре, выполняя предложенное задание.

Исходя из собственного опыта преподавания английского языка для студентов Харьковской государственной академии физической культуры, можем отметить, что при обучении студентов монологической речи необходимо использовать все вышеперечисленные виды и формы контроля, однако, наиболее эффективным, с нашей точки зрения является сочетание форм контроля во время урока и тем самым избежать пассивности группы при опросе отдельных студентов.

Список использованных источников:

1. Бим И.Л. Теория и практика обучения иностранному языку в средней школе / И.Л. Бим. – М.: Просвещение, 1988. – 251 с.
2. Гальцкова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. 3-е изд. / Н.Д. Гальцкова, Н.И. Гез. – М.: Академия, 2006. – 336 с.
3. Ляховицкий М.В. Методика преподавания иностранных языков / М.В. Ляховицкий. – М.: Просвещение, 1981. – 290 с.
4. Пассов Е.И. Упражнения как средства обучения / Е.И. Пассов, Е.С. Кузнецова. – Воронеж: Интерлингва, 2002. – Ч. I. – 40 с.
5. Рогова Г.В. Методика обучения иностранным языкам в средней школе / Г.В. Рогова. – М.: Высшая школа, 1991. – 211 с.

Максимова Е.В., Олейник Е.И.

Харьковская государственная академия физической культуры, Украина

ПРОБЛЕМА СТИЛИСТИЧЕСКОЙ РОЛИ СПОРТА И СПОРТИВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Профессиональный язык часто служит источником фразеологизмов и придает особую окраску самому языку. Как правило, понятия и термины различных профессиональных сфер деятельности, которые наиболее типичны для современности и какого-либо народа, трансформируются в идиомы.

Спорт и роль, которую он играет в нашем обществе, жизни студентов, школьников и так далее, является одним из основных факторов. Если проследить историю самых популярных видов спорта, то здесь можно выделить футбол, баскетбол, а также плавание, спортивный бег и катание на велосипедах, и парашютный спорт, боулинг. Большая часть терминологии, используемой в этих видах спорта, уже давно утратила свою профессиональную окраску, и приобрела идиоматические значения.

Идиомы, основанные на спортивной терминологии, настолько широко используются в английском языке, что даже большинство из нас не осознают, что используют спортивные термины в своей речи, и что человек, не являющийся носителем английского языка, вероятно, не имеет ни малейшего представления об их значениях.

Таким образом, использование спортивных терминов вне спортивного подтекста и процесс их активной метафоризации – это следствие того, что подтекст спорта более открыт, эмоционален и доступен по сравнению с другими подтекстами, например военным или медицинским. Исследования показали, что большинство спортивных фразеологических единиц, основаны на спортивных терминах и профессионализмах.

Профессионализмы – это слова, используемые в определенной сфере деятельности, определенной профессии и таким образом как бы объединяют людей с общими интересами и общей профессией. Со временем они становятся метафорами.

Один из самых эффективных способов в изучении иностранного языка – это просмотр телепрограмм на иностранном языке, так как именно там можно услышать живой, современный язык. И так как спортивные идиомы отражают соревновательный дух спорта, то их нередко можно услышать в любой телепередаче, где так или иначе речь идет о спорте.

Современные СМИ подпитывает этот интерес и популярность спорта не только освещая спортивные события и жизнь звезд спорта, но также используя спортивные образы, символику и, конечно же, профессиональный язык спорта, описывая события не связанные со спортом.

Наиболее распространенные идиомы, используемые в повседневной речи:

a major league – *a high level of performance (various)*

a whole new ball game – *a new set of circumstances (football, rugby)*

someone's track record – *all one's achievements and failures of the past (athletics)*

to be out of one's depth – *not to be skilful enough at something (swimming)*

to be quick/slow off the mark – *to be quick/slow at starting something (athletics)*

to bench – *to withdraw someone; to stop someone from participating (various)*

to box someone into a corner – *to limit their freedom to move or act (boxing)*

to give someone free rein – *to give someone freedom to act (horse-riding)*

to give something your best shot – *to try your best (various)*

to have the ball in someone's court – *to have to make a response (tennis)*

to rest on one's laurels – *to be satisfied with what one has already achieved (various)*

to skate on thin ice – *to do something risky or dangerous (ice-skating)*

Таким образом, взаимосвязь культуры и языка той или иной страны является одним из тех аспектов лингвистики, которые обладают наибольшей практической ценностью. Фразеологические единицы любого языка представляют собой тот материал социокультурного и этнолингвистического аспекта, который позволяет делать выводы о жизни, культуре и традициях определенного народа.

Исследование, описанное в данной статье можно рассматривать как попытку объяснения процесса формирования и функционирования фразеологических единиц, основанных на спортивной терминологии и профессионализмах в аспекте социо-лингвистических и коммуникативных проблем.

Орел И.В.

*Сибирский государственный аэрокосмический университет
имени М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация*
АББРЕВИАЦИЯ И СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫЕ СЛОВА

Создание сложносокращенных слов – сравнительно новый способ словообразования, получивший распространение в немецком языке в XX веке, и особенно в последние десятилетия. Функция аббревиатуры в процессе коммуникации состоит в более экономном выражении мысли и устранении избыточности информации. В аббревиатурах информация передается меньшим числом знаков (AB = *allgemeine Bedingungen* – общие условия), поэтому "ёмкость" каждого знака больше, чем в соответствующих исходных единицах, что даёт основание

рассматривать аббревиацию как один из видов оптимизации речевого сообщения. Актуальность аббревиации определяется потребностью в наименовании новых понятий и объектов (ECTS-Punkte = European Credit Transfer and Accumulation System – система, которая делает возможным то, что собранные студентом одного из вузов Германии пункты, могут быть признаны и в других европейских вузах).

В последнее время количество новых сокращений и аббревиатур в немецком языке постоянно растет, и они становятся одним из способов словообразования. Образование аббревиатур является сейчас вполне естественным процессом, и возникающие аббревиатуры склонны к независимому существованию, после того как происходит их полная лексикализация. Сокращенные слова – явление, характерное для современного этапа в развитии многих языков (зам = заместитель (русск.), тролей = тролейбус – троллейбус (болг.), Uni = Universität (нем.), bil = automobil – автомобиль (швед.), пер = pepper – перец (англ.).

В современных немецких публицистических текстах стремительно увеличивается количества сокращенных слов. При написании заимствованных сокращений отсутствуют кавычки, и это обстоятельство говорит об ассимиляции сокращенных лексем в системе немецкого языка. Аббревиатуры и сокращения являются продуктом действия закона языковой экономии, который не является, однако, единственной причиной их возникновения.

Таким образом, важной причиной для появления сокращений является стремление к компактности немецких существительных. Это стремление можно расценивать как ответную реакцию на столь распространенное в немецком языке словосложение, результатом которого являются композиты из двух или большего количества составляющих. Другими, не менее важными предпосылками для появления у слова или словосочетания сокращенного варианта, являются также удобство запоминания, словообразовательные возможности аббревиатур, а так же то, что они играют роль посредника между специальными языками и языком повседневного общения.

Аббревиатуры экономят место в заголовках статей, особенно если формат таковых невелик. Очень часто малоизвестные аббревиатуры выполняют функцию привлечения читателя, побуждения к чтению: "OMV: Erste Bilanz nach Mega-Deals". В публицистических текстах возвышенного стиля (напр. правительственные декларации) сокращенные слова традиционно не употребляются, но могут помочь избежать повторений.

Были выделены несколько групп аббревиатур и сокращений, встречающихся в языке: названия организаций (ACV = Allgemeiner Konsum -Verein – Всеобщий союз потребительских обществ) учреждений, комитетов, министерств, партий, научно-исследовательских институтов, международных организаций, авиакомпаний, банков, предприятий, заводов, концернов, агентств, фирм, холдингов (ADAC = Allgemeiner Deutscher Automobil-Club – Всеобщий германский автоклуб), названия медицинских страховых обществ, названия военных под-

разделений, групп специального реагирования, средств массовой информации, торговли (Wz = Warenzeichen товарный знак), WSV/ SSV = Winter- und Sommerschlussverkauf – зимняя / летняя распродажа), и аббревиатуры из сферы спорта (FC = Fußball Club – футбольный клуб), (DFB = Deutscher Fußballbund – Немецкая федерация футбола), названия учебных заведений и дисциплин (WS = Wintersemester – зимнее полугодие).

Новообразования является неотъемлемой частью словарного состава международных и финансовых отношений. Немецкие расшифровки иностранных аббревиатур можно охарактеризовать как их кальки. Часто наблюдаемое отсутствие немецкого перевода при использовании иностранных аббревиатур непосредственно подтверждает акт интеграции англоамериканизмов в немецкий язык.

Если полное и сокращенное название можно охарактеризовать как двойную номинацию, то иноязычную аббревиатуру, ее полную форму и добавленную полную немецкую форму можно назвать тройной номинацией. Иногда не расшифровка, а контекст помогает понять значение аббревиатуры, причем в некоторых случаях частотная аббревиатура поддерживает другую, малоупотребительную.

Реклама является очень интересным и многогранным явлением современной жизни. Она занимает пограничное положение между различными профессиональными сферами и привлекает внимание представителей различных профессий. Употребление сложносокращенного слова в рекламных объявлениях зависит от типа конкретной модели и от явлений языкового порядка. В рекламе, направленной на широкий круг читателей, необходимо использование максимально доступных для понимания слов.

Исследования показали, что в русском, немецком и английском языках больше всего сложносокращенных слов первого типа (слог+слог), однако в рекламных объявлениях несколько иные результаты. В русском и немецком языках чаще всего употребляются слог+слово. Преобладание в рекламных объявлениях второго типа в русском и немецком языках можно объяснить тем, что сложносокращенные слова данного типа образованы обычно от части прилагательного и полного существительного. Следовательно, это позволяет не только назвать предмет и сразу дать его краткую характеристику, что необходимо для короткого рекламного объявления, но и делает подобные слова максимально понятными для читателей, так как в словах, относящихся к данной рубрике, лишь первая часть нуждается в расшифровке.

Способность к словопроизводству – не обязательный признак слова. Тем не менее, появление производного слова у аббревиатуры – это убедительное свидетельство признанности самой аббревиатуры в языке. Дальнейшее развитие аббревиации представляется перспективным направлением. Языки в целом ни в малейшей степени не проявили тенденции к общему уменьшению аббревиатурных номинаций. Более того, сохранение оболочек – это глубоко значимый факт в истории аббревиации.

В современной методике идет непрерывный поиск наиболее эффективных способов и путей перевода сокращений, в виде которых появляются то термины и собственные имена, то реалии, то иноязычные вкрапления. Этим и объясняется необходимость изучать экономическую терминологию, не последнее место в которой занимают аббревиатуры и сокращения. Специфический подход, которого они требуют как особый класс лексики, обуславливает целесообразность выделения их в отдельную область научного знания.

Сокращение в современном немецком языке является весьма продуктивным способом словообразования и в целом, сокращения и аббревиатуры развиты значительно сильнее, чем в русском. Аббревиация наблюдается почти во всех странах и национальных языках и обнаруживает как сходство, так и различие в путях своего развития. На протяжении последних десятилетий в современных европейских языках увеличивается количество аббревиатур и возрастает частота их употребления, а аббревиация становится одним из ведущих способов словообразования и расширения языка.

Список использованных источников:

1. Маневрова К.В. Сокращения в языке современной немецкой прессы / К.В. Маневрова. – СПб., 2005.
2. Беляева В.А. Продуктивность моделей сложносокращенных слов в рекламных объявлениях / В.А. Беляева // Успехи современного естествознания. – 2010. – № 3. – С. 104–105.

Суралева Е.Н.

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Российская Федерация*

ПОСТРОЕНИЕ ПОЛЕВОЙ МОДЕЛИ КАК ЧАСТЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЭТНОКОНЦЕПТА ‘MOBILITÄT’

Современная лингвистика с целью более продуктивного лингвистического исследования ориентируется на применение комплекса взаимодополняющих методов как структурной, так и когнитивной лингвистики, а также социо- и психолингвистики. Не вызывает сомнения, что данное положение вещей можно отнести и к лингвокультурологии, занимающейся описанием актуальных этноконцептов.

В немецкой языковой картине мира есть ряд концептов, символизирующих образ жизни народа, представляющих для него определенную значимость, являющихся актуальными. Данные концепты принято называть этнокультурными концептами (этноконцептами). Исследование актуальных этнокультурных концептов предполагает определение важности того или иного концепта в условиях данного момента, выявление степени соответствия концепта современному факту действительности [Ушкова 2008: 169].

В настоящей работе в рамках обозначенной темы предпринята попытка построения модели концепта 'Mobilität' на материале современного немецкого языка с помощью методов когнитивной лингвистики.

Исследуемый нами концепт 'Mobilität' можно отнести к этнокультурным концептам немецкой нации на том основании, что один из языковых репрезентантов данного концепта – ключевое слово Mobilität входит в число наиболее употребительных слов немецкого языка [<http://wortschatz.uni-leipzig.de/Papers/top1000de>]. Являясь востребованным и значимым в социокультурном плане, данный концепт рассматривается как элемент национальной картины мира, что позволяет осмыслить своеобразие немецкого национального самосознания.

Задачей исследования является изучение структуры и содержания этнокультурного концепта 'Mobilität' на основании лингвокогнитивного анализа с целью создания модели данного этноконцепта и осмысления его места в немецкой лингвокультуре.

Культура общества, языком которой выступает естественный язык данного социума, ярко представлена концептами, обладающими национально-маркированными особенностями. Исходя из понимания концепта как части картины мира, несущей на себе отпечаток той культурной системы, в рамках которой он был сформирован, а также учитывая его трехслойное строение (понятийный, ценностный и образный компоненты) [Карасик 2002: 10], особо подчеркнем *этнокультурный аспект*, т.е. мы считаем целесообразным интерпретировать концепт как средство существования и выражения национального самосознания, несущее в себе определенную этнокультурную информацию, передаваемую его языковыми значениями [Ушкова 2008: 86-87].

Для лингвистического описания этноконцепта 'Mobilität' был сформирован корпус фактического материала объемом четыреста примеров языковой репрезентации исследуемого этноконцепта, куда вошли языковые единицы, почерпнутые из авторитетных словарей современного немецкого языка (толкового, этимологического, синонимического, фразеологического), статей немецких журналов и газет, а также данные, полученные от информантов – носителей немецкого языка как представителей немецкой культуры.

Предварительные данные позволяют обнаружить тот факт, что концептуальные признаки этноконцепта имеют неодинаковую значимость. Нашим наблюдениям соответствует разработанная в современной лингвистике теория полевой модели лингвокультурного концепта, согласно которой ядром концепта принято считать первичные, наиболее яркие образы, а наименее наглядные, абстрактные признаки образуют его периферию [Попова 2002: 62].

Для цели настоящего исследования важны критерии отнесения того или иного концептуального признака к ядру или периферии. Одним из релевантных критериев нам представляется частотность употребления лексической единицы, выражающей тот или иной концептуальный признак.

В результате проведенного нами лексикографического анализа было установлено, что ядро анализируемого нами концепта составляют

‘пространственная подвижность’, например: *«Möglicherweise trägt der kleine Smart plus **Mobilitätsgarantie** dazu bei, individuelle **Mobilität** in Zukunft intelligenter zu organisieren»*, begründet der VCD seine Platz-eins-Entscheidung [Zeit 1998: 25],

‘социальная подвижность’, например: *Bei der Arbeitssuche werden mehr **Mobilität**, geringere Lohn- und Gehaltsforderungen empfohlen* [см. <http://www.owid.de>],

‘физическая подвижность’, например: *Ältere und behinderte Menschen, die in ihrer **Mobilität** eingeschränkt sind, können mit einem nur 16 Gramm schweren Notrufsender jederzeit Hilfe herbeiholen* [см. <http://www.owid.de>],

‘профессиональная гибкость’, например: *Gerade im Berufs- und Wirtschaftsleben sehen beide heute **Flexibilität** und **Mobilität** gefordert, um erfolgreich zu sein* [Rhein-Zeitung 2004: 14].

Следует заметить, что принадлежность названных признаков к ядру концептуального поля концепта ‘Mobilität’ подтверждается так же тем фактом, что выделенные признаки находят свое отражение не только в семантике ключевого слова, но и в семантике производных лексических единиц, сложных слов, а также в семантике слов-синонимов, что демонстрируют вышеприведенные примеры.

Ближний периферийный слой данного концепта образуют признаки:

‘бодрость’, например: *er ist noch sehr **mobil** für sein Alter*,

‘активность’, например: *Yoga wirkt stressabbauend, steigert **die Beweglichkeit** und kann als Geburtsvorbereitung praktiziert werden* [см.: Langenscheidt 1998: 673; <http://www.archiv.tagesspiegel.de> vom 24.03.2005].

Необходимо заметить, что для определения ближнего периферийного слоя концепта ‘Mobilität’ определяющую роль играют синонимические связи соответствующего ключевого слова, поскольку в качестве синонимов лексической единицы Mobilität в немецком языке в большинстве лексикографических источников указаны следующие слова: Beweglichkeit (подвижность), Lebendigkeit (оживлённость), Lebhaftigkeit (живость, оживленность), Vitalität (жизненная сила) [см.: Duden 1986: 459; <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de>].

Учитывая тот факт, что согласно принципу построения концептуального поля слои располагаются по отношению друг к другу по возрастанию абстрактности, к дальней периферии концепта ‘Mobilität’ относятся следующие признаки:

‘духовная свобода’, например: *Seine Argumentationen zeugten von hoher **Mobilität*** [<http://www.owid.de>],

‘информационная свобода’, например: *Der totalen **Mobilität** steht also zumindest in dieser Hinsicht nichts mehr im Wege... Die "Überall-Erreichbarkeit" (Ubiquität) technischer Umgebungen ist ein Kennzeichen des Trends zum **mobilen Büro*** [Manfred Weiss 2003: 78],

‘виртуальная свобода’, например: ***Virtuelle Mobilität** meint hierbei, dass Beschäftigte nicht nur vor den Handlungsschritten „real-zu-virtuell“ sondern*

zunehmend auch parallel „virtuell-zu-virtuell“ stehen. Die Mobilität zwischen virtuellen Auftrags- und Aufgabenumgebungen steigt an [Jutta Rump 2005: 15].

Отнесение перечисленных признаков к дальней периферии обусловлено тем, что они не принадлежат – судя по данным лексикографического описания – к числу базовых, выявляемых на основании анализа лексического значения, о чем свидетельствует тот факт, что дефиниции не отражают соответствующую концептуальную информацию, которая выявляется, однако, в процессе исследования примеров, подобранных методом сплошной выборки из публицистических источников.

Одним из признаков, образующих крайнюю периферию концептуального поля концепта ‘Mobilität’, является ‘боевая готовность’, например: *eine Demonstration der hohen Mobilität der sowjetischen Kriegsmarine; mobile Truppen; mobile Verbände* [Langenscheidt 1998: 673]. Данный признак был выявлен нами в результате этимологического анализа корневой лексемы mobil, который показал, что данная лексическая единица поначалу была заимствована в язык военно-служащих в XVIII веке из французского языка от слова mobile и использовалась в военной сфере в значении ‘marsch-, kampf, einsatzbereit’ – ‘мобилизованный, приведенный в боевую готовность’ [Duden 1989: 463].

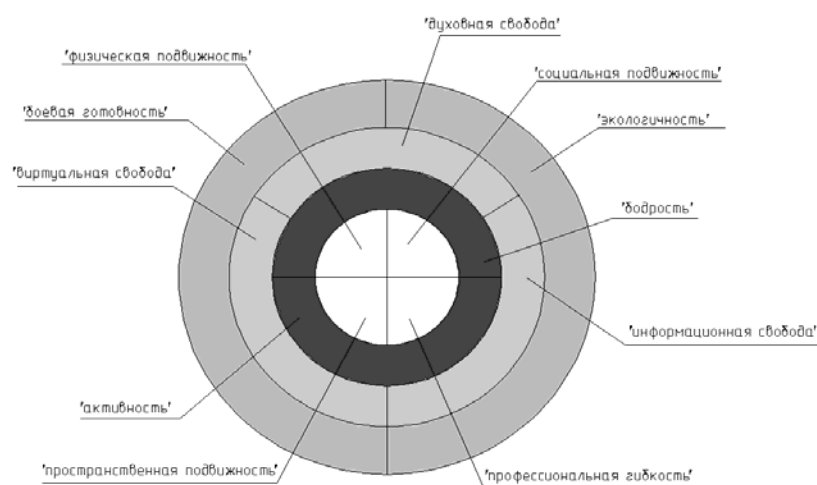

Рис. 1. Концептуальное поле этноконцепта ‘Mobilität’

Примечательно, что в словаре «Ложных друзей переводчика» К.Г.М. Готлиба данное значение указано лишь пятым по значимости, что свидетельствует о том, что данная лексема может употребляться в военной сфере, но ее значение является неактуальным для настоящего времени, что и дало нам основания поместить признак ‘боевая готовность’ на крайнюю периферию концепта [Готлиб 1972: 282].

Наряду с признаком ‘боевая готовность’ по тем же основаниям к крайней периферии был отнесен концептуальный признак ‘экологичность’, наличие которого подтверждается следующими примерами: *Damit will Werfenweg – neben Bad Hofgastein Modellgemeinde des EU-Projektes «Sanfte Mobilität – Autofreier Tourismus» – den «sanftmobilen» Urlaub ankurbeln. Im Ort sorgen Elektrofahrzeuge*

und Pferdekutschen dafür, dass die Gäste ihr Auto nicht vermissen. Zertifizierte «sanft & mobil»-Betriebe organisieren den kostenlosen Transfer vom IC/EC-Bahnhof Bischofshofen nach Werfenweng [Berliner Zeitung 1999: 97] (рис. 1).

Таким образом, создание полевой модели концепта 'Mobilität' позволило моделировать структуру данного этноконцепта и получить определенные представления об особенностях его репрезентации, что, несомненно, является частью комплексного лингвокультурологического описания этноконцепта 'Mobilität'.

Список использованных источников:

1. Готлиб К.Г.М. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «Ложных друзей переводчика» / К.Г.М. Готлиб. – М.: Советская Энциклопедия, 1972. – 282 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 10.
3. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2002. – С.60–62.
4. Ушкова Н.В. Исследование аналитической репрезентации с позиций фреймовой семантики / Ушкова Н.В. // Принципы и методы когнитивных исследований: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Общероссийская общественная организация лингвистов-когнитологов. – Тамбов: ТГУ, 2008. – С. 168–180.
5. Ушкова Н.В. Специфика отражения этнокультурного компонента в аналитическом строе как проявление немецкого национального самосознания // Культура в зеркале языка и литературы: Материалы международной научной конференции 15–16 апреля 2008. – Тамбов: ТГУ, 2008. –С. 86–87.
6. Duden 1986: Sinn- und sachverwandte Wörter. Wörterbuch der treffenden Ausdrücke / Hrsg. und bearb. von Wolfgang Müller. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1999 (Der Duden, Bd. 8). – S. 459.
7. Duden 1989: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Etymologie der deutschen Sprache / Hrsg. und bearb. von Günther Drosdowski. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989 (Der Duden, Bd. 7). – S. 463.
8. Jutta Rump, Dirk Balfanz, Anatol Porak, Welf Schröter (Hrsg.): Electronic Mobility – Thesen und Empfehlungen. Mobile Arbeitswelten und Soziale Gestaltung. Ludwigshafen, Darmstadt, Karlsruhe, Stuttgart, 2005. – S. 14.
9. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache / Hrsg. von Pr. Dr. D. Götz, Pr. Dr. G. Hänsch, Pr. Dr. H. Wellmann. – Langenscheidt: Berlin; München; Wien; Zürich; New-York; Moskau, 1998. –S. 673.
10. Manfred Weiss, Christoph Busch, Welf Schröter (Hrsg.): Multimedia-Arbeitsplatz der Zukunft. Assistenz und Delegation mit mobilen Softwareagenten. Talheimer, Mössingen-Talheim, 2003.
11. Beruf und Karriere – Unterwegs in geheimer Mission. Berliner Zeitung, 17.12.1999. – S. 4.
12. CiT: Flexibel in die Cochemer Zukunft / Rhein-Zeitung, 26.04.2004. – S. 17.
13. Öko-Autos Smarte Wahl / Die Zeit, 20.08.1998. – Nr. 35. – S. 25.
14. Das Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.owid.de>
15. Немецкий онлайн-журнал «Тагесшпигель» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archiv.tagesspiegel.de> vom 24.03.2005
16. Портал современного лексикона немецкого языка Лейпцигского университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de/Papers/top1000de>

К.филол.н. Лазовская Н.В.

*ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»,
Российская Федерация*

**КРЕОЛИЗОВАННЫЕ ТЕКСТЫ. ЭЛЕМЕНТЫ ПАРАГРАФЕМИКИ
В ТЕКСТЕ РЕКЛАМЫ**

В современной коммуникативной среде естественный язык хотя и является важнейшим и универсальным средством общения, но отнюдь не единственным. Именно во взаимодействии со знаками иной природы вербальные знаки наиболее успешно реализуют свои коммуникативные функции. Лингвистика обратила свое внимание на семиотически гетерогенные тексты, для описания которых еще не разработан общепризнанный терминологический аппарат, и которые в самом общем виде называются креолизованными [1, с. 104].

Одной из первых к исследованию таких текстов в единстве составляющих их компонентов обратилась психолингвистика, где возник специальный термин «креолизованный текст», под которым понимается текст, «фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [2, с. 181].

Примерами креолизованных текстов могут служить тексты радиовещания и телевидения, средства наглядной агитации и пропаганды, плакаты, ориентированные на аудиторию – от узкопрофессиональной до широкой, рекламные тексты.

Опираясь на теорию Е.Ф. Тарасова, относим рекламу к разряду креолизованных текстов. Этот термин подчеркивает много- или разнознаковую природу рекламы. Это и визуальные иконические знаки (в телевизионной, печатной, щитовой рекламе), и аудиальные знаки (в теле-радиорекламе), и вербальные знаки (во всех видах рекламы). Структура рекламного текста складывается из вербальных и невербальных компонентов. Невербальные компоненты (изобразительно-графические: размер, цвет, звук, композиция и т.д.) выполняют информативно-экспрессивную функцию, выступают в тесной взаимосвязи с вербальными компонентами – слоганом, ктематонимом, названием предмета рекламы, коммуникативно-адресным блоком, аргументами, рекламным образом, тоном рекламного объявления [3, с. 28]. Кроме того, реклама отражает коммуникативные характеристики (поведенческие стратегии и тактики героев произведения и его реципиентов). Это средство массовой коммуникации существует во многих разновидностях (печатная, радио – телевизионная, щитовая, почтовая и др.), что отражает характер используемых знаков, цели того или иного произведения. Эти особенности креолизованного текста рекламы в широком смысле опреде-

ляют необходимость при разговоре о ней держать в поле зрения многие компоненты произведения. Ведь зачастую смысл выражается не только словесными знаками, но и в совокупности с ними, – и изображением, звуками, внешними характеристиками героев и т.д. [4, с. 83–84].

Реклама как особый вид деятельности имеет игровую основу. Используя различные средства: языковые и неязыковые, рекламодатель стимулирует дополнительные затраты внимания, времени и мыслительной деятельности реципиента.

Важнейшим способом достижения игрового эффекта в рекламе становится креолизированный текст. Термин «креолизированный текст» соотносится с термином «рекламный дискурс», и значительное число рекламных текстов строится по принципу креолизированных текстов.

При описании рекламного дискурса следует обратить особое внимание на коммуникативную составляющую, выраженную разными средствами в зависимости от типа рекламы, ее предмета и авторского замысла.

Часто печатные РТ строятся с учетом широкого спектра выразительных возможностей параграфемных элементов. Термин «параграфемика» был введен в научный обиход Э. Хэмпом [5, с. 190]. Параграфемика представляет собой систему графических элементов, которые существуют наряду с графемной системой, но не входят в набор собственно дифференциально-графических противопоставлений (букв алфавита). Рекламно-воздействующий смысл текста рекламы формируется (помимо текста в узком смысле этого слова) и с помощью внебуквенных элементов, которые создают «воздействующий потенциал любого рекламного текста» [6, с. 141]. Такие элементы Е.В. Дзякович называет элементами параграфемики.

В работе «Особенности использования средств параграфемики в современной печатной рекламе» Е.В. Дзякович выделяет три группы параграфемных элементов: синграфемика, супраграфемика и топографемика.

Синграфемика определяется как выразительные возможности знаков препинания и пунктуационных комплексов (механизм пунктуационного варьирования). При синграфемике имеет место постановка знаков препинания в позиции как конца, так и середины предложения. Примером использования синграфемики могут служить следующие рекламные объявления: *Быстро! Качественно! Надежно!; ТРЕ! БУ! ЕТ! СЯ!; Just do it!* (Реклама спортивных товаров фирмы “Nike”); *Get it on!* (Реклама кремов для загара).

Супраграфемика – механизм шрифтового варьирования. Смена шрифтов, их разнообразие, продуманность в расположении обладают значительным воздействием потенциалом. Экспрессивный и воздействующий эффекты могут достигаться различными – даже в рамках лишь одной супраграфемики – средствами.

Наиболее часто распространенный способ шрифтового варьирования – варьирование размера и цвета букв. Без этого невозможно представить себе современную печатную рекламу. Например, в названии магазина бытовой техники “Эльдорадо”, буква “О” значительно крупнее всех других по размеру, а внутри бук-

вы помещен фирменный знак магазина. В сезон новогодней распродажи компания "Эльдорадо" выпустила рекламу, состоящую из единственного слова – "*распродажа*", где все буквы были напечатаны разным шрифтом, вместо русской буквы "с" был напечатан знак "\$", а буквы "а" заменены фигурами улыбающихся Дедов Морозов. Данная реклама призвала потребителя порадовать себя приятным приобретением к Новому году, сэкономив при этом немалые деньги.

Еще один способ привлечения внимания к рекламе с помощью средств супраграфемики – смена шрифта (изменение размера, цвета, очертания букв).

Примером служит реклама тарифного плана "Лидер" компании сотовой связи СМАРТС: *ВСЕобщая говориЗАщиЯ*, где буквы в слогах "ВСЕ", "ЗА" и "Я" не только написаны отличным от остального текста шрифтом, но и выделены красным цветом. "ВСЕ", "ЗА" и "Я" – это первое, что бросается в глаза потребителю и звучит как призыв: "Все уже подключились! Все – за! Присоединяйся! ".

Наряду с возможностями варьирования шрифтов, знаков препинания рекламисты используют для создания индивидуального рекламного образа также средства топографемики. Топографемика – механизм варьирования плоскостной синтагматики текста. Возможности пространственно-плоскостного варьирования также широко используются в тексте рекламы. Как правило, они используются не изолированно, а в сочетании с возможностями шрифтового варьирования и сюжетного изображения.

Средства синграфемики, супраграфемики и топографемики не используются в рекламных текстах изолированно. Наибольшее распространение получили те рекламные модули, которые построены на сочетании двух различных способов. Реклама воздействует на читателя-потребителя в том случае, если она конкретна и целенаправленна, логично построена и доказательна, интересна и оригинальна, ее основная мысль излагается лаконично, без лишних слов и понятна каждому, а также в зависимости от цели она передается ярко, образно, занимательно, остроумно. Выразительные средства языка, умело используемые в тексте рекламы, помогают производить именно такое впечатление, какого добивается создатель рекламы.

Список использованных источников:

1. Рыбакова О.Н. Дискурсивные, коммуникативные, прагматические и семиотические характеристики англоязычной печатной рекламы: автореф. дис. канд. филол. наук / О.Н. Рыбакова. – Иваново, 1999. – 153 с.
2. Сорокин Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого общения. – М., 1990.
3. Майорова Э.В. Структурно-когнитивный анализ рекламного текста / Э.В. Майорова // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества: сб. научн. тр. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – Том 9. – С. 27–33.
4. Лазарева Э.А. Рекламный дискурс: стратегии и тактики / Э.А. Лазарева // Лингвистика. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – Том 9. – С. 82–121.
5. Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии / Э. Хэмп; пер. и доп. В.В. Иванова, под ред. В.А. Звегинцева. – М., 1964.

6. Дзякович Е.В. Особенности использования средств параграфемии в современной печатной рекламе / Е.В. Дзякович // Вопросы стилистики. – Саратов, 1998. – Вып. 27. – С. 141–145.

Перекладознавство

Дзядик Ю.І.

Львівський національний університет імені Івана Франка, Україна

АНГЛІЙСЬКИЙ ПІДЖИН НІГЕРІЇ: ОСОБЛИВОСТІ ПЕРЕКЛАДУ

Мова – категорія суспільна. З розвитком суспільства еволюціонує мова. Розглядаючи стандартну англійську мову, яка є офіційною у багатьох країнах світу, беззаперечно впливає факт існування національних аспектів мови. Географічні умови, культура вносять у стандартну мову певний колорит, узгоджуючись із загальноприйнятими правилами. У результаті міграції англословного населення та доби колонізації африканського континенту виникла потреба спілкування європейської цивілізації з поневоленими народами. Завдяки зросту населення, віковій традиції етнічної та лінгвістичної розмаїтості, толерантності у Нігерії розвинулося меркантильне суспільство з основними урбанізованими центрами задовго до приходу європейців (XV ст.) та встановлення Джихаду (XIII ст.). Міське життя, змішані шлюби, торгівля та подорожі об'єднали нігерійців, які розмовляли різними мовами. Білінгвалізм та мультилінгвалізм стали більше нормою, ніж винятком. Одночасно з португальським недовгим пануванням, британським колоніалізмом прийшла європейська освіта через місіонерів – колишніх рабів, багато з яких були носіями мови кріо з Сьєрра-Леоне. У нігерійському піджині (конгломерат мови Королеви та місцевих діалектів) можна виділити три етапи: мезолектичний (креолізований – вживання тільки піджина), базолектичний (піджинізований – вплив інших нігерійських мов) та акролектичний (декреолізований – вплив нігерійської англійської мови). З плином часу носії англійської мови закріпили за нігерійським піджином тавро “ламаної мови”, хоча очевидним є факт, що порушення основних правил стандартної мови більш притаманні тим, для кого англійська мова є іноземною, а не, як у випадку з Нігерією, другою офіційною. Піджин не має на меті спростити лінгвістичні надбання стандартної мови; він не виступає продуктом недосконалої спроби володіти стандартною мовою; англійський піджин є продуктом історичного, соціолінгвістичного поєднання нігерійських мов з мовою-основою. Проте, на сьогоднішній день, оскільки носії мови часто й самі порушують правила власної мови, незначні граматичні помилки не вважаються “ламаною мовою”. Лише недавно, лінгвісти дійшли висновку, що піджин та креол не є хибними версіями

інших мов, а навпаки, новими мовами, що оформлені тими ж прийомами, що й стандартні мови.

Нігерійський піджин є найбільш вживаною мовою вздовж західного узбережжя Африки, а також серед діаспори Атлантичного басейну. За підрахунками, 3–5 млн. людей послуговуються ним як першою мовою, 75 млн. як другою. Обидва показники стрімко зростають, оскільки мова набирає популярності серед молоді, що становить більшість національного населення. У процесі деколонізації помітним є вплив африканської культури (література, музика, театр) у світовому співтоваристві; простежується міжкультурний аспект нігерійського піджина, особливо через зворотній контакт носіїв піджина з європейськими народами. Англійський піджин у Нігерії є, головним чином, розмовною мовою з елементами високої емоційності та жестикуляції, що не має встановленої орфографії. Соціальні умови нігерійського середовища ставлять більші вимоги для його функціонування. Виходячи з широкого використання, лінгвісти (Ессін, Егбокаре, Еменанджо) пропонують визнати піджин національною мовою Нігерії, хоча перешкодою слугує тлумачення нігерійського піджина як різновиду стандартної англійської мови.

Перекладаючи нігерійський піджин, слід брати до уваги деякі фактори: хоча він має спрощену звукову, морфологічну, синтаксичну системи, нескладний словотвір та систему речення, однак, існують правила, за якими функціонує мова. Послуговуючись системою приголосних, шістьма голосними та трьома дифтонгами, піджин уможливорює існування омофонів: *thin, thing, tin* вимовляються [tin]. Розпізнають їх завдяки контексту, тонові, іншим засобам комунікації. Речення мають властивість закінчуватися термінальними інтенсифікаторами (*o, na, sha*), що підсилюють значення попередніх слів: *Di ting get as e be sha* (Це справді незвично). *E don taya me o* (З мене таки вже досить/Мені вже так набридло). Загальні запитання ідентичні розповідним, їх розрізняють за допомогою інтонації; інколи вживають на початку речення лексему *abi*, яка присутня також в альтернативному запитанні: (*Abi*) *you go makit abi you go skul?* (Ви ходили на ринок чи до школи?). Припущення виражається вживанням дієслова *fit*: *Abi you go Legos? A fit go* (Ви поїдете до Лагосу? Я міг би поїхати/Можливо, поїду). Часові форми мають наступні імпліфікатори: *don* (завершеність дії), *dey* (позначає інколи теперішній час), *bin* (минулий час), *dey* (тривалий час, дія у процесі), *go* (майбутній час): *Your money don come* (Ти виграв джекпот). *No dey monkey say you sabi me* (Не вдавайте, що ви мене знаєте). *We bin dey grass for bush* (Ми палили у кушах). *A go chop* (Я їстиму). Редуплікація є важливим засобом утворення прислівників, прикметників, іменників: *small small* (ніжно); часто вживається для емпізи: *play play* (жвавий); у дієсловах позначає тривалість дії: *Person cry cry* (Ця людина зараз плаче). За допомогою афіксації (*short shorty* [низька людина], *left lefty* [шульга]), метафоричного розширення (*yellow fever* [інспектор дорожнього руху], *water don pass garí* [проблема]), ускладнення (*God pikin* [христия-

нин], strong head [упертість]), усічення (caf [кафе], bros [брат], wan [хотіти], tori [оповідання]), метафори (breaklight [тінь], pure water [дешеві товари]), метонімії (Ghana must go [гроші, хабар]), акронімів/аббревіатур (247 [24 години, 7 днів], 1–0– [регулярність їжі за день], JJS [новачок]) збагачується лексичний пласт нігерійського піджина. Інші приклади піджина: Wetin dey hapun (Як справи)? No dey yarn okpas for hia (Не говори нісенітниць). Dat kain mats e get as e be (Це для мене вища математика). Wetin dey do you sef (Якісь проблеми)? You dey chop bottle (Сірники є [провокування бійки])?

Англійський піджин виражає приналежність до нації. Це мова медіа та національного дискурсу. На музичній сцені, особливо з розвитком культури Найджа, це мова самовираження та солідарності серед етнічних молодіжних груп. Нігерійський піджин вивчають в університетах. Він наявний у церковних проповідях, піснях, молитвах. На піджині публікуються твори різноманітних літературних жанрів. Англійський піджин Нігерії має майбутнє. Лінгвістичні дослідження за останні роки у даній галузі, постійна зацікавленість широкого кола – яскраве цьому свідчення.

Науменко О.В.

*Чорноморський державний університет імені Петра Могили,
м. Миколаїв, Україна*

**ТРУДНОЩІ ПЕРЕКЛАДУ КОЛОРОНІМІВ
(на матеріалі роману С. Моема «Розмальована завіса»)**

Перекладацька проблематика на сьогоднішній день є дуже актуальною. Сама наука про переклад, яку часто ще називають перекладознавство, перекладологія і навіть транслатологія, знаходиться у процесі розвитку і привертає увагу багатьох науковців. Так, відомий французький мовознавець Жорж Мунен один з перших звернувся до перекладацької проблематики. Він прагнув розробити цілісну лінгвістичну теорію перекладу. Ж.Мунен усі лінгвістичні перешкоди для перекладу об'єднував у три групи: 1) специфічність семантики мовних знаків; 2) несумісність «картин світу», що створюються мовою для відображення позамовної реальності; 3) відмінності у самій цій реальності, у культурі та цивілізації носіїв різних мов.

Отже, однією з перешкод для перекладу (можливо, найвагомішою) є несумісність «картин світу». «Картина світу» – це поняття, створене в результаті взаємодії мови та культури. Кожна мова по-своєму ділить світ, тобто кожна мова має свою особливу картину світу. Колористика є частиною мовної картини світу.

Поняття кольору існує у кожній культурі, з ним пов'язана важлива соціокультурна інформація, накопичена етносом. Колір – це одна з категорій пізнання світу, яка знаходиться нарівні з іншими категоріями, такими як простір, час,

рух, а також є одним з ключових культурних концептів. Будучи однією зі стародавніх категорій пізнання, кольори набули символічне значення.

Символіка кольору, як і будь-яка інша, спирається на особливості психіки людини, на різні асоціації, в основі яких лежать повсякденний досвід людини, підживлений міфологічними, релігійними та естетичними поглядами. Символічне значення кольору не є постійною одиницею. З часом тлумачення колірних символів змінюється: втрачаються первинні значення, набуваються нові. Зрозуміло, що у пам'яті представників тієї чи іншої лінгвокультурної спільноти існують сучасні значення і лише відгуки первинних значень.

Тож перекладаючи художній твір, де використані колороніми (лексеми, денотативним значенням яких є ознака кольору), треба враховувати символічне значення кольорів, адже воно не в усіх культурах є однаковим. У будь-якому разі перекладач мусить адекватно передати зміст вислову. Досягти адекватності можна наступним чином:

- знайти у мові перекладу інший кольороприкметник з тотожним значенням;
- замінити його неколірним відповідником.

Приклад символічності спостерігаємо у наступному епізоді. Чарлі Таунсенд звертається до Кітті: *«Вам жодний колір так не личить, як чорний»* (*«Nothing sits you so well as black»*). Колоронім *чорний* у даному випадку є символом трауру. Завдяки йому письменнику вдалося досягти іронічного ефекту. Щодо перекладу, і російською, і українською наведена репліка перекладена адекватно, з урахуванням символічності та синтаксичних прийомів: *«Вам ни один цвет не идёт так, как чёрный»*/ *«Вам жодний колір так не личить, як чорний»*.

Особливої уваги потребують і стійкі вирази (фразеологізми, ідіоми) з колірним компонентом. Їх зараховують до реалій – словникових одиниць, які означають предмети, поняття та ситуації, що не існують у практиці іншомовного соціального колективу. Про реалії писав ще Й.В. Гете, але він не використовував цей термін: *«При перекладі слід зачіпати неперекладне, тільки тоді можна зрозуміти інший народ, іншу мову»*. Реалії охоплюють зміст фонові інформації – соціокультурних фактів, характерних лише для певної нації чи національності, засвоєних масою їх представників та відображених у мові даної нації.

Фразеологізм – це стійке сполучення слів, граматично організованих за моделлю словосполучення чи речення. За класифікацію В.С. Виноградова розрізняють лексичні, предикативні та компаративні фразеологізми. Лексичні фразеологізми семантично співвідносяться зі словами, понятійно аналогічними їм. Предикативні фразеологізми – це, як правило, закінчені речення, які закріпилися в мові у вигляді стійких словосполучень (прислів'я, приказки, афоризми тощо). Компаративні фразеологізми закріпилися у мові як стійкі порівняння. Кожний з цих розрядів має власні шляхи та методи перекладу, а відповідно – і особливості, та основним завданням перекладача є передача змістової, емоційної та цільової інформації фразеологізму оригіналу.

У романі «Розмальована завіса» зустрічаються лексичні та компаративні фразеологізми. Розглянемо наступний приклад: ...*one or two boys younger than herself*... – ...два-три совсем зелёных юнца, моложе Kimmi.../ ...декілька хлопців, молодших за Kimmi...

У наведеному прикладі стилістично нейтральний англійський вираз російською перекладено фразеологізмом, в українському ж перекладі збережено стилістику оригіналу.

У наступному прикладі фразеологізм з'являється у перекладі (українському), і нейтральний вираз набуває стилістичного забарвлення, стає емоційнішим: *It is quite evident*. – *Все ясно, як білий день*.

Цікавими з перекладацької точки зору є відтінки кольорів. Наприклад, англійська лексема *blue* перекладається російською як «синий, голубой», а українською – «синій, блакитний». У цьому випадку «голубой»/ «блакитний» – відтінки синього кольору, а саме – світло-синього. Це пояснюється тим, що у кожній мові колірний спектр ділиться по-різному, кількість основних кольоропозначень у кожній мові своя. Для російської та української картини світу характерне виділення блакитного та синього кольору як основних, а в англійській мові обидва ці відтінки позначаються одним колоронімом *blue*. Крім того, можливо, вибір того чи іншого варіанту пояснюється традицією використання у мові перекладу. Наприклад, для позначення кольору моря у російській традиції зазвичай використовується варіант синій, для неба – блакитний, в українській – в обох випадках використовують синій колір. А слова, що позначають забарвлення рослин, квітів, цілком ймовірно, пояснюються особистим досвідом перекладача.

У романі колоронім *blue* використовується на позначення кольору очей героїв роману. Як вже було зазначено, синій та блакитний – це два зовсім різних відтінки одного кольору, що по своїй природі не є однозначними.

Синій – колір спокою та умиротворення у деяких випадках може символізувати вірність та відданість. Блакитний – колір знаті, часто виступає втіленням смутку та депресії. Три персонажа твору мають очі такого кольору. У Чарлі очі сині, і таке перекладацьке рішення вдало підкреслює натуру чоловіка. Серйозний та стриманий урядовець залишається вірним дружині і кидає коханку. У Дороті та Уодінгтона очі блакитні, та якщо у жінки вони підкреслюють шляхетне походження та непохитний характер, то у чоловіка – світяться вірою та надією.

Інший відтінок синього – лазур (блакить) – використано при перекладі вислову *the blue of the sky* – «небесная лазурь»/ «небесна блакить». Такий спосіб відтворення колороніму *blue* пояснюється традиціями мов перекладу.

Кольороприкмерник *brown* відтворено наступним чином: у російському перекладі – «русый, каштановый», в українському – «русявий, каштановий». У даному випадку символічне значення не враховується, і вибір обумовлений лише особистими уподобаннями перекладачів.

Отже, можна виділити наступні труднощі перекладу колоронімів:

- наявність символічного значення у мові перекладу (у цьому випадку символізм має бути збережено у перекладі за допомогою колірної/неколірної лексеми з тотожним значенням);
- наявність/відсутність стійких виразів (фразеологізм може перекладатися фразеологізмом, або відповідним за стилістичним забарвленням та значенням словом);
- відтінки одного кольору (у цьому разі можна пропонувати різні варіанти перекладу).

Олійник Л.Й., Денисова О.В.

Одеська державна академія холоду, Україна

НАВЧАННЯ РЕФЕРАТИВНОМУ ПЕРЕКЛАДУ У ВТНЗ

Переклад є невід'ємною частиною викладання іноземної мови у вищому технічному навчальному закладі. Розуміння змісту науково-технічного тексту перевіряється як за допомогою спеціальних вправ, так і перекладу. Переклад, що здійснюється студентами може бути повним або реферативним.

Основним видом технічного перекладу є повний письмовий переклад. Усі інші види технічного перекладу є його похідні, тобто його скорочені варіанти.

Одним із таких скорочених варіантів повного письмового перекладу є реферативний переклад.

Назва "реферативний переклад" походить від слова "реферат". Але засоби короткого викладення суті питання можуть бути різними. В області технічного перекладу визначають три форми складання реферату, яким відповідають три самостійні види технічного перекладу:

1. Реферативний переклад.
2. Переклад типу "експрес-інформація".
3. Сигнальний переклад патентних рефератів.

Реферативний переклад – це такий, що передає зміст оригінального тексту у скороченому вигляді. Коротке викладення рідною мовою іншомовного професійного тексту накладає особливий відбиток на структуру перекладу. Структурованість реферативного перекладу досягається за допомогою таких мовних засобів як:

- з'єднувачі,
- текстові орієнтири,
- лексико-граматичні трансформації,
- обмежувачі.

З'єднувачі – це слова, що з'єднують окремі частини тексту для логічної побудови тексту реферативного перекладу рідною мовою.

Текстові орієнтири допомагають знайти та виділити головну інформацію тексту, що реферується. Це можуть бути як лексичні звороти, так і технічні дані, рисунки, діаграми тощо.

Лексичні трансформації передбачають адекватний переклад термінів та термінологічних словосполучень, що є невід'ємною частиною науково-технічного тексту та вказують на належність інформаційного джерела до певної галузі науки і техніки. Граматичні трансформації допомагають адаптувати граматичні конструкції, які викликають труднощі при перекладі.

Обмежувачі – це слова та словосполучення, що вилучають, скорочують та трансформують абзаци та речення тексту, який реферується.

Робота починається з лінгвістичного аналізу тексту та закінчується синтезом тексту рідною мовою. Аналіз та синтез проводяться паралельно. Під час підготовчої роботи здійснюється аналіз змістовно-тематичної структури науково-технічного повідомлення. При синтезі тексту вилучаються ті абзаци, що містять надлишкову інформацію (розмірковування, історичні екскурси тощо). Підлягають трансформації складнопідрядні речення та речення, що містять герундіальні, дієприкметникові та інфінітивні звороти. Вони трансформуються у прості речення, також проводиться згортання речень шляхом вилучення різноманітних означень, обставин, вставних слів та конструкцій.

Задачі аналізу та синтезу вирішуються в процесі виконання наступних видів робіт:

- проглядове читання тексту з метою одержання загальної уяви про його зміст;
- ознайомлювальне читання з концентрацією уваги на абзацах тексту, що містять інформацію по темі;
- скорочення надлишкової інформації;
- складання плану;
- узагальнення вилученої інформації;
- редагування тексту.

Алгоритми перекладацького аналізу тексту включають спеціальні вправи на порівняння окремих речень тексту оригіналу з рідною мовою та вправи на лексичні та граматичні трансформації. Синтетичні вправи спрямовані на моделювання текстів науково-технічного напрямку.

Слід також зауважити, що при роботі з науково-технічними джерелами інформації важливе значення має переклад заголовків. Особливо це стосується реферування, коли за заголовком потрібно визначити відповідність даної статті тій чи іншій темі. У випадку коли загальний заголовок не досить повно розкриває зміст тексту, слід звернутися до підзаголовків, прочитати перший та останні абзаци, а потім знову повернутися до перекладу заголовка.

При перекладі заголовків велику роль відіграє контекст. Дуже часто у заголовках виноситься атрибутивна група, що є, насправді, термінологічним сло-

всполученням, алгоритм перекладу якого полягає у знаходженні базового слова, розташованого, як правило, у кінці атрибутивного словосполучення і починати переклад потрібно з цього слова, справа наліво.

Реферування це творчий процес, що включає змістовну компресію письмових текстів і узагальнене викладення змісту матеріалу, що реферується. Цей процес вчить студентів лаконічному узагальненню інформації. Реферування вчить не тільки змістовному звертуванню тексту з вилученням найбільш актуальної інформації, але й розвиває навички писемного мовлення, збагачує словниковий запас науково-технічної спеціальної лексики, термінології, знайомить з екстралінгвістичними реаліями країни, мова якої вивчається.

Структурна, прикладна та математична лінгвістика

Пелішенко Ю.В.

Чернівецький національний університет імені Ю. Федьковича, Україна

МЕТОДОЛОГІЯ ЛІНГВІСТИЧНОЇ ЕКСПЕРТИЗИ НЕЮРИДИЧНИХ ТЕКСТІВ

Судова лінгвістична експертиза – це процесуально регламентоване лінгвістичне дослідження усного і письмового тексту. Проблемами лінгвістичної експертизи займалися такі лінгвісти як М.Д. Голєв, В. М. Баранов, Ю.О. Бельчиков, К.І. Бриньов, О.І. Галяшина, О.К. Єрмолаєв, О.О. Кирилова, О.М. Матвєєва, Ю.О. Сафонова, Дж. Олссон, Р. Шай, Дж. Макменаїн, Дж. Гіббонс та інші.

Юридична лінгвістика – галузь прикладної лінгвістики, предметом вивчення якої є особливості взаємодії мови і права. Проведений аналіз показав, що з різною частотою для опису цієї галузі знання на даний момент використовується вельми широкий набір позначень: «юридична лінгвістика», «судове мовлення», «судове автороззнавство», «лінгвістична експертиза», «психолінгвістична експертиза», «юридична психолінгвістика», «лінгвокриміналістика», «лінгвоюрисдика» [2]. На думку М.Д. Голєва, юридична лінгвістика як галузь організовується трьома видами відношень між мовою і правом: мова виступає як об'єкт правового регулювання, мова виступає як засіб, за допомогою якого здійснюється регулювання, і мова є предметом дослідження, коли, наприклад, у судовому засіданні досліджується спірний текст. Останнє, якраз і організовує лінгвістичну експертологію – один з розділів юридичної лінгвістики [3].

Мета статті – дослідження сутності судово-лінгвістичної експертизи, її значення для судового процесу, ознайомлення із методологією та типологією лінгвістичних експертиз, визначення їх ролі при розслідуванні злочинів, для викриття винних осіб.

Судова лінгвістична експертиза – це порівняно молодий вид судових експертиз, викликаний необхідністю застосування спеціальних лінгвістичних знань з метою встановлення мовних фактів, що мають значення, як судові докази. Як свідчить судово-слідча практика, саме за допомогою експертиз та інших наукових досліджень розкривається більше третини злочинів. Судова експертиза постійно розвивається шляхом створення нових та удосконалення існуючих методик дослідження, і знаходить все більше застосування у судово-слідчій практиці. Однією із новостворених методик є лінгвістична експертиза. На сьогодні судово-лінгвістична експертиза має апробовані методики ідентифікації (диференціації) автора тексту документа, визначення освітнього рівня автора, його рідної мови і місця формування мовленнєвих навичок [5].

Завдання статті – визначити поняття судово-лінгвістичної експертизи, розглянути класифікацію досліджень судово-лінгвістичних експертиз, дослідити методологію судово-лінгвістичних експертиз на прикладі аналізу листа-погрози.

Предмет судової лінгвістичної експертизи – встановлення обставин, що підлягають доведенню у конкретній справі, по мірі вирішення питань, що вимагають спеціальних знань у галузі лінгвістики.

Об'єкти лінгвістичних експертиз – це одиниці мови і мовлення, тексти, представлені на будь-якому матеріальному носіїві.

Завдання лінгвістичної експертизи:

- дати тлумачення і роз'яснення значень і походження слів, словосполучень, стійких виразів фразеологізмів (ідіом);
- інтерпретувати основне і додаткове (конотативне) значення мовної і мовленнєвої одиниці (усної або письмової);
- здійснити тлумачення тверджень тексту документа для встановлення того, які варіанти їх розуміння можливі у сучасному дискурсі;
- провести дослідження тексту (фрагмента) з метою виявлення його смислової спрямованості, модальності пропозицій, експресивності і емоційності мовних одиниць, їх формально-граматичної характеристики і семантики, специфіки використаних стилістичних засобів і прийомів [1].

Судово-лінгвістична експертиза визначає фактичні дані про особу автора (чи виконавця) тексту та про умови створення мовного повідомлення (мотивацію, цілі, викривлення відображеної у свідомості інформації, адаптацію мовних засобів до можливостей адресата, маскування мовної ситуації шляхом диктування, навмисного викривлення писемного мовлення, створення тексту у співавторстві, тощо). Іншими словами, судово-лінгвістична експертиза надає інформацію стосовно учасників мовленнєвого акту, умов його протікання та співвіднесеності його результату (тексту) з дійсністю. Об'єктом судово-лінгвістичної експертизи є текст мовного повідомлення або його фрагмент як реалізація мовленнєвих навичок людини. Проводити цей вид експертиз має право лише особа з вищою філологічною освітою, бажано із спеціальною експертною підготовкою. Судово-

во-лінгвістична експертиза дозволяє вирішувати ідентифікаційні, класифікаційні, діагностичні та ситуаційні завдання. У межах ідентифікаційних завдань встановлюються авторство тексту відносно конкретної людини, а також тотожність декількох анонімних текстів невідомого автора [6].

На нашу думку, лінгвістична експертиза включає три основних види досліджень, у зв'язку із завданнями, які вона вирішує, а саме:

1. Авторознавчі дослідження – аналіз тексту з метою встановлення авторства або характеристики автора (аналіз особливостей тексту як носія інформації щодо особистості його автора).

2. Семантичні, або смислові дослідження – аналіз тексту з метою виявлення у ньому змісту і характеру впливу на адресата. Синтаксичний аналіз – які засоби вираження використано у тексті та які стилістичні фігури вибрано з метою впливу на реципієнта, логіко-змістовий аналіз – який є текст за змістом. Лексичний та лексико-семантичний аналіз – який лексичний рівень у текстовому та позатекстовому планах.

3. Термінологічні дослідження – аналіз назв, торгових марок, і та ін. як результатів людської діяльності (аналіз понять, термінів, найменувань тощо як засіб позначення об'єктів діяльності людини). Аналіз однозначності та неоднозначності тлумачення терміна відповідно до мовленнєвої ситуації та у зв'язку із контекстом, аналіз семантичного поля слова, словосполучення та його значення.

Авторознавча експертиза може призначатися для встановлення авторства не лише письмових творів, друкованих документів, але і комп'ютерних програм, фонограм голосових текстів, наукових розробок.

Прикладом лінгвістичної експертизи є дослідження неюридичного тексту, а саме листа-погрози. Метою таких листів є погроза вбивством, вимагання коштів, залякування, зазвичай, анонімними особами. Розглянемо анонімний лист погрозою вбити, якщо адресат не виконає певні умови. Поданий лист містить ряд очевидних погроз, наприклад:

... my duty as I am mailing you now is just to KILL you and I have to do it as I have already been paid for that, I will carry on with my job straight-up, I WILL EXTEND IT TO YOUR FAMILY [4].

Проте, якби автор цього листа дійсно хотів вбити, то він би не давав адресату вибору між життям і смертю, тим більше, йому вже заплатили за цю роботу:

... as I have already been paid for that ... Now do you want to LIVE OR DIE? [4]

Також, він би не писав у повідомленні свою контактну адресу:

I AWAIT YOUR REPLY VIA Email: donkiller01@gmail.com [4].

Невідомий вживає прямий наказ та виражає погрозу вбивства, при умові, якщо адресат звернеться по допомогу:

DO NOT THINK OF CONTACTING THE POLICE OR EVEN TELLING ANYONE BECAUSE I WILL KNOW, REMEMBER, DO NOT COME OUT [4].

Анонімний автор погрожує вбити, проте, водночас, вимагає кошти (*pay some fees to spare your life*), і посиляється на своє співчуття і жалість до своєї жертви. Саме так, він пояснює своє небажання вбити його (*I am very sorry for you, is a pity that this is how your life is going to end*).

Ми можемо зробити висновок, що це типова спроба вимагання коштів, адже конкретних аргументів не наведено. Фактично, якщо хто-небудь хоче вбити іншу особу, то він не буде виявляти співчуття, не буде писати, що хтось із друзів хоче смерті його жертви (*Someone you call a friend wants you Dead by all means*), а, навпаки, зробить все анонімно. Іншими словами, метою відправлення цього листа не є попередити особу про її смерть, а, цілком імовірно, виманити кошти. Оскільки, людське життя є цінним для кожного, то невідомий хоче залякати адресата, вважаючи, що той виконає всі його умови і надасть потрібну суму. На нашу думку, проведений аналіз міг би слугувати аргументом у судовій справі, якщо б адресат вирішив розпочати судове переслідування шахраїв, що надіслали йому цього листа.

За останні кілька десятиліть зросла кількість лінгвістичних експертиз на замовлення юристів, судів та інших державних установ. Необхідно зазначити, що юридична лінгвістика інтенсивно розвивається та активно взаємодіє з іншими видами експертиз. У процесі дослідження ми дійшли висновку, що на сучасному етапі розвиваються не тільки теоретичні аспекти проведення лінгвістичних експертиз. Цей вид досліджень широко використовується у судовій практиці, і саме практичне застосування та потреба у такому методі аналізу тексту зумовила виокремлення його у самостійний вид експертиз. Тому подальше вивчення методології лінгвістичної експертизи є одним з важливих завдань сучасної лінгвістики.

Список використаних джерел:

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособ. / А.Н. Баранов. – 2-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 592 с.
2. Голев Н.Д. Юридическая психолінгвістика / Н.Д. Голев. – М., 2003. – С. 5–6.
3. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н.Д. Голев // Юрислінгвістика – 1. Проблемы и перспективы. – Барнаул, М., 1999. – С. 11–58.
4. Extortion Death Threat Scam Emails from Don Killer [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.consumerfraudreporting.org/extorionscams_DonKiller.php
5. Olsson John Forensic Linguistics: An Introduction to Language, Crime, and the Law / John Olsson. – London: Continuum International Publishing Group, 2004. – P. 144–269.
6. Shuy Roger Discourse Analysis in the Legal Context / Roger W. Shuy // The Handbook of Discourse Analysis. – Oxford: Blackwell Publishers, 2001. – P. 437–452.

К.ф.н. Христианова Н.В., к.ф.н. Кацитадзе И.М.

Педагогический институт Южного федерального университета,

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ПРИЧИННОСТИ В ЛИНГВИСТИКЕ

Категория причинности изучается в лингвистике в связи с вопросом о различных средствах выражения данной категории в языке. В связи с изучением причинности в лингвистике, обратимся к вопросу, является ли причинность языковой категорией или она относится к универсальным категориям мышления. Вопрос соотношения языковых и неязыковых категорий в лингвистике разрабатывался и разрабатывается как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. Эта проблема исследовалась в трудах А.М. Бодуэна де Куртене, 1963; В.В. Виноградова, 1975; О. Есперсена, 1958; И.И. Мещанинова, 1945; Г. Пауля, 1960; А.М. Пешковского, 1959; А.А. Потебни, 1958 и других. Рассмотрим в связи с данным вопросом концепции некоторых лингвистов в отечественном и зарубежном языкознании.

Так, представитель славянского языкознания А.А. Потебня (1835–1891) в своей докторской диссертации «Из записок по русской грамматике» [9] противопоставляет логическую грамматику и языкознание и разграничивает языковые категории и неязыковые, то есть логические категории.

Логическая грамматика не может изучать явления языка, которые составляют основу языкознания. Индивидуальные различия языков не могут быть поняты логической грамматикой, так как «логические категории, навязываемые ею языку, народных различий не имеют» [9]. Поэтому сравнением языков должно заниматься языкознание, а не логическая грамматика, так как логические категории, исследуемые логической грамматикой, универсальны, едины, одинаковы для всех языков.

Представитель Казанской лингвистической школы И.А. Бодуэн де Куртене (1845–1929) рассматривал язык как психическо-общественное явление и различал в каждой единице языка что-то внеязыковое и языковое. Уделяя внимание психической стороне языка, он ввел понятие внеязыковых, семасиологических представлений, то есть представлений из области физического и биологического мира, а также из области мира общественного и личностно-психического. Внеязыковые представления отражаются в языковом мышлении (например, пол животных, который является источником различения грамматических родов, жизнь и отсутствие жизни, пригодность для еды и питья, человеческая личность, определенность и неопределенность, количественное мышление и так далее) [1].

Отражение в языковом мышлении внеязыковых представлений И.А. Бодуэн де Куртене рассматривает на примере отражения в языковом мышлении комплекса количественных представлений в своей работе «Количественность в языковом мышлении» [2]. Он проанализировал различные средства выражения

количественных отношений, сопоставил разные типы количественности (например, пространственная и временная, количественность размера и направления), а также сравнил количественность в языковом мышлении и математическую количественность [2].

Проблему разграничения языковых и неязыковых категорий исследовал в своих трудах А.М. Пешковский (1878–1933), представитель Московской лингвистической школы. Он не только разграничивает грамматические и логические категории, но и отмечает их взаимосвязь. Логические категории существуют в грамматических, то есть они выражаются в грамматических категориях. Так, в своем труде «Русский синтаксис в научном освещении» [8], в частности в главе «Глагольные личные нераспространенные предложения с простым сказуемым» А.М. Пешковский рассматривает оттенки категории времени и наклонения. На примере поговорки «поспешись – людей насмешись», он разграничивает в данном высказывании логическую и грамматическую стороны.

Так, если сравнить три выражения «поспешись – людей насмешись», «поспешил – людей насмешил», «спешись – людей смешишь», то мы увидим, что с логической стороны данные выражения обозначают одно и то же. С точки зрения грамматики, в данных выражениях каждое время сохраняет свое основное грамматическое значение (значения прошедшего, настоящего и будущего времени). Логическая сторона таких выражений заслоняет от нас категорию настоящего времени [8]. Тем самым, А.М. Пешковский отграничивает логическую сторону от языковой грамматической семантики.

В связи с проблемой разграничения языковых и неязыковых категорий остановимся на взглядах О. Есперсена. Отметим, что сам термин «понятийные категории» был впервые введен О. Есперсеном в его работе «Философия грамматики» [5]. В данной работе он выделяет наряду с синтаксическими категориями, которые зависят от структуры языка, внеязыковые, универсальные категории, которые не зависят от структуры языка и которые применимы ко всем языкам. Данные категории О. Есперсен предлагает называть понятийными категориями [5].

Вслед за О. Есперсеном вопрос о природе понятийных категорий ставит И.И. Мещанинов (1883–1967). Первой работой ученого, которая положила начало разработки теории понятийных категорий, явилась работа «Понятийные категории в языке» [6]. Излагая теорию понятийных категорий, он подчеркнул, что лингвисты не должны объяснять языковые явления с точки зрения тех положений, которые разработаны в логике и психологии. Определенные нормы человеческого сознания получают свое выражение в языке, в оформлении слова, в построении предложения. Одно и то же понятие передается различными средствами.

Понятия, которые выражаются в языке, остаются в пределах языкового материала. Поэтому они являются частью общего числа языковых категорий. Но, в тоже время, эти понятия, выражая в языке нормы сознания, отражают общие категории мышления в его реальном выявлении, то есть в языке. Такие понятия

И.И. Мещанинов называет понятийными категориями [6]. Таким образом, всякое понятие, которое существует в сознании человека, может быть выражено средствами языка, например, описательно или семантикой слова. Понятийной категорией становится то понятие, которое образует в языке определенную систему [7].

Рассматривая вопрос о понятийных категориях и их выражении в языке, остановимся на некоторых мыслях В.В. Виноградова (1895–1969). Рассматривая систему частей речи в русском языке и, в частности вопрос о делении частей речи на основные грамматические категории, В.В.Виноградов затронул проблему разграничения некоторыми лингвистами, а именно О. Есперсеном и И.И. Мещаниновым, понятийных и грамматических категорий при изучении языка. В. В. Виноградов заметил, что мысль о необходимости различать общие семантические категории, которые лежат в основе системы языка, и грамматические категории очень плодотворна. Однако вопрос о сущности понятийных категорий и связи понятийных и грамматических категорий, вопрос о методах исследования системы понятийных категорий остается, по мнению В. В. Виноградова, не ясным, пока с этой точки зрения не будут исследованы системы разных языков [4].

Вопрос о понятийных категориях В. В. Виноградов затронул и в работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке» [3]. Исследуя категорию модальности, он определяет ее как одну из основных, центральных языковых категорий, которая обнаруживается в языках разных систем. Вместе с тем, В. В. Виноградов относит категорию модальности к таким категориям, которые И. И. Мещанинов называет понятийными категориями [3].

Итак, рассмотрев вопрос о соотношении неязыковых и языковых категорий в концепциях таких лингвистов как И.А. Бодуэн де Куртене, В.В. Виноградов, О. Есперсен, И.И. Мещанинов, А.М. Пешковский, А.А. Потебня, отметим, что данные языковеды разграничивали внеязыковые и языковые категории. Внеязыковые категории рассматриваются в работах этих лингвистов как логические (у А.А. Потебни, А.М. Пешковского), психологические (внеязыковые представления у И.А. Бодуэна де Куртене), семантические (у В.В. Виноградова) и понятийные (у О. Есперсена, И.И. Мещанинова).

Список использованных источников:

1. Бодуэн де Куртене И.А. Заметки на полях сочинения В.В. Радлова. – В кн.: Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртене. – М.: АН СССР, 1963. – Т.1. – С. 175–187.
2. Бодуэн де Куртене И.А. Количественность в языковом мышлении.– В кн.: Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртене. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т.1.– С. 311–324.
3. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. – В кн.: Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1975. – С. 55–58.

4. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
5. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М., 1958. – С. 57–58.
6. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке / И.И. Мещанинов // Тр. Военного института иностранных языков. – 1945. – № 1.
7. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи / И.И. Мещанинов. – Л., 1978.
8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М., 1956. – С. 205–208.
9. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – М., 1958. – Т. 1. – С. 69–91.

МИСТЕЦТВОЗНАВСТВО

<i>Авдеева В.В.</i> Наивное искусство Урала: особенности коллекционирования	3
<i>Быстров А.В.</i> Эстетические аспекты формообразования мобильного бронированного вооружения	5
<i>Кокодій Н.В., Коханенко Л.М.</i> Організація самостійної роботи студентів з «Фортепіано» за модульно-рейтинговою системою навчання	16

КУЛЬТУРОЛОГІЯ

<i>Зыков А.И.</i> Культурформирующие особенности танца в восточном театре ...	20
<i>Козменко М.В.</i> Міфічний символізм в архетипізації цінності.....	23
<i>Снеговая О.А.</i> Соотношение культурных и цивилизационных факторов в глобализационных процессах	26
<i>Тулохонов С.М.</i> Мнимые авторитеты: Ахматова	31
<i>Тулохонов С.М.</i> Мнимые авторитеты: Войцеховский	35
<i>Тулохонов С.М.</i> Мнимые авторитеты: Намсараев	38

ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ

Літературознавство

<i>Дзюбенко А.И., Вопилова А.Р.</i> The Image of a Criminal vs. the Image of a Defendant: Through the Author's Experience Interpretation	43
<i>Кравченко В.Л.</i> Concept "Sense of Beauty" in Japanese Culture: Cross-cultural Aspect.....	47
<i>Некрасова И.В.</i> Разнообразие способов сюжетостроения в новейшей русской литературе	50
<i>Тулуп Э.Р.</i> Концепт «героизм» в раннесредневековой западноевропейской литературе: основная характеристика	55
<i>Шпанько Т.С., Сорокина Ю.Н.</i> Мифотворческий характер художественной фантазии писателей XX века. романы Ф. Кафки.....	57

Українська та російська мови

<i>Беширова С.О.</i> Семантично–функціональна класифікація фразеологізмів і паремій у рекламних текстах	59
--	----

Германо-романські мови

<i>Белкина И.В., Воробьева А.Е.</i> Семантические и синтаксические особенности глаголов, вербализующих фрейм «Приобретение»	61
<i>Воробьева А.Е., Белкина И.В.</i> Электронная деловая корреспонденция с позиций нейролингвистического программирования (на материале английского языка как международного)	65
<i>Говтва О.О.</i> Значення аудіювання при навчанні другій іноземній мові	67
<i>Зверева А.И.</i> Особенности функционирования английских фразеологических единиц (на материале произведений М.Твена).....	69
<i>Косенко О.П.</i> Неологізми у фешн-індустрії	71
<i>Лисейко Л.В.</i> Поширення лінгвістичного поняття мовної норми	73

<i>Максимова Е.В., Олейник Е.И.</i> Использование различных форм контроля при обучении монологической речи студентов Харьковской государственной академии физической культуры на примере английского языка	78
<i>Максимова Е.В., Олейник Е.И.</i> Проблема стилистической роли спорта и спортивной терминологии при изучении английского языка	80
<i>Орел И.В.</i> Аббревиация и сложносокращенные слова	81
<i>Суралева Е.Н.</i> Построение полевой модели как часть лингвокультурологического описания этноконцепта 'Mobilität'	84
Загальне мовознавство	
<i>Лазовская Н.В.</i> Креолизованные тексты. элементы параграфемии в тексте рекламы	89
Перекладознавство	
<i>Дзядик Ю.І.</i> Англійський піджин Нігерії: особливості перекладу	92
<i>Науменко О.В.</i> Труднощі перекладу колоронімів (на матеріалі роману С.Моема «Розмальована завіса»).....	94
<i>Олійник Л.Й., Денисова О.В.</i> Навчання реферативному перекладу у ВТНЗ.....	97
Структурна, прикладна та математична лінгвістика	
<i>Пелішенко Ю.В.</i> Методологія лінгвістичної експертизи неюридичних текстів	99
<i>Христианова Н.В., Кацитадзе И.М.</i> К вопросу о категории причинности в лингвистике.....	103

Наукове видання

Мови видання: українська, російська, англійська

СПЕЦПРОЕКТ: АНАЛІЗ НАУКОВИХ ДОСЛІДЖЕНЬ

Матеріали VII Міжнародної науково-практичної конференції

Київ • 14–15 червня 2012 р.

У семи томах

Том 4. Мистецтвознавство та культурологія. Філологічні науки

Окремі доповіді друкуються в авторській редакції

Організаційний комітет не завжди поділяє позицію авторів

За точність викладеного матеріалу відповідальність покладається на авторів

Відповідальний редактор Біла К. О.

Технічний редактор Капуш О. Є.

Підп. до друку 22.06.12. Формат 60x84¹/₁₆.
Ум. др. арк. 6,75. Тираж 100 пр. Зам. № 0612-04.

Видавець та виготовлювач СПД Біла К. О.
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру ДК № 3618 від 06.11.09.

Надруковано на поліграфічній базі видавця Білої К. О.
Україна, 49087, м. Дніпропетровськ, п/в 87, а/с 4402

тел. +38 (067) 972-90-71

www.confcontact.com
e-mail: conf@confcontact.com